

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2025 – № 2 (27)

Ярославль
2025

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. – № 2 (27). – 203 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2025-2-27. – EDN RKOKRG.

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, профессор, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** Т. С. Аكوпова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, декан факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗиУ Росийской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Т. В. Бугайчук, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Вейди Чжоу, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Е. Яньхуа, доктор исторических наук, доцент Института истории Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, КНР; А. М. Ермаков, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; П. Л. Карабушенко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; Г. Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; А. Ло, доктор исторических наук, профессор Института истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Лубков, доктор исторических наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета, г. Москва; А. А. Машковцев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политических наук Вятского государственного университета, г. Киров; С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; Д. Г. Сельер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Ирина Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдыня, г. Рига, Латвия; В. А. Фокин, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; Я. Ю. Шашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; В. А. Ясвин, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва; Ц. Чжан, доктор исторических наук, профессор, директор Центра новой мировой истории Института истории Пекинского педагогического университета, г. Пекин, КНР; В. Т. Юнглод, доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета, г. Киров; Яо Хай, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу, КНР.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150066, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025
© Авторы статей, 2025

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches: scientific journal. – Yaroslavl: RIO YSPU, 2025. – №2 (27). – 203 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2025-2-27. – EDN RKOKRG.

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. S. Akopova**, candidate of sociological sciences, associate professor, dean of faculty of socio-political sciences, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ye Yanhua**, doctor of history, associate professor Institute of history, Heilongjiang University, Harbin, China; **A. M. Ermakov**, doctor of historical sciences, professor of the department of world history, dean of the faculty of history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **G. N. Kocheshkov**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. Lo**, doctor of history, professor, institute of history and culture, Central Chinese pedagogical university, Wuhan, China; **A. V. Lubkov**, doctor of historical sciences, professor, academician of the Russian academy of education, rector of the Moscow state pedagogical university, Moscow; **A. A. Mashkovtsev**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of history and political sciences of the Vyatka state university, Kirov; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow; **Z. Zhang**, doctor of historical sciences, professor, director of the new world history centre of the institute of history of Beijing normal university, Beijing, China; **V. T. Yungblyud**, doctor of historical sciences, professor, president of Vyatka state university, Kirov; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou, China.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2025

© Authors of articles, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

- Бугайчук Т. В.** Роль исторической памяти в развитии гражданской идентичности: современные реалии _____ **6**
- Самаркина И. В., Сазантович А. Б.** Интеграция новых субъектов в политическое и социокультурное пространство Российской Федерации: риски и стратегии их преодоления _____ **21**
- Гринчевский А. С.** Национальная безопасность России в контексте когнитивной войны _____ **43**
- Медведев Д. А., Малых А. Е.** Направления интеграции инструментов OSINT в процессы обеспечения безопасности предприятий нефтегазового сектора _____ **59**
- Попов Д. И.** Перегруппировка правопопулистских партий и образование фракции «Патриоты за Европу» в Европарламенте в 2024 г. _____ **75**

Социально-политическая история России

- Малиновская Е. С.** Организация ухода за британскими воинскими некрополями периода Крымской войны в Севастополе (1854–1884 гг.) _____ **94**
- Лю Ясинь** Развитие авиации и авиационной промышленности в позднимперской России: роль государства и проблема инноваций _____ **111**
- Воронцов Н. С.** Проблема изменения конституционно-правового статуса Приморского края и концепт «Республики Приморье» в региональном политическом дискурсе начала 1990-х гг. _____ **126**
- Теория, методика и организация социально-культурной деятельности**
- Сараева Е. Л.** Осмысление русскими интеллектуалами значения домашнего и гимназического образования в пореформенной России _____ **149**
- Салимьянова У. В.** Подготовка педагога к сопровождению семьи, воспитывающей ребенка с особыми потребностями _____ **162**
- Сундукова Г. М.** Перспективы эволюции модели высшего образования в контексте развития искусственного интеллекта _____ **176**
- Авраменко В. И.** Роль экстренной психолого-педагогической помощи в профилактике суицидов населения Европейского Союза на примере Эстонии _____ **192**

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

- Bugaychuk T. V.** The role of historical memory in the development of civil identity: modern realities _____ **7**
- Samarkina I. V., Sazantovich A. B.** New federal subjects integration into political and socio-cultural space of the Russian Federation: risks and overcome strategies ____ **22**
- Grinchevskiy A. S.** Russian national security in the context of cognitive warfare _ **44**
- Medvedev D. A., Malykh A. E.** Directions of OSINT tools integration into oil and gas sector security processes _____ **60**
- Popov D. I.** Regrouping of right-wing populist parties and formation of the Patriots for Europe faction in the European Parliament in 2024 _____ **76**

Socio-political history of Russia

- Malinovskaya E. S.** Organisation of care for british military cemeteries from the Crimean war in Sevastopol (1854–1884) _____ **95**
- Liu Yaxin** The development of the aviation industry in late imperial Russia: the role of the state and the problem of innovation _____ **112**
- Vorontsov N. S.** The problem of changing the constitutional and legal status of Primorsky territory and the concept of the “Republic of Primorye” in the regional political discourse of the early 1990s _____ **127**

Theory, methods and organization of socio-cultural activities

- Saraeva E. L.** Understanding by russian intellectuals the importance of home and gymnasium education in post-reform Russia _____ **150**
- Salimyanova U. V.** Preparing a teacher to support a family raising a child with special needs _____ **163**
- Sundukova G. M.** Prospects for the evolution of the higher education model in the context of artificial intelligence development _____ **177**
- Avramenko V. I.** The role of emergency psychological and pedagogical assistance in suicide prevention in the European Union on the example of Estonia _____ **193**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

УДК 323.1

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-6

EDN: PFVXKB

Роль исторической памяти в развитии гражданской идентичности: современные реалии

Татьяна Владимировна Бугайчук

Доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедр общей и социальной психологии, теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития идеи исторической памяти как одного из предикторов формирования гражданской идентичности россиян. Сделан акцент на роли Победы в Великой Отечественной войне как значимом историческом событии, оказывающем прямое влияние на становление гражданской идентичности у молодого поколения. Гражданская идентичность личности понимается автором как результат позитивного процесса развития гражданского самосознания личности, ориентированного на принятие себя как гражданина страны, принятие ценностей этой страны и удовлетворенность жизнью в стране, а также собственно активная деятельностная позиция личности в роли гражданина страны. При этом выделены три компонента гражданской идентичности личности: когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный. Каждый компонент представлен определенными смысловыми категориями. Отмечается, что историческая память как смысловая единица наполняет содержанием когнитивный компонент гражданской идентичности. В статье приведены результаты исследования структуры гражданской идентичности студентов педагогических вузов. В исследовании доказано преобладание когнитивного компонента гражданской идентичности с определяющей его содержание исторической памятью во всех выделенных ролевых позициях, что доказывает доминирующее положение когнитивного компонента в развитии гражданской идентичности студентов. Подобные тенденции отмечаются и в других исследованиях. Задача современной политики идентичности – сохранить историческую память о По-

беде советского народа в Великой Отечественной войне как значимом событии в становлении гражданской идентичности у подрастающего поколения россиян.

Ключевые слова: историческая память; гражданская идентичность; Победа в Великой Отечественной войне; студенты; структура гражданской идентичности; Россия; компоненты гражданской идентичности

Для цитирования: Бугайчук Т. В. Роль исторической памяти в развитии гражданской идентичности: современные реалии // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 6–20. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-6>. <https://elibrary.ru/PFVXKB>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

The role of historical memory in the development of civil identity: modern realities

Tatiana V. Bugaychuk

Doctor of political sciences, candidate of psychological sciences, associate professor, professor at department of general and social psychology, theory and methods of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Abstract. The article examines modern trends in the development of the idea of historical memory as one of the predictors of the formation of the Russian civil identity. The article focuses on the role of the Victory in the Great Patriotic War as a significant historical event that has a direct impact on the development of civic identity in the younger generation. The author understands civic identity as a result of a positive process of developing civic self-awareness of an individual, focused on accepting oneself as a citizen of the country, accepting the values of this country and satisfaction with life in the country, as well as the actual active position of the individual in the role of a citizen of the country. At the same time, three components of civic identity are distinguished: cognitive, value-motivational and activity-based. Each component is represented by certain semantic categories. It is noted that historical memory as a semantic unit fills the cognitive component of civic identity with content. The article presents the results of studying the structure of civic identity of students in pedagogical universities. The study proves the predominance of the cognitive component of civic identity with historical memory determining its content in all identified role positions, which proves the dominant position of the cognitive component in the development of students' civic identity. Similar trends are noted in other studies. The task of modern identity politics is to preserve the historical memory of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War as a significant event in the formation of civil identity among the younger generation of Russians.

Key words: historical memory; civil identity; Victory in the Great Patriotic war; students; structure of civil identity; Russia; components of civic identity

For citation: Bugaychuk T. V. The role of historical memory in the development of civil identity: modern realities. *Social and political researches*. 2025;2(27): 6–20. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-6>. <https://elibrary.ru/PFVXKB>.

Введение

Выбранная тема статьи не случайна, так как в год празднования 80-летия Победы нашей страны в Великой Отечественной войне и в период продолжающейся уже три года специальной военной операции очень важно обращаться к исследованию предикторов развития гражданской идентичности и гражданского самосознания личности. Осмысление исторических событий, влияющих на становление гражданской идентичности личности, особенно значимо, так как именно от развитой гражданской идентичности жителей страны зависит национальная безопасность и государственная стабильность. Как отмечает О. А. Коряковцева, «сегодня в условиях нового политического противостояния Россия находится на этапе укрепления и развития общероссийской цивилизации, успешность данного процесса во многом зависит от самоидентификации подрастающего поколения и сформированности его гражданской идентичности» [Коряковцева, 2024, с. 7]. В аспекте факторов, воздействующих на гражданскую идентичность личности, актуально рассмотреть новые ракурсы изучения идеи исторической памяти у граждан России [Историческая память ... , 2018].

Результаты исследования

На формирование гражданской идентичности личности определенное влияние имеет любой политически значимый процесс в истории страны. На наш взгляд, гражданская идентичность является результатом формирования гражданского самосознания, которое проявляется в принятии себя гражданином страны, принятии ее ценностей и удовлетворенности жизнью в данном обществе. Также крайне важна активная деятельностная позиция в роли гражданина страны. *Компонентами структуры гражданской идентичности являются* когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный, которые развиваются во взаимосвязи друг с другом. Сформированность этих компонентов подтверждает развитость гражданской идентичности [Бугайчук, 2024]. Процесс обретения идентичности долгий и гетерохронный, предполагает системное воздействие на каждый компонент. Структурный состав данных компонентов можно кратко представить в виде индикаторов, которые характеризуют каждый компонент. Например, ценностно-мотивационный компонент определяется такими показателями гражданской идентичности как чувство принадлежности к многонацио-

нальному российскому обществу, любовь к природе родного края, чувство принадлежности к своему этносу, принятие ценности другой личности и др. В когнитивный компонент входят: знание основных законов государства, знание о народах и этнических группах России; знание основных исторических событий, влияющих на развитие государства и общества; уважение к культуре народов России; уважение к истории своей страны и др. Деятельностный компонент наполняется такими показателями как умение использовать законы на практике; готовность участвовать в общественно-политической жизни страны; умение вести равноправный диалог на основе взаимного уважения; принятие ответственности за судьбу своей страны и др.

Данная структура получила положительную экспертную оценку и легла в основу нашей авторской психосематической методики исследования изучаемого феномена, которая прошла психометрическую проверку. Индикаторы, представ-

ленные в структуре гражданской идентичности, безусловно, напрямую связаны со знанием истории, культуры, языка, традиций своей страны, поэтому историческую память, как предиктора формирования гражданской идентичности, нельзя исключить. Она представлена в содержании когнитивного компонента гражданской идентичности. Наши исследования подтверждают, что когнитивному компоненту в структуре гражданской идентичности отводится ведущая роль [Халадов, 2024а; Халадов, 2024б].

В исследовании гражданской идентичности студентов – будущих педагогов, проводившемся в 2024 г., и в котором приняли участие 396 человек из 18 регионов страны, было доказано, что именно когнитивный компонент, по мнению студентов, будет ведущим в вопросах формирования гражданской идентичности (см. рис. 1), причем данная тенденция наблюдается в каждой из шести изучаемых ролевых позиций.

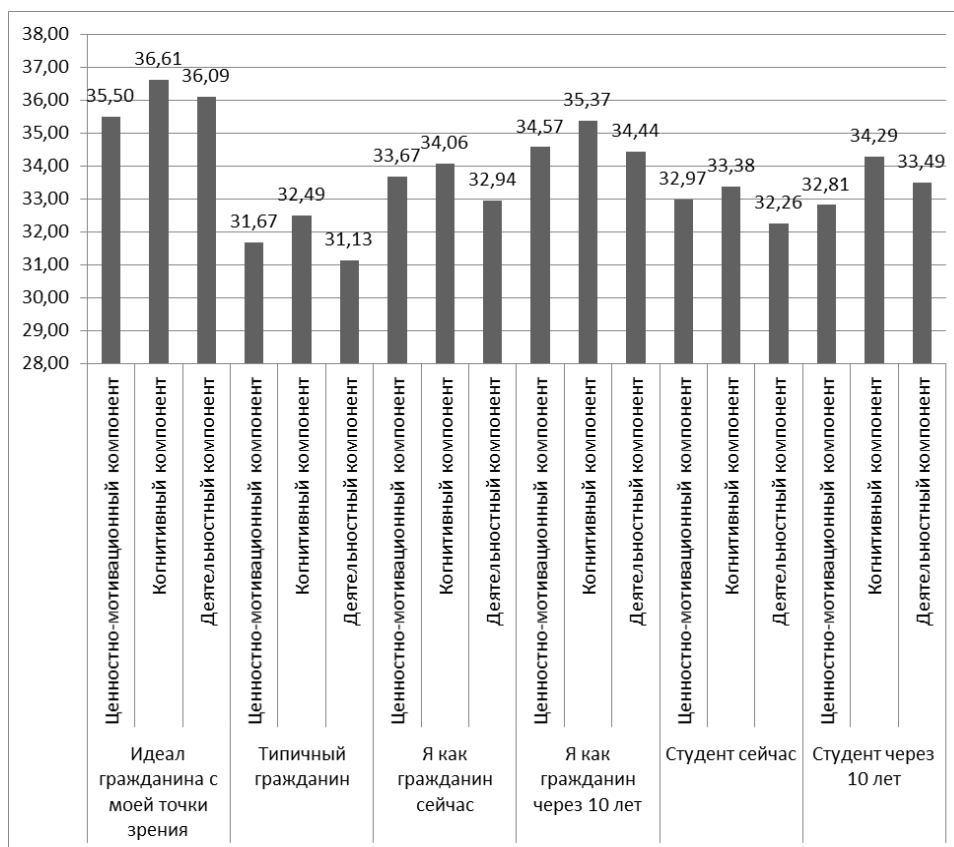

Рис. 1. Сформированность гражданской идентичности студентов – будущих педагогов

Мы опираемся на результаты исследования, проведенного в 2024 года под руководством Х. А.-С. Халадова.

По ролевым позициям видна высокая выраженность всех компонентов структуры гражданской идентичности, но по оценкам студентов наиболее высокое значение у когнитивного компонента. Это значит, что студенты придают особое значение знанию народов России, их культуры и ценностей, знанию законов государства в целом и

истории страны, базирующейся на исторической памяти.

Подобные тенденции подтверждаются и в исследовании Н. В. Шумковой. Автор отмечает: «В качестве главных консолидаторов общероссийской гражданской идентичности респонденты (студенты – прим. автора) отметили общую территорию и общие проблемы – общее настоящее, а не прошлое. Тем не менее каждый пятый опрошенный выбрал вариант “История”, а каждый десятый –

“Победы и поражения”» [Шумкова, 2022, с. 145].

Таким образом, результат нашего исследования объективен: изучение истории России и ориентация на историческую память вызывает особый интерес у современной молодежи. Именно поэтому так актуален новый университетский курс «Основы российской государственности», способствующий формированию когнитивного компонента гражданской идентичности у обучающихся и пониманию общественной роли каждого из них.

На наш взгляд, в структуре гражданской идентичности ключевую роль играют когнитивный и ценностно-мотивационный компоненты, на основе которых постепенно строится деятельностный компонент. В содержании когнитивного компонента – знания о России, ее истории, культуре, правовой гражданской базе. Ценностно-мотивационный компонент связан с личными убеждениями и ценностями, которые формируют отношение индивида к своему обществу и государству.

В представленном исследовании, результаты которого можно увидеть на рисунке 1, было установлено, что когнитивный и ценностно-мотивационный компоненты преобладают над деятельностным в большинстве ролевых позиций, за исключением позиций «Идеал гражданина с моей точки зрения» и «Студент через 10 лет». Данные результаты могут свидетельствовать о том, что современные студенты больше ориентиро-

ваны на развитие себя как гражданина страны и своей гражданской идентичности и пока не готовы занимать активную гражданскую позицию. При этом свою гражданскую позицию они оценивают выше, чем гражданскую позицию типичного гражданина страны. Данную тенденцию мы можем наблюдать в оценке студентами ролевой позиции «Типичный гражданин». Отметим, что по всем структурным компонентам гражданской идентичности эта ролевая позиция оценивается студентами ниже по сравнению с другими ролевыми позициями. Данный исследовательский факт может быть представлен как некое сомнение студентов в развитости гражданской идентичности у населения страны в целом, а значит – понимание ими важности становления гражданской идентичности. Интересно, что собственную гражданскую идентичность испытуемые оценивают выше, чем у других людей. Значит, они потенциально готовы занимать активную гражданскую позицию. Данный вывод подтверждается и в оценке студентами ролевой позиции «Я как гражданин через 10 лет», где все структурные компоненты гражданской идентичности имеют более высокий средний показатель по сравнению с ролевой позицией «Я как гражданин сейчас». Введение новых курсов и программ, направленных на изучение истории и культуры России, способствует не только развитию когнитивного компонента, но и формированию ценностных ориентиров, которые будут опреде-

лять поведение молодого поколения в будущем. Таким образом, мы можем говорить о том, что система образования на всех уровнях выполняет важную роль в становлении Гражданина страны.

Отметим, что изучение истории России и ее культурных особенностей не только помогает молодому поколению лучше понять свою страну, но и формирует у него чувство гордости за свою Родину, чувство патриотизма. Это чувство является фундаментальной основой становления гражданской идентичности, на него, как на нить, нанизываются все структурные компоненты гражданской идентичности. Важно, чтобы образовательные программы продолжали развиваться и адаптироваться к современным вызовам с целью поддержки гражданской идентичности подрастающего поколения, формировали патриотизм и готовность к активной и ответственной жизненной позиции в обществе. При этом без развития исторической памяти, в частности, и развития когнитивного компонента, в целом, невозможно полноценное формирование гражданской идентичности.

Важно отметить, что процесс становления гражданской идентичности, в том числе и через развитие исторической памяти, не заканчивается с окончанием школы или вуза: он продолжается в течение всей жизни человека, где когнитивный и ценностно-мотивационные компоненты определяют проявления деятельностного компонента гражданской идентичности. Он

особенно динамичен и включает в себя такие аспекты, как участие в выборах, волонтерская деятельность, участие в общественных организациях и движениях и т.п.

Как отмечает О. А. Моисеенко, «историческая память выступает одним из элементов формирования и национальной, и гражданской идентичности... Национальная идентичность может быть определена как заданная национальной картиной мира и исторической памятью народа основная идея, которой живет социум в данную историческую эпоху. Идентичность помогает понять сущность той или иной нации, ее место, роль и задачи в мировой истории... Если придерживаться позиций конструктивизма, то гражданская идентичность – это полностью социальный конструкт, который подвижен, а значит, может меняться в зависимости от циркулирования в информационном пространстве той или иной страны различных исторических сценариев и трактовок истории» [Моисеенко, 2022, с. 37]. Современная мировая политика идентичности направлена на реализацию именно этой идеи. Задача же государственной важности в России – сохранение исторической памяти.

В государственных документах эта задача, безусловно, отражена. Так, Конституция РФ в 2020 году была дополнена статьей 67.1 с 4 июля 2020 г. – Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ – с такой формулировкой: «Российская Федерация чтит память защитников

Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [Конституция РФ, 2020]. В 2022 году был издан очень важный Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Он начинается с фразы: «Настоящие Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809]. Именно в этом документе историческая память включена в ценности российского народа: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента РФ от

9 ноября 2022 г. № 809]. В 2023 г. был принят Указ Президента Российской Федерации № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» [Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817]. Это является новой вехой в развитии исторической памяти граждан России. Нельзя также не выделить Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314] и Указ Президента от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». В последнем документе прописано, «в целях сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в благодарность ветеранам и, признавая подвиг участников специальной военной операции», 2025 год объявлен Годом защитника Отечества [Указ № 28 от 16.01.2025].

Нельзя не отметить, что объявление 2025 г. в России Годом защитника Отечества с точки зрения государственной политики идентичности является важным шагом в вопросе становления российской идентичности у граждан страны. Следует подчеркнуть значимость обращения к важным историческим вехам, которыми могут гордиться

все граждане. Но особое внимание необходимо уделять процессу исторического просвещения подрастающего поколения – тех, кто будет «сохранять и беречь» страну от агрессивного воздействия на нашу цивилизацию, суверенитет, память о важных исторических событиях, культуру, язык и т. д. Именно сегодня важно обращаться к исторической памяти россиян, к значимым историческим событиям нашей страны, которые с позиции развития российской идентичности являются «якорями» и «флагманами» ее становления. Историческая память в современной ее интерпретации – это необходимое знание, прочувствованное и осмысленное личностью, обладающее значимостью для ее становления как гражданина страны [Бараш, 2023; Воденко, 2021].

Если проанализировать работы современных исследователей – политологов, социологов, историков о великих исторических событиях нашего государства, которые неоспоримо повлияли на развитие гражданского общества в нашей стране и являются «оплотом» российской государственности, то к одному из таких событий следует отнести Победу СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Новиков, 2024]. Одной из причин такого суждения является психологическая закономерность, состоящая в том, что наибольшим интегративным потенциалом обладают события, относящиеся к категории социальных травм, прежде всего, – освободительные войны [Лебедев, 2020].

Об этом пишет и Р. Э. Бараш после проведения масштабного всероссийского социологического исследования по изучаемому вопросу. Она делает акцент на том, что «переплетение образов национальной и семейной истории, особенно в сюжетах памяти о Великой Отечественной войне, ставшей “мифом происхождения” постсоветской России, помещает задачу защиты исторической памяти в поле ответственности каждого гражданина. Отсюда – готовность многих граждан противостоять попыткам пересмотра истории, особенно, когда речь идет о Великой Отечественной войне. В 2023 г. более половины респондентов (57 %) были уверены, что от трактовки исторических событий зависит будущее страны, поэтому “борьба за прошлое” имеет большое политическое и международное значение» [Бараш, 2024, с. 122]. Именно этот факт лежит в основе исторической памяти нашего народа, которая определяет развитие когнитивного компонента гражданской идентичности. По данным ряда исследований, особую социальную значимость для населения России имеет сформированный образ Великой Отечественной войны. Он не только символизирует величие победы многонационального народа, но и, что особенно важно, выражает идею исторической преемственности, связанную с участием молодого поколения россиян «в процессах увековечения, коллективного сохранения и ритуально символического оформления коллективной памяти о Ве-

ликой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Мысливец, 2018, с. 159].

Е. М. Малышева в научной статье пишет: «Важным компонентом и одной из составляющих российской национальной идентичности до сих пор в российском обществе остаётся аксиома: «Мы – великий народ, победивший фашизм», т. е. социальная память о Великой Отечественной войне» [Малышева].

Как отмечают социологи С. Д. Лебедев, И. С. Шаповалова, Н. А. Рощупкина и А. А. Шкапенко: «В целом война 1941–1945 гг. продолжает жить в сознании и памяти студентов университета, как социально и персонально значимый исторический факт. 80 % опрошенных подтвердили, что память о ней значима для них и их сверстников, для 95 % эта память так или иначе интересна; 55 % считают, что подвиг в этой войне старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений. Эта память окрашена для них, прежде всего, в семейно-личностные тона воспоминаний и скорби о близких, прошедших эту войну (87 % опрошенных)» [Лебедев, 2020, с. 16].

Но есть и те, кто пытается «очернить» нашу Победу и распространяет мифы о Великой Отечественной войне. Фальсификация основных итогов Великой отечественной войны зарубежными историками и политиками сегодня все чаще встречается в средствах массовой информации. Эти лжефакты создаются для дезинформации молодого поколения во всем мире и

ориентированы на разрушение исторической памяти, поскольку их гражданская позиция и политические убеждения еще не сформированы. Например, одним из главных направлений ошибочного представления исторических фактов, определяющих нашу историческую память, выступает лживый образ Советского Союза как агрессора в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время необходимо исследование восприимчивости современной российской молодежи к дезинформации о событиях войны. Именно для того, чтобы предотвратить подобное развитие событий, необходимо обращаться к формированию исторической памяти подрастающего поколения еще с дошкольного возраста, когда когнитивный компонент гражданской идентичности определяет формирование ценностно-мотивационного и деятельностного компонентов.

Военный пласт исторической памяти является наиболее ценностным представлением о культурной и духовной жизни страны в переломные периоды истории, что, безусловно, способствует исторической преемственности поколений. Что касается ценностно-мотивационного компонента гражданской идентичности, то, безусловно, он также системно формируется. Ценности и представления, составляющие «военный» пласт социально-исторической памяти, являют собой наиболее мощный и значимый культурный и духовный «проводник», обеспечива-

ющий преемственность российских эпох и поколений середины XX – первой четверти XXI столетий при множественных, всеобъемлющих и во многом катастрофических изменениях, произошедших в указанный период.

Деятельностный компонент гражданской идентичности является одной из существенных характеристик политики памяти, особенно в молодежной среде. Деятельностный компонент гражданской идентичности может быть представлен как «принятие молодёжью перспективы участника, а не наблюдателя, готовность молодежи влиять на происходящее, принимая всю полноту ответственности за собственные действия; а также как установка гражданина на совместную с другими членами гражданского общества деятельность, стремление к сотворчеству, к достижению согласия путем убеждения» [Попп, 2020, с. 359]. Проекты «Бессмертный Полк», «Лента памяти», работа Роспатриотцентра, «Волонтёры Победы», «МыВместе» и т. д. отвечают этому требованию.

Заключение

Проведенное нами исследование подтверждает необходимость глубокой работы по совершенствованию политики идентичности посредством сохранения исторической памяти и преемственности поколений россиян. Общественные организации «Российское историческое общество», «Русское географическое общество», общество «Знание» должны активизировать свою деятельность в данном направлении как на международном, так и на национальном уровнях. Начала реализовываться программа «Время героев». Значительным потенциалом для формирования политики памяти обладают СМИ, социальные сети, блогеры [Капицын, 2021]. Политика памяти должна быть в авангарде информационной политики государства. Таким образом, формирование российской идентичности становится политико-психологическим ресурсом развития общества и государства, объединением поколений и народов России.

Библиографический список

1. Бараш Р. Э. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» / Р. Э. Бараш, Р. В. Петухов // Вестник Института социологии. 2023. Том 14, № 4. С. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9. EDN: OEMWVC.
2. Бараш Р. Э. Историческая память как ценностное основание гражданской идентичности российского общества 2020-х гг. // Социум и власть. 2024. № 4 (102). С. 116–132. DOI: 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132.
3. Бугайчук Т. В. Российская цивилизация и гражданская идентичность: взаимосвязь явлений // Социально-политические исследования. 2024. № 1 (22). С. 6–20. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-6>.
4. Воденко К. В. Роль ресурса исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодёжи

Юга России / К. В. Воденко, О. С. Иванченко, М. П. Тихоновская, О. Е. Лабадзе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 6–20. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20>.

5. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. Москва : РАН, 2018. 508 с.

6. Капицын В. М. Великая Победа в политике памяти: войны за идентичность молодёжи / В. М. Капицын, А. И. Симонова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.02.2025).

7. Конституция РФ дополнена статьей 67.1 с 4 июля 2020 г. – Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ. URL: <https://base.garant.ru/10103000/aae119c5fa225c0d54e7c866f74a3548/> (дата обращения: 01.02.2025).

8. Коряковцева О. А. Общероссийская ценностная система и воспитание Гражданина... // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (20). С. 5–18. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5>.

9. Лебедев С. Д. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи / С. Д. Лебедев, И. С. Шаповалова, Н. А. Рощупкина, А. А. Шкапенко // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 3–18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6- 2-0-1.

10. Малышева Е. М. Идентичность, духовный потенциал советского общества и формирование памяти о Великой Отечественной войне: диалог прошлого с настоящим // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-duhovnyy-potentsial-sovetskogo-obschestva-i-formirovanie-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-dialog-proshlogo-s/viewer> (дата обращения: 30.01.2025).

11. Моисеенко О. А. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2022. № 4. С. 31–46.

12. Мысливец Н. Л. Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 157–164.

13. Новиков М. В. СССР в борьбе с фашизмом: Советская помощь Испанской Республике (1936–1939 гг.) и Китайской Республике (1937–1945 гг.): монография / под науч. ред. А. В. Лубкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. 399 с.

14. Попп И. А. Конструирование гражданской идентичности российской молодежи через проекты по сохранению исторической памяти // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 355–362.

15. Указ Президента от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.01.2025).

16. Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации “Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020022?index=2> (дата обращения: 30.01.2025).

*Роль исторической памяти в развитии гражданской идентичности:
современные реалии*

17. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 30.01.2025).

18. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 30.01.2025).

19. Халадов Х.-А. С. Исследование особенностей готовности студентов педагогических вузов к академической мобильности / Х.-А. С. Халадов, Т. Ю. Медведева, А. М. Ходырев, Т. В. Бугайчук // *Science for Education Today*. 2024а. Т. 14, № 6. С. 7–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2406.01>.

20. Халадов Х.-А. С. Специфика гражданской идентичности студентов – будущих педагогов и отечественные практики ее формирования в условиях академической мобильности / Х.-А. С. Халадов, А. М. Ходырев, И. В. Головина // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2024б. № 3 (44). С. 228–236. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-228-236.

21. Шумкова Н. В. Историческая память как интегративный ресурс общероссийской гражданской идентичности студенческой молодежи // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2022. Т. 22, № 2. С. 140–150. DOI: 10.15507/2078-9823.058.022.202202.140-150.

Reference list

1. Barash R. Je. Identichnost' i istoricheskaja pamjat' rossijan v uslovijah protivostojanija «kollektivnomu Zapadu» = Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the “collective West” / R. Je. Barash, R. V. Petuhov // *Vestnik Instituta sociologii*. 2023. Tom 14, № 4. С. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9. EDN: OEMWVC.

2. Barash R. Je. Istoricheskaja pamjat' kak cennostnoe osnovanie grazhdanskoj identichnosti rossijskogo obshhestva 2020-h gg. = Historical memory as the value foundation of the civil identity of Russian society in the 2020s // *Socium i vlast'*. 2024. № 4 (102). С. 116–132. DOI: 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132.

3. Bugajchuk T. V. Rossijskaja civilizacija i grazhdanskaja identichnost': vzaimosvjaz' javlenij = Russian civilization and civic identity: the relationship of phenomena // *Social'no-politicheskie issledovanija*. 2024. № 1 (22). С. 6–20. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-6>.

4. Vodenko K. V. Rol' resursa istoricheskoy pamjati v formirovanii grazhdanskoj identichnosti i obespechenii kul'turnoj bezopasnosti molodjozhi Juga Rossii = The role of the resource of historical memory in the formation of civic identity and ensuring the cultural safety of young people in the South of Russia / K. V. Vodenko, O. S. Ivanchenko, M. P. Tihonovskova, O. E. Labadze // *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki*. 2021. Т. 14, № 5. С. 6–20. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20>.

5. Istoricheskaja pamjat' i rossijskaja identichnost' = Historical memory and Russian identity / pod. red. V. A. Tishkova, E. A. Pivnevoj. Moskva : RAN, 2018. 508 s.

6. Kapicyn V. M. Velikaja Pobeda v politike pamjati: vojny za identichnost' molodjozhi = The Great Victory in memory politics: wars for youth identity / V. M. Kapicyn, A. I. Simonova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (data obrashhenija: 01.02.2025).
7. Konstitucija RF dopolnena stat'ej 67.1 s 4 ijulja 2020 g. – Zakon RF o popravke k Konstitucii RF ot 14 marta 2020 g. N 1-FKZ. = The Constitution of the Russian Federation is supplemented by article 67.1 from July 4, 2020 - the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 N 1-FKZ. URL: <https://base.garant.ru/10103000/ae119c5fa225c0d54e7c866f74a3548/> (data obrashhenija: 01.02.2025).
8. Korjakovceva O. A. Obshherossijskaja cennostnaja sistema i vospitanie Grazhdanina... = All-Russian value system and education of Citizen... // Mir russkogovorjashhih stran. 2024. № 4 (20). S. 5–18. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5>.
9. Lebedev S. D. Social'naja travma i cennosti pokolenij: Velikaja Otechestvennaja vojna v istoricheskoj pamjati studencheskoj molodezhi = Social trauma and values of generations: the Great Patriotic War in the historical memory of student youth / S. D. Lebedev, I. S. Shapovalova, N. A. Roshhupkina, A. A. Shkapenko // Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie. 2020. T. 6, № 2. S. 3–18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6- 2-0-1.
10. Malysheva E. M. Identichnost', duhovnyj potencial sovetskogo obshhestva i formirovanie pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne: dialog proshlogo s nastojashim = Identity, spiritual potential of Soviet society and the formation of memory of the Great Patriotic War: dialogue of the past with the present // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta: setevoe jelektronnoe nauchnoe izdanie. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-duhovnyy-potentsial-sovetskogo-obshchestva-i-formirovanie-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-dialog-proshlogo-s/viewer> (data obrashhenija: 30.01.2025).
11. Moiseenko O. A. Rol' istoricheskoj pamjati v formirovanii grazhdanskoj identichnosti sovremennoj Rossii = The role of historical memory in the formation of the civic identity of modern Russia // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 2022. № 4. S. 31–46.
12. Myslivec N. L. Obrazy proshlogo v istoricheskoj pamjati: teoretiko-metodologicheskij aspekt = Images of the past in historical memory: theoretical and methodological aspect // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. № 1. S. 157–164.
13. Novikov M. V. SSSR v bor'be s fashizmom: Sovetskaja pomoshh' Ispanskoj Respublike (1936-1939 gg.) i Kitajskoj Respublike (1937–1945 gg.) = USSR in the fight against fascism: Soviet assistance to the Spanish Republic (1936–1939) and the Republic of China (1937–1945): monografija / pod nauch. red. A. V. Lubkova. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2024. 399 s.
14. Popp I. A. Konstruirovanie grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi cherez proekty po sohraneniu istoricheskoj pamjati = Constructing the civic identity of Russian youth through projects to preserve historical memory // Voprosy vseobshhej istorii. 2020. № 23. S. 355–362.
15. Ukaz Prezidenta ot 16.01.2025 № 28 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda zashhitnika Otechestva» = Presidential Decree of 16.01.2025 No. 28 “On holding the Year of Defender of the Homeland in the Russian Federation”. URL: www.pravo.gov.ru (data obrashhenija: 30.01.2025).

16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.11.2023 № 817 «O sozdanii avtonomnoj nekommercheskoj organizacii “Nacional'nyj centr istoricheskoy pamjati pri Prezidente Rossijskoj Federacii”» = Decree of the President of the Russian Federation of 02.11.2023 No. 817 “On the creation of an autonomous non-profit organization” National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020022?index=2> (data obrashhenija: 30.01.2025).

17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 08.05.2024 № 314 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti istoricheskogo prosveshhenija» = Decree of the President of the Russian Federation of 08.05.2024 No. 314 “On approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (data obrashhenija: 30.01.2025).

18. Ukaz Prezidenta RF ot 9 nojabrja 2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» = Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (data obrashhenija: 30.01.2025).

19. Haladov H.-A. S. Issledovanie osobennostej gotovnosti studentov pedagogicheskikh vuzov k akademicheskoj mobil'nosti = Study of the features of readiness of pedagogical universities students for academic mobility / H.-A. S. Haladov, T. Ju. Medvedeva, A. M. Hodyrev, T. V. Bugajchuk // Science for Education Today. 2024. T. 14, № 6. S. 7–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2406.01>.

20. Haladov H.-A.S. Specifika grazhdanskoj identichnosti studentov – budushhih pedagogov i otechestvennye praktiki ee formirovanija v uslovijah akademicheskoj mobil'nosti = Specificity of civil identity of students - future teachers and domestic practices of its formation in conditions of academic mobility / H.-A. S. Haladov, A. M. Hodyrev, I. V. Golovina // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. 2024. № 3 (44). S. 228–236. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-228-236.

21. Shumkova N. V. Istoricheskaja pamjat' kak integrativnyj resurs obshherossijskoj grazhdanskoj identichnosti studencheskoj molodezhi = Historical memory as an integrative resource of the all-Russian civic identity of student youth // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija. 2022. T. 22, № 2. S. 140–150. DOI: 10.15507/2078-9823.058.022.202202.140-150.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья

УДК 323.21

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-21

EDN: OXTNZE

Интеграция новых субъектов в политическое и социокультурное пространство Российской Федерации: риски и стратегии их преодоления

Ирина Владимировна Самаркина^{1✉}, Алексей Борисович Сазантович²

¹Доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

²Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

¹smrkn@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-0205-8543>

²sazantovich@kubsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4473-288X>

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать, обобщить и систематизировать ключевые риски, с которыми сталкивается на своем пути интеграция новых территорий в экономическое, политическое и социокультурное пространство Российской Федерации. Определяются три основные категории рисков. Социокультурные риски, связанные с присутствием у населения не только российской, но также гибридной и украинской идентичностей. Институциональные риски, связанные с незавершенностью, прежде всего, институциональной интеграции новых территорий, которая проявляется в недостаточном развитии политических и экономических институтов, а также институтов гражданского общества. Риски, обусловленные продолжением активной фазы российско-украинского противостояния и сопутствующей этому противостоянию ожесточенной информационной войной. На основе экспертных оценок представителей академического сообщества и представителей институциональной среды реализация молодежной и образовательной политики для каждой категории рисков определяются и характеризуются противоречиями, лежащими в их основе, а также объективными и субъективными факторами, способными оказывать влияние на их обострение или преодоление. Проблематика рассматривается в контексте первоочередной необходимости укрепления общероссийской гражданской идентичности среди населения новых субъектов Российской Федерации, а также эффективного завершения процесса формирования российской государственности и закрепления ее ценностей в сознании «новых» россиян. Итогом работы с результатами исследования становятся рекомендации относительно выбора стратегий по преодолению обнаруженных рисков в краткосрочном и среднесрочном периоде.

Ключевые слова: риски; общероссийская гражданская идентичность; ресоциализация; новые территории; новые субъекты; публичная политика; интеграция

© Самаркина И. В., Сазантович А. Б., 2025

Для цитирования: Самаркина И. В., Сазантович А. Б. Интеграция новых субъектов в политическое и социокультурное пространство Российской Федерации: риски и стратегии их преодоления // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 21–43. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-21>. <https://elibrary.ru/OXTNZE>.

Original article

New federal subjects integration into political and socio-cultural space of the Russian Federation: risks and overcome strategies

Irina V. Samarkina^{1✉}, Alexey B. Sazantovich²

¹Doctor of political sciences, associate professor, head of department of political science and political management, Kuban state university, Krasnodar.

²Candidate of political sciences, associate professor at department of political science and political management, Kuban state university, Krasnodar

¹smrkn@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-0205-8543>

²sazantovich@kubsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4473-288X>

Abstract. This article attempts to characterize, summarize and systematize the key risks of new federal territories integration into the economic, political and socio-cultural space of the Russian Federation. The applied research helps to identify three categories of such risks. Socio-cultural risks are caused by multiple identities shared among population: Russian, Ukrainian and hybrid. Then institutional risks should be mentioned. They are related to incompleteness of the institutional integration of new federal territories. It can be traced in the insufficient development of political and economic institutions, as well as civil society institutions. Risks caused by the continuation of the active phase of the russian-ukrainian confrontation and the fierce information war accompanying this confrontation. Based on expert assessments of representatives of the academic community and representatives of the institutional environment for implementing youth and educational policies, for each category of risks, the contradictions underlying them, as well as objective and subjective factors that can influence their aggravation or overcoming, are determined and characterized. The issues are considered in the context of the primary need to strengthen the all-russian civil identity among the population of the new constituent entities of the Russian Federation, as well as the effective completion of the process of forming russian statehood and consolidating its values in the minds of “new” russians. The result of working with the results of the study is recommendations on the choice of strategies to overcome the identified risks in the short and medium term.

Key words: risks; all-russian civic identity; resocialization; new federal entities; new federal territory; public policy; integration

For citation: Samarkina I. V., Sazantovich A. B. New federal subjects integration into political and socio-cultural space of the Russian Federation: risks and overcome strategies. *Social and political researches*. 2025;2(27): 21–43. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-21>. <https://elibrary.ru/OXTNZE>.

Введение

Актуальность темы обусловлена тектоническими масштабами происходящих в современном мире геополитических трансформаций, которые приводят к изменениям в массовом и индивидуальном сознании российских граждан. В отличие от постсоветской России 1990–2000-х гг., сегодня эти процессы происходят не стихийно, стратегические приоритеты государственной политики направлены на политическую интеграцию, а также укрепление российской гражданской идентичности в условиях расширения политического пространства. Эта цель обозначена в ключевых государственных документах РФ: «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в редакции указов Президента РФ от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36» (в которой общероссийская гражданская идентичность определяется как осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества, и основана на сохранении русской культурной доминанты), Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных рос-

сийских духовно-нравственных ценностей», а также в ряде других.

Актуальность исследования определяется существенным расширением политического пространства современной России. Это расширение имеет *несколько аспектов*: *географический* (присоединение новых субъектов РФ), *технологический* (формирование политического пространства в интернете), *человеческий* (появление в относительно короткие сроки большого количества «новых граждан», жителей новых субъектов РФ, принявших российское гражданство). Расширение политического пространства ставит перед российским государством целый комплекс задач: от создания материальной инфраструктуры до интеграции, например, информационных пространств. Однако, важнейшей в этом отношении становится задача, связанная с человеческим измерением нового политического пространства, то есть воспитанием и интеграцией новых граждан в социокультурное и социально-политическое пространство России.

Решение указанных задач осложняется продолжающейся информационной войной, наличием значительной когорты граждан, первичная политическая социализация которых проходила в течении последних 30 лет в рамках политической системы Украины, и требует исследования системы возникающих рисков, которое позволит понять масштабы ценностных разло-

мов в представлениях граждан новых территорий, систематизировать практики интеграции новых граждан в социокультурное пространство России, определить стратегии их преодоления.

В отечественной науке представлен ряд работ, посвященных институциональным аспектам, связанных с политико-государственным строительством и сферой гражданского общества новых регионов России. Проблематику интеграции органов публичной власти, а также вопросы реализации законодательства о государственной и муниципальной службе на новых территориях изучает С. Е. Чаннов [Чаннов, 2023]. Современную социально-экономическую ситуацию и перспективы развития государственного и муниципального управления в новых регионах изучают И. В. Рыбальченко, А. В. Демин [Рыбальченко, 2023]. Особенности формирования органов публичной власти на новоприсоединенных территориях исследуют С. В. Мягкова и А. Н. Коньшин [Мягкова, 2023]. Роль гражданского общества в вопросах формирования и реализации государственной политики Луганской Народной Республики изучают А. А. Марочко и А. Л. Пятерикова [Марочко, 2022].

Также представлены работы, связанные с анализом деятельности субъектов публичной политики, в том числе некоммерческих волонтерских и общественно-

политических организаций. Формы государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на территории новых регионов анализируют И. А. Бугаков и М. Б. Поляков [Бугаков, 2023]. Взаимодействие партии «Единая Россия» с общественными организациями, в частности молодежными, из Запорожской области исследует Е. Н. Сичак [Сичак, 2023]. Основные аспекты волонтерской деятельности на новых территориях изучают Д. Р. Мингазова и Ф. А. Вестов [Мингазова, 2023]. Опыт работы органов власти и НКО с молодежью Луганской Народной Республики изучают И. А. Погорелова и П. В. Погорелов [Погорелова, 2023].

Широко представлены работы, посвященные изучению молодежи, молодежной политики и сферы образования новых регионов как части интеграционных процессов. Проблемы и перспективы изменений в молодежной политике России на новых территориях изучает А. Р. Арсенихин [Арсенихин, 2023]. Тематику взаимосвязи референтности образовательной среды и субъективного благополучия педагогов вузов и колледжей, работающих на новых территориях России исследуют И. А. Баева и И. В. Кондакова [Баева, 2023]. Организации метапроектной деятельности вузовского сообщества новых регионов в условиях интеграции в российское правовое поле анализирует В. Ю. Своеволин

[Своеволин, 2023]. Проблемы формирования грамотности и культуры речи студентов освобожденных территорий (на примере Херсонской области) изучает Ю. Ю. Мельничук [Мельничук, 2023]. Межвузовское взаимодействие как механизм повышения эффективности интеграции организаций высшего образования новых территории в единое научно-образовательное пространство России изучает А. Н. Рязанов [Рязанов, 2023]. Сравнительные исследования социально-политического поведения между студентами Москвы и Запорожской области проводят М. С. Филь и Н. В. Щербакова [Филь, 2023].

Также исследуется ценностная и социокультурная сферы жизни новых территорий. Развитие института «городов-побратимов», формирование и развитие его аксиосферы как фактора развития межрегионального сотрудничества и усиления взаимосвязей российских территорий исследуют А. В. Волкова и Т. А. Кулакова [Волкова, 2023]. Механизмы патриотического воспитания и распространения патриотических ценностей на территории Луганской Народной Республики исследуют А. Ю. Лустенко, Е. А. Проскурина, Д. Д. Сундуков [Лустенко, 2023]. Гражданскую идентичность и культурно-историческую память молодежи Донецкой и Луганской народных республик изучает В. В. Николина [Николина, 2023].

Часть исследователей изучает политико-правовые аспекты интеграции новых регионов. Актуальные вопросы получения гражданства жителями новых территорий изучает М. А. Григорчук [Григорчук, 2023]. Проблематику международно-правового признания новых российских территорий исследуют А. В. Новиков и Д. Н. Слабая [Новиков, 2023]. Обеспечение экономическо-правовых и политико-культурных аспектов общественной безопасности на воссоединённых территориях изучает И. В. Стародуб [Стародуб, 2022].

Проблемы и перспективы реализации направлений устойчивого развития в новых регионах исследует О. Д. Иващенко [Иващенко, 2023]. Тенденции и направления развития социального потенциала на новых территориях Российской Федерации изучает Е. Ю. Лютикова [Лютикова, 2023]. Институциональную проблематику и адаптивные сценарии социально-экономического развития новых регионов (на примере ДНР) изучает Н. В. Долбня [Долбня, 2023].

Таким образом, несомненно, публичная политика в новых регионах Российской Федерации (далее РФ) находится в фокусе современных отечественных исследований, однако, несмотря на социальный запрос и научную актуальность в отечественной науке отсутствуют работы, систематизирующие современные угрозы и риски, возникающие в условиях расширения политического пространства РФ.

Методология и методы

Исследование институциональных и неинституциональных аспектов политической и социокультурной интеграции новых субъектов в политическое пространство РФ опирается на теоретическую модель, интегрирующую аналитический инструментарий политико-психологического, идентитарного, пространственного и неинституционального подходов современной политической науки.

Политико-психологический подход (Э. Эриксон, Р. Харре, Е. Б. Шестопал, А. В. Селезнёва, Т. В. Евгеньева, А. Л. Зверев, Т. Н. Пищева и др.) в контексте нашего исследования необходим для осмысления институтов, технологий и факторов формирования гражданской идентичности в процессах политической социализации и политической ресоциализации исследуемых сообществ в ситуации кардинального изменения всей модели политической социализации и формирования нового политического пространства в новых субъектах РФ.

Идентитарный подход позволяет анализировать гражданскую идентичность в системе ее взаимосвязей с национальной, региональной (субнациональной) и этнической идентичностями в сложных процессах социокультурной трансформации макросообществ. В основе гражданской идентичности находится усвоение человеком ценностей конструктивного уча-

стия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности (Д. Харт, К. Ричардсон, Б. Вилкенфелд, Л. М. Дробижеева, В. А. Тишков, И. С. Семененко). В рамках концептуальной модели исследования в равной мере важен концепт политики идентичности, которая определяется авторами исследования как система целей, принципов, направлений и мер органов государственной власти и негосударственных субъектов политики по формированию и укреплению национальной, гражданской и иных идентичностей. Институциональными основами политики идентичности являются символическая политика, политика в сфере образования и культуры, языковая политика, политика памяти.

Пространственный подход в политических исследованиях был необходим в концептуальной модели как методология, позволяющая учитывать процессы трансформации политического пространства как значимый контекст актуальных социально-политических и политико-психологических процессов. Авторы исследования опираются на интерпретацию политического пространства как «поля политики» (П. Бурдье), фиксирующего дистанции и различия в поле политических отношений. Для исследования политико-психологического контекста расширения политического пространства важна также интерпретация последнего как пространства интерсубъективного

(А. Шюц), то есть существующего только благодаря способности людей формировать общую картину мира как в объективной реальности, так и в субъективном пространстве политики.

В контексте поставленных исследовательских задач, важно отметить, что изменение политического пространства (расширение, трансформация) требует специального процесса «обучения» ориентации в политическом пространстве не только для новых поколений участников политической жизни (молодой когорты), но и для всех «взрослых поколений», поскольку локализация индивида в политическом пространстве связана с формированием когнитивных конструкций (мы/они), то есть формированием картины мира и идентичности и необходимостью адаптации этих конструкций в связи с изменениями всего мира политики. Существует несколько способов приспособления индивида к изменениям социальной системы, в частности, Р. Мертон говорил о нескольких: ретритизм, ритуализм, инновация, конформизм и мятеж, которые раскрывают различные возможности сочетания индивидуальных и общественных целей и их достижение на основе имеющихся у личности ресурсов [Мертон, 2006].

Неоинституциональный подход, в рамках которого политические институты расцениваются как устойчивые комплексы формальных и неформальных правил, обеспечивающих взаимодействие акторов политики (Д. Норт, Э. Остром,

А. И. Соловьев, С. В. Патрушев, П. В. Панов, О. И. Зазнаев и др.), обеспечивает выяснение нормативных и регулятивных аспектов формирования гражданской идентичности взрослых жителей новых субъектов федерации как на стадии их первичной социализации, так и на стадии ресоциализации в настоящее время.

Эмпирическую базу исследования составили материалы экспертного опроса представителей академического сообщества, представителей институциональных структур, непосредственно включенных в процессы политической социализации и реализации политики идентичности (органов государственной власти, образовательных учреждений, других субъектов публичной политики) в новых субъектах РФ (ДНР, ЛНР, Херсонской, Запорожской областях), а также Республики Крым и города Севастополя. В ходе экспертного опроса выявлены практики, противоречия, риски и барьеры происходящих в новых регионах процессов социокультурной и политической интеграции. Сбор эмпирических данных проводился в сентябре – ноябре 2024 года методом полуструктурированного экспертного интервью.

Обсуждение результатов

Предлагаемые к обсуждению результаты экспертного опроса следует рассматривать в более широком контексте исследований социокультурных процессов в новых регионах РФ. Прежде всего, процессов, связанных с трансформаци-

ями системы идентичностей, в первую очередь, гражданской идентичности.

Исследование процессов формирования гражданской идентичности молодежи новых территорий РФ, проведенное авторским коллективом политологов Кубанского государственного университета в 2023 году, выявило, как минимум, пять типов гражданской идентичности школьников новых субъектов РФ: российской, гибридной, нулевой, украинской и донбасской, а также определило соответствующие им приоритеты политики формирования российской гражданской идентичности: укрепление российской гражданской идентичности (для модели российской идентичности), трансформация гибридной идентичности в российскую гражданскую идентичность (для модели гибридной идентичности), формирование российской гражданской идентичности (для модели нулевой идентичности), ресоциализация и формирование российской гражданской идентичности (для модели украинской идентичности), интеграция региональной идентичности в российскую гражданскую идентичность (для модели донбасской идентичности) [Самаркина, 2023].

В 2024 году авторским коллективом был реализован исследовательский проект «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (конкурс Экспертного института социальных иссле-

дований в сфере общественно-политических наук, Министерства науки и высшего образования РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024-0013). В числе прочих результатов исследование выявило, что содержание политико-психологического контекста по расширению политического пространства РФ составляют *три типа психологических процессов*: политическая социализация, политическая адаптация и политическая ресоциализация. Эти сложные, многоуровневые и многосоставные политико-психологические процессы обуславливают наличие ценностных, социокультурных барьеров на пути интеграции новых субъектов в политическое пространство РФ [Самаркина, 2024].

В представленной статье предлагаются к обсуждению выявленные в рамках экспертного опроса риски и барьеры (как институциональные, так и неинституциональные) интеграционных процессов. Нами определены *три основные категории рисков*: социокультурные риски, институциональные и риски интеграции, обусловленные незавершенностью активной фазы противостояния.

Социокультурные риски интеграционных процессов в новых регионах

Риски этой категории мы определяем как *события, обстоятельства и процессы, происходящие в социокультурном пространстве, несущие потенциальную возмож-*

ность возникновения негативных последствий [Шестопап, 2018]. В контексте исследования процессов расширения политического пространства России следует отметить, что указанная категория рисков определяется экспертами как наиболее значимая, поскольку социокультурные риски связаны с существованием (и необходимостью трансформации) другой (прежде всего другой гражданской) идентичности населения новых территорий.

Основной в группе социокультурных рисков является риск, обусловленный значительной долей населения новых территорий, которые не разделяют ценностей новой (российской) государственности и имеют иную (или не имеют вообще) гражданскую идентичность.

С одной стороны, эта часть населения с большей вероятностью не противится происходящему и не осуществляет какого-либо активного противодействия – поведенческого или идеологического. Однако, принять новую систему ценностей и полноценно интегрироваться в рамках общероссийской идентичности также не стремятся. Характерно, что актуальность эта проблема приобретает после начала специальной военной операции, когда в состав России входят новые территории, находящиеся за пределами Луганской и Донецкой Народных Республик.

В основе формирования рассматриваемого противоречия лежат сложные механизмы, которые нельзя сводить лишь к тому, что с приро-

стом территорий прирастает и население, а значит, и в абсолютных показателях увеличивается численность не разделяющих общероссийскую идентичность. С оформлением в 2014 году двух народных республик проукраинские жители этих территорий, как правило, покидали свое местожительство, мигрируя в западном направлении. При этом многие из них оседали на ближайших украинских территориях. Поэтому, чем дальше двигался фронт освобожденных земель, тем большим там было количество про-украински настроенных жителей, не все из которых уже снова покидали вновь обжитые места: *«Чем ближе к Днепру, тем больше там ждунов, соответственно, и менталитет другой, многие там в открытую говорят, не скрываясь, что они ждут Украину до сих пор: “Вы нас должны содержать, оккупировали – и теперь должны содержать!”»* (эксперт, ДНР). *«То есть, есть понятия ждунов, которые считают, что... ну, которые, скажем так, ждут фактор страха и наоборот, фактор комплементарного отношения к Украине»* (эксперт, Крым).

В этом контексте необходимо упомянуть, что происходит внутренняя дифференциация населения, обусловленная разным жизненным опытом последних десяти лет. О такой дифференциации, вызывающей в той или иной степени социальное напряжение, говорят эксперты не только относительно Запорожской и Херсонской областей, но и характеризуя ситуацию в ДНР или ЛНР: *«У нас в социальном*

плане тоже есть определенная особенность, так называемые лица, которые пережили в городе и в городах-сателлитах 2014–15 год, а есть лица, которые потом вернулись. Вот тоже такая есть специфика» (эксперт, ДНР).

Кроме того, эксперты отмечают, что на территориях, подконтрольных Украине сегодня, и которые могут быть освобождены российскими силами завтра, ведется мощная пропагандистская работа, направленная на подрыв пророссийской политической и идеологической ориентации. Соответственно, чем дольше эти земли будут оставаться украинскими, тем сложнее там будет обстановка с точки зрения формирования российской идентичности: «Территория ЛНР после начала СВО увеличилась. Одно дело – мы, которые были здесь с 2014 года и сделали свой выбор в пользу России. Но сейчас у нас больше людей, которые изначально не видели себя гражданами Российской Федерации, но теперь находятся на территории России. Вот что с ними делать? Насколько они могут повлиять на ситуацию, которая сейчас у нас в Республике? Это большой вопрос!» (эксперт, ЛНР).

Эксперты отмечают **несколько факторов, которые усугубляют эту категорию социокультурных рисков. Во-первых**, отсутствие дифференцированной политики идентичности с учетом специфики населения: «На самом деле мы ещё не выработали программы, как работать с этим освобождённым

населением? А ведь, если мы пойдём дальше (на Запад), там ещё хуже ситуация – люди эти два года прожили с украинским режимом, им там ещё сильнее мозги провентилировали!» (эксперт, ДНР).

Во-вторых, проведенная целенаправленная работа украинских властей по формированию антироссийской позиции населения, которая имеет свои очевидные последствия: «Украина достаточно активно формировала антироссийские взгляды. Очень системно разрабатывались механизмы и технологии по формированию антироссийских представлений, в том числе Институт национальной памяти Украины крайне активно работал с разными гражданами, с людьми разных возрастов» (эксперт, Севастополь).

В-третьих, значимым является фактор долговременного влияния указанного выше пропагандистского воздействия: «Главный риск, наверное, это то, что чуждые идеи, чуждые идеалы формировались длительное время, поэтому быстро их уничтожить не получится. Все равно это сказалось на сознании, и я, например, не знаю, как можно в краткосрочной перспективе деформацию этого сознания выправить...» (эксперт, ДНР).

Еще одна группа рисков в этой категории связывается непосредственно с вопросами этничности. Одно из таких противоречий обусловлено миграционными процессами, прибытием в Россию иностранных граждан в целях трудо-

устройства и постоянного проживания на российской территории. В данном случае речь идет о мигрантах, которые с неуважением, по мнению одного из экспертов, относятся к законодательству, укладу жизни, обычаям и традиционным конфессиям страны (региона), в которую они переезжают. Согласно оценке, это, с одной стороны, порождает напряженность в российском обществе. С другой стороны, становится серьезным препятствием на пути формирования представления о российском народе как о многонациональном и одновременно едином, основанном на целостном культурном коде. Кроме того, поскольку регулирование миграционных потоков находится в ведении государства, падает уровень доверия к соответствующим государственным институтам и впоследствии может проецироваться на российскую государственность в целом: *«Я проходила 6 лет, чтобы получить российское гражданство, я прошла все круги... Это при наличии того, что я закончила школу и университет еще при Советском Союзе. Тем не менее 6 лет я проходила все круги, как положено, со всеми бумагами, со всеми сдачами всего-всего-всего. И все потому, что я была гражданкой Украины. Поэтому... А они (мигранты), не зная русского языка, получили российское гражданство. Двух слов связать не могут. И всякое творят. А потом они (власти) рассказывают о том, что мы не можем их лишить российского гражданства»* (эксперт, ДНР).

Отдельно следует отметить в этой группе социокультурных рисков риски, обусловленные диспропорцией в иерархии идентичностей. Данные экспертного опроса показали особую актуальность этой проблематики в Республике Крым. Для крымских татар этничность является первичным фактором, образующим их идентичность. При этом у старших поколений, как правило, доминирующим фактором выступает только этническая принадлежность, а у молодежи дополняется еще и вероисповеданием. *«Однозначно, на первой позиции (в иерархии идентичностей) будет стоять крымский татарин, а потом уже гражданин Российской Федерации. А вот если мы берем молодежь крымско-татарскую, то здесь надо, наверное, вводить еще один такой фактор в классификацию: мусульманин, крымский татарин, гражданин Российской Федерации. Скорее всего, вот такая будет распределенность по самоидентификации»* (эксперт, Крым).

Институциональные риски интеграционных процессов в новых регионах

Существование этой категории рисков определяется тем, что процесс окончательной политико-институциональной и социально-экономической интеграции новых территорий в российское пространство еще не завершен.

Эксперты говорят о том, что для преодоления основных рисков в формировании российской идентичности требуется окончательное

завершение экономической, политико-институциональной интеграции новых субъектов в российское политическое пространство. Несмотря на длительность этого процесса, такая интеграция еще не завершена: пока нет представителей новых субъектов в Государственной Думе РФ; необходимо наладить на территории новых субъектов работу общероссийских общественных организаций; в экономическом плане – обеспечить работу российских банков, торговых розничных сетей типа «Магнит» и «Пятерочки»; когда у населения будут возможности кредитования, не только потребительского, появится самозанятость, малый бизнес. Это в целом скажется на динамике экономического развития. Наконец, все это, связанное в единое целое, отразится и на состоянии гражданского общества, и на чувстве принадлежности к России: *«Если говорить о ДНР как части большой России, которая должна всё больше и больше интегрироваться в общероссийское политическое пространство, то я всё-таки вижу, пока всё ещё незавершенный процесс политического устройства, или даже политического встраивания Донбасса в политическую структуру РФ»* (эксперт, ДНР).

Незавершенность институциональной интеграции сказывается в целом на состоянии публичной политики, ее открытости и эффективности: *«Недостаточная публичность, открытость для населения механизмов приобщения к полити-*

ческой жизни в рамках города, региона, страны – это проблема. Не скажу, что определенная замкнутость российских институтов – определенная сложность, как туда попасть. Не понятно, как туда попасть. А когда человек не включенный, не может ни на что повлиять, он становится просто рядовым обывателем, он становится не гражданином, а жителем, что чуть-чуть отличается» (эксперт, ЛНР).

Отдельный сюжет, иллюстрирующий незавершенность институциональной интеграции связан с системой образования, в частности с преподаванием украинского языка и украинской литературы. Сам этот факт в разное время подвергался разным оценкам. В данном случае эксперты усматривают в условиях переходности опасность проникновения в образовательные стандарты и программы произведений литературы, в которых могут содержаться нарративы, чуждые российской идентичности и российской гражданственности. Речь идет, прежде всего, о случайных и отдельных явлениях, вероятность которых со временем будет сокращаться. Однако, в целом, такой риск существует, и он не должен оставаться без внимания: *«Когда я был депутатом парламента, ещё в первом созыве, мы проходили переподготовку. В программе тогда оставался предмет – украинский язык и литература. Я пришёл в институт повышения квалификации педагогических работников и говорю: “Какая будет программа?*

Дайте посмотреть”. И увидел там одно из произведений, которое посвящено дивизии СС “Галичина”. Там Василь Багряный из произведения “Тигроловы”. Я говорю: «Зачем вы включаете, это же про дивизию СС “Галичина?”. А они в ответ – «Ну, это же про войну!». Но я, честно говоря, так и не понял тогда – эти методисты, которые включали произведения в программу, сознательно это сделали или по недогляду» (эксперт, ДНР).

Обсуждая риски, возникающие в процессе институциональной интеграции образовательных систем, некоторые эксперты выражали озабоченность слишком высокой интенсивностью реализации социализирующей функции образования. По мнению одного из экспертов, слишком активные попытки сформировать новую или трансформировать существующую систему ценностей в молодежной среде могут вызвать реакцию отторжения, или даже иметь обратный эффект. Связывается это с интенсивным общеобразовательным курсом «Обществознание», а также с дисциплиной «Основы российской государственности». Высказанная позиция – за постепенное, дозированное насыщение образовательного процесса политической информацией и обязательная интеграция практической деятельности – волонтерства для освоения самых доступных способов улучшения окружающей действительности.

Риски интеграции, связанные с незавершенностью фазы активного противостояния

Третья категория рисков обусловлена незавершенностью процессов военного и информационного противостояния России, с одной стороны, и Украины при поддержке так называемого коллективного Запада, с другой.

Эксперты отмечают, что главным фактором, который создает и умножает существующие риски является незавершенность военной фазы противостояния, несущей непосредственную угрозу жизни, безопасности людей: *«Первый риск связан с военной составляющей, войной как таковой. Пока идет война, это самый главный риск, конечно же» (эксперт, ДНР).*

Продолжающиеся боевые действия, кроме непосредственной физической опасности, являются масштабным поводом информационного противодействия, информационной войны: *«На теме специальной военной операции наши враги любят негативно воздействовать на население с точки зрения человеческих потерь, ущерба, который нанесен населению, поэтому это вот такие скользкие моменты, которые в ближайшей перспективе могут задержать процессы формирования гражданской идентичности на территории ЛНР» (эксперт, ЛНР).*

Этот риск умножается из-за того, что население новых территорий РФ не просто не ограничено в доступе к информации, а еще и потому что на него обрушивается ко-

лоссальный объем разнонаправленной информации различной степени достоверности. И значительный ее объем качественно дифференцирован по целевым группам. Проблема в данном случае состоит в том, что наряду с проверенными и достоверными источниками, занимающими лояльную к России позицию, действуют и такие, активность которых преследует цель воспрепятствовать формированию и укреплению общероссийской идентичности: *«Ситуация с Ютубом последних недель говорит нам о том, что, в принципе, кто хочет, у того все работает и все загружается. И, в принципе, гадость, которая лезет через всякие каналы, это, наверное, один из основных рисков. То есть информационная война, война за умы и за сердца, война, в которой очень сложно иногда побеждать, даже тактически, все-таки это очень большая сила и, наверное, это вот один из основных рисков, потому что все равно целенаправленно будут осуществляться различные вбросы»* (эксперт, ДНР).

Незавершенность и, в этом смысле, временная неопределенность относительно окончания СВО, создает риски, связанные с формированием общероссийской гражданской идентичности и социокультурной интеграции новых субъектов, не только в тех регионах, где еще идут непосредственные боевые действия: *«У нас сейчас очень неопределенный момент связан с видением нашей спецоперации. Я думаю, что здесь, в Кры-*

му, все во многом будет зависеть от решения этой задачи, потому что наши крымчане очень чувствительны к таким вопросам» (эксперт, Крым).

Отдельно следует отметить мнение экспертов, подчеркивающих продолжение активного информационного противостояния и диверсионной войны в Крыму. В оценках экспертов детализируются две силы, активно противодействующие непосредственно процессам интеграции и формированию общероссийской идентичности: Запад и Украина, которые стараются воздействовать на население Крыма не только информационными методами, но и активной подрывной деятельностью. В первом случае, в рамках так называемой информационной войны у населения пытаются сформировать негативное отношение к России и внушить мысль, что рано или поздно Крым будет захвачен украинскими силами.

Однако помимо этого применяются и другие методы запугивания, деморализации и разрушения сплоченности крымчан. Эксперты говорят о провокационных акциях, направленных на создание раскола в крымском обществе на этнической и религиозной почве, а также напряженности в отношениях между коренными жителями и переехавшими в Крым выходцами с территории Украины и освобожденных территорий: *«Когда были поджоги в мечети, были информационные вбросы специально для того, чтобы обвинить в этом славянское население. Ну, еще сейчас*

дополнительная угроза – это попытка повлиять на умы тех жителей новых территорий, которые переехали жить в Крым. Это новые крымчане, которые являются выходцами с территории Украины. Через них пытаются расколоть общество и какие-то деструктивные действия осуществить» (эксперт, Крым).

В отношении последних, в том числе предпринимаются действия, направленные на формирование у них идентичности не-Крымчан и вовлечение в противодействие формированию и укреплению в Республике Крым общероссийской идентичности: «Социологи фиксируют негативное отношение крымчан к России. Но, извините, может быть, это не коренные крымчане, а приезжие, которые получили российское гражданство, жилье, и все равно они вот так отвечают. Этот фактор влияет на общественно-политическую ситуацию в Крыму» (эксперт, Крым).

Справедливости ради нужно отметить, что есть группа экспертов, которые говорят об отсутствии каких-либо рисков, связанных с процессами интеграции, в том числе социокультурной интеграции: «Иногда говорят, что у нас в Запорожской области опасно, я отвечаю: ребята, у нас безопаснее, чем где-либо. Мы в парке ходим, гуляем. Какие риски? Люди настолько уже осознанно перешли в Россию, приняли гражданство. Мы все, когда получали паспорта, особенно мы в первых рядах, нам включали гимн России, нам давали клятву, и мы

это зачитывали вслух, то есть мы же это делали осознанно, поэтому я рисков не вижу. Назад дороги нет!» (эксперт, Запорожская область). «Я сильных рисков не вижу. Если и дальше проводить политику в таком ключе, то рисков нет» (эксперт, Севастополь).

Заключение

Минимизация и преодоление социокультурных рисков возможны только в среднесрочной и в долгосрочной перспективе. Стратегия борьбы с такими противоречиями должна выстраиваться как минимум на среднесрочную перспективу и основываться на систематическом и последовательном претворении в жизнь сложных взаимосвязанных мер в рамках символической политики и политики памяти, реализуемых посредством системы образования и народного просвещения, быть комплексной и реализовываться **на разных уровнях в нескольких направлениях**. **Первое направление** – это информационно-идеологическая работа с молодежью, а также программы социально-экономической поддержки молодежи. **Второе направление** – это меры по укреплению межнационального мира и согласия внутри региона. Этого можно достичь через специальные программы по минимизации этнических противоречий, направленных на работу с молодежью, поддержку этнических общин, издание литературы на национальных языках, на фоне укрепления миграционного контроля и выработки специальных

мер миграционной политики для новых территорий. **Третье направление** – это усиление межрегиональных связей с другими регионами России. При этом необходимо учитывать специфику каждого из новых субъектов Российской Федерации.

Важное условие – это опора на население, безоговорочно разделяющее ценности российской государственности и российской идентичности, тех, кто считал себя россиянами до формального вступления новых территорий в состав Российской Федерации. С одной стороны, данное большинство населения новых субъектов, которое нельзя оставлять без внимания и направлять усилия на дальнейшее укрепление российской идентичности. С другой стороны, эта большая часть населения может послужить опорой для осуществления дальнейшей ресоциализации и проведения государственной политики идентичности:

«Государство должно ориентироваться на подавляющее большинство крымчан, которые любят Россию и поддерживают Россию. Это – ядро Крыма, и это ядро необходимо расширять» (эксперт, Крым).

Стратегии преодоления рисков, связанных с процессом политико-институциональной и социально-экономической интеграции освобожденных территорий в российское социально-экономическое и политическое пространство, могут быть рассчитаны на кратко- и среднесрочный период в зависимости от противоречий, которые лежат в

их основе. Так институциональный дизайн политики в новых субъектах, так или иначе, должен сопровождаться и политической социализацией (ресоциализацией) населения, формированием и укоренением институтов гражданского общества и общенациональных общественных организаций. Как и наращивание представительства регионов в общенациональной политике и органах власти – это процесс емкий с точки зрения ресурсов, среди которых временной также находится не на последнем месте.

Экономическая интеграция и проникновение в регионы экономических институтов должны согласовываться с региональными экономическими процессами. Однако, это видится не таким длительным и может быть преодолено в краткосрочной перспективе.

Для рисков, обусловленных непосредственным противодействием России – Запада и Украины, следует выстраивать стратегию в рамках краткосрочной перспективы, с которой, как правило, ассоциируется достижение целей специальной военной операции, поскольку именно с ее успешным завершением ряд экспертов связывает преодоление обнаруженных противоречий: *«Для этого нужна полная окончательная победа. Россия мощная, сильная, великая держава. Все равняются на великую Россию. Все. И должны ощутить эти глобалистские силы, должны наконец-то там уже отпор получить очень достойный» (эксперт, ДНР).*

Однако нельзя упускать из виду тот факт, что вслед за успешным завершением специальной военной операции на Украине на фоне улучшения безопасности и стабильности в новых регионах, возможен всплеск подрывной и провокационной активности с использованием информационных и иных методов. И этот рискованный потенциал с боль-

шей вероятностью будет преодоле-ваться в среднесрочной перспекти-ве. Потребуется отлаженная и по-следовательная информационная политика, беспрецедентные меры обеспечения гражданской безопас-ности, а также дополнительные уси-лия по сохранению межнациональ-ного мира и согласия на освобож-денных территориях.

Библиографический список

1. Арсенихин А. Р. Становление и развитие молодежной политики на новых территориях РФ // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе : материалы VIII Международной научно-практической конференции. Москва : Государственный университет управления, 2023. С. 58–60.
2. Баева И. А. Субъективное благополучие и референтность образовательной среды у педагогов вузов и колледжей новых территорий России / И. А. Баева, И. В. Кондакова // Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Симферополь : Ариал, 2023. С. 18–25.
3. Бугаков И. А. Анализ форм государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на новых территориях Российской Федерации (на примере Донецкой Народной Республики, Республики Крым, Луганской Народной Республики, Запорожской, Херсонской областей, города федерального значения Севастополя) / И. А. Бугаков, М. Б. Поляков // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11(124). С. 136–144.
4. Волкова А. В. Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий / А. В. Волкова, Т. А. Кулакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 581–600.
5. Григорчук М. А. Актуальные вопросы получения гражданства жителями новых территорий // Дневник науки. 2023. № 8(80). URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/8/law/Grigorchuk.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).
6. Долбня Н. В. Развитие новых территорий: институциональная проблематика // Новое в экономической кибернетике. 2023. № 2. С. 29–38.
7. Ивашенко О. Д. Проблемы и перспективы устойчивого развития новых территорий Российской Федерации // Сборник научных работ серии «Государственное управление». 2023. № 32. С. 43–47.
8. Исследование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодежи Донецкой и Луганской народных республик / В. В. Николина, А. А. Лощилова, С. В. Фролова, С. И. Аксенов // Перспективы науки и образования. 2023. № 6(66). С. 10–31.

9. Лустенко А. Ю. Механизмы формирования патриотизма в Луганской Народной Республике / А. Ю. Лустенко, Е. А. Проскурина, Д. Д. Сундуков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 57–65.
10. Лютикова Е. Ю. Раскрытие социального потенциала новых территорий Российской Федерации // Теоретические и прикладные аспекты информационно-аналитического обеспечения инновационной экономики : Всероссийская научно-практическая конференция : сборник научных статей. Курск : Курский государственный университет, 2023. С. 64–70.
11. Марочко А. А. Роль гражданского общества в процессе формирования и реализации государственной политики Луганской Народной Республики / А. А. Марочко, А. Л. Пятерикова // Современная политика государственного управления: за и против : материалы научно-практической конференции (с международным участием) : в 2-х частях. Часть II. Луганск : Ноулидж, 2022. С. 18–22.
12. Мельничук Ю. Ю. Формирование грамотности и культуры речи у студентов новых территорий Российской Федерации // Актуальные вопросы профессионального образования: качество, приоритеты, технологии : сборник материалов Национальной научно-методической конференции, приуроченной к Году педагога и наставника в Российской Федерации. Омск : СибАДИ, 2023. С. 287–291.
13. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.] ; науч. ред. З. В. Коганова. Москва : АСТ, 2006. 873 с.
14. Мингазова Д. Р. Значимость волонтерской деятельности в обеспечении прав и свобод граждан на вновь присоединенных территориях / Д. Р. Мингазова, Ф. А. Вестов // Базис. 2023. № 1(13). С. 14–17.
15. Мягкова С. В. Формирования органов публичной власти на новоприсоединенных территориях Российской Федерации / С. В. Мягкова, А. Н. Коньшин // Международный журнал гражданского и торгового права. 2023. № 1. С. 47–50.
16. Новиков А. В. Актуальные проблемы международно-правового признания новых российских территорий / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 5–1. С. 539–547.
17. Погорелова И. А. Опыт работы с молодежью на современном этапе в Луганской Народной Республике / И. А. Погорелова, П. В. Погорелов // Теория и практика организации работы с молодежью : сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 150–155.
18. Рыбальченко И. В. Вопросы государственного и муниципального управления на новых территориях, присоединившихся к РФ / И. В. Рыбальченко, А. В. Демин // Муниципальная академия. 2023. № 4. С. 401–408.
19. Рязанов А. Н. Интеграция образовательных организаций высшего образования новых территорий в научно-образовательное пространство Российской Федерации посредством развития межвузовского сотрудничества // Инженер настоящего и будущего: практика и перспективы развития партнерства в высшем техническом образовании : материалы XVIII Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием. Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2023. С. 127–137.

20. Самаркина И. В. Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: модели и технологии / И. В. Самаркина, И. С. Башмаков // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. № 24(4). С. 87–102.

21. Самаркина И. В. Политическая социализация и ресоциализация: трансформация традиционных моделей в условиях расширения политического пространства / И. В. Самаркина, Н. Г. Гончарова // XIII Столыпинские чтения. Регионы России в контексте современного политического процесса: итоги развития, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. С. 9–12.

22. Своеволин В. Ю. О некоторых аспектах инновационной модернизации новых территорий России как фактора их устойчивого развития // Современные парадигмы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях роста неопределенности внешней среды : материалы Международной научно-практической конференции. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 173–177.

23. Сичак Е. Н. Технологии партийного строительства «Единой России» на территории Запорожской области в контексте политической интеграции // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4(117). С. 72–76.

24. Стародуб И. В. Сотрудничество России и освобожденных территорий Украины в противодействии новым вызовам и угрозам // Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции : материалы международной научно-практической конференции. Москва : ИД «УМЦ», 2022. С. 133–137.

25. Филь М. С. Акценты социально-политического поведения в студенческой среде: сравнительный анализ мнений молодежи Москвы и Запорожской области / М. С. Филь, Н. В. Щербакова // Власть. 2023. Т. 31, № 5. С. 199–209.

26. Чаннов С. Е. Государственная и муниципальная служба на новых территориях Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 10. С. 11–16.

27. Шестопап Е. Б. Социокультурные угрозы и риски в современной России / Е. Б. Шестопап, А. В. Селезнева // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.

Reference list

1. Arsenihin A. R. Stanovlenie i razvitie molodezhnoj politiki na novyh territorijah RF = Formation and development of youth policy in new territories of the Russian Federation // Rol' mestnogo samoupravlenija v razvitii gosudarstva na sovremennom jetape : materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva : Gosudarstvennyj universitet upravlenija, 2023. S. 58–60.

2. Baeva I. A. Sub#ektivnoe blagopoluchie i referentnost' obrazovatel'noj sredy u pedagogov vuzov i kolledzhej novyh territorij Rossii = Subjective well-being and reference of the educational environment among teachers of universities and colleges in new territories of Russia / I. A. Baeva, I. V. Kondakova // Social'no-psihologicheskie prob-

lemy prosocial'nogo povedenija sovremennogo pokolenija detej i molodezhi : materialy II Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Simferopol' : Arial, 2023. S. 18–25.

3. Bugakov I. A. Analiz form gosudarstvennoj podderzhki social'no orientirovannyh nekommercheskich organizacij, osushhestvljajushhih dejatel'nost' na novyh territorijah Rossijskoj Federacii (na primere Doneckoj Narodnoj Respubliki, Respubliki Krym, Luganskoj Narodnoj Respubliki, Zaporozhskoj, Hersonskoj oblastej, goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja) = Analysis of forms of state support for socially oriented non-profit organizations operating in new territories of the Russian Federation (on the example of the Donetsk People's Republic, the Republic of Crimea, the Lugansk People's Republic, Zaporozhie, Kherson regions, the city of federal significance of Sevastopol) / I. A. Bugakov, M. B. Poljakov // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2023. № 11(124). S. 136–144.

4. Volkova A. V. Dvizhenie gorodov-pobratimov v upravlenii regional'noj politikoj: opyt novyh territorij = Twin City Movement in Regional Policy Management: Experience of New Territories / A. V. Volkova, T. A. Kulakova // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2023. T. 25, № 3. S. 581–600.

5. Grigorčuk M. A. Aktual'nye voprosy poluchenija grazhdanstva zhiteljami novyh territorij = Topical issues of obtaining citizenship by residents of new territories // Dnevnik nauki. 2023. № 8(80). URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/8/law/Grigorčuk.pdf> (data obrashhenija: 03.02.2025).

6. Dolbnja N. V. Razvitie novyh territorij: institucional'naja problematika = Development of new territories: institutional issues // Novoe v jekonomičeskoj kibernetike. 2023. № 2. S. 29–38.

7. Ivashhenko O. D. Problemy i perspektivy ustojčivogo razvitija novyh territorij Rossijskoj Federacii = Problems and prospects of sustainable development of new territories of the Russian Federation // Sbornik nauchnyh rabot serii «Gosudarstvennoe upravlenie». 2023. № 32. S. 43–47.

8. Issledovanie grazhdanskoj identičnosti i kul'turno-istoričeskoj pamjati molodezhi Doneckoj i Luganskoj narodnyh respublik Study of civic identity and cultural and historical memory of young people of Donetsk and Lugansk people's republics / V. V. Nikolina, A. A. Loshhilova, S. V. Frolova, S. I. Aksenov // Perspektivy nauki i obrazovanija. 2023. № 6(66). S. 10–31.

9. Lustenko A. Ju. Mehanizmy formirovanija patriotizma v Luganskoj Narodnoj Respublike = Mechanisms to form patriotism in the Luhansk People's Republic / A. Ju. Lustenko, E. A. Proskurina, D. D. Sundukov // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 3. S. 57–65.

10. Ljutikova E. Ju. Raskrytie social'nogo potencijala novyh territorij Rossijskoj Federacii = Revealing the social potential of new territories of the Russian Federation // Teoreticheskie i prikladnye aspekty informacionno-analitičeskogo obespečenija innovacionnoj jekonomiki : Vserossijskaja nauchno-praktičeskaja konferencija : sbornik nauchnyh statej. Kursk : Kurskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 64–70.

11. Marochko A. A. Rol' grazhdanskogo obshhestva v processe formirovanija i realizacii gosudarstvennoj politiki Luganskoj Narodnoj Respubliki = The role of civil society in the process of formation and implementation of state policy of the Lugansk People's Republic / A. A. Marochko, A. L. Pjaterikova // Sovremennaja politika gosudarstvennogo upravlenija:

za i protiv : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) : v 2-h chastyah. Chast' II. Lugansk : Noulidzh, 2022. S. 18–22.

12. Mel'nichuk Ju. Ju. Formirovanie gramotnosti i kul'tury rechi u studentov novykh territorij Rossijskoj Federacii = Formation of literacy and culture of speech among students of new territories of the Russian Federation // Aktual'nye voprosy professional'nogo obrazovaniya: kachestvo, priority, tehnologii : sbornik materialov Nacional'noj nauchno-metodicheskoy konferencii, priurochennoj k Godu pedagoga i nastavnika v Rossijskoj Federacii. Omsk : SibADI, 2023. S. 287–291.

13. Merton R. K. Social'naja teorija i social'naja struktura = Social theory and social structure / per. s angl. E.N. Egorovoj [i dr.] ; nauch. red. Z. V. Koganova. Moskva : AST, 2006. 873 s.

14. Mingazova D. R. Znachimost' volonterskoj dejatel'nosti v obespechenii prav i svobod grazhdan na vnov' prisoedinennykh territorijah = The importance of volunteering in ensuring the rights and freedoms of citizens in the newly annexed territories / D. R. Mingazova, F. A. Vestov // Bazis. 2023. № 1(13). S. 14–17.

15. Mjagkova S. V. Formirovaniya organov publichnoy vlasti na novoprisoedinennykh territorijah Rossijskoj Federacii = Formation of public authorities in newly annexed territories of the Russian Federation / S. V. Mjagkova, A. N. Kon'shin // Mezhdunarodnyj zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava. 2023. № 1. S. 47–50.

16. Novikov A. V. Aktual'nye problemy mezhdunarodno-pravovogo priznaniya novykh rossijskikh territorij = Urgent problems of international legal recognition of new Russian territories / A. V. Novikov, D. N. Slabkaja // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 5–1. S. 539–547.

17. Pogorelova I. A. Opyt raboty s molodezh'ju na sovremennom jetape v Luhanskoy Narodnoj Respublike = Experience of working with young people at the present stage in the Luhansk People's Republic / I. A. Pogorelova, P. V. Pogorelov // Teorija i praktika organizacii raboty s molodjozh'ju : sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu : Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet «RINH», 2023. S. 150–155.

18. Rybal'chenko I. V. Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya na novykh territorijah, prisoedinivshihsja k RF = Issues of state and municipal administration in the new territories that have joined the Russian Federation / I. V. Rybal'chenko, A. V. Demin // Municipal'naja akademija. 2023. № 4. S. 401–408.

19. Rjazanov A. N. Integracija obrazovatel'nykh organizacij vysshego obrazovaniya novykh territorij v nauchno-obrazovatel'noe prostranstvo Rossijskoj Federacii posredstvom razvitiya mezhvuzovskogo sotrudnichestva = Integration of educational institutions of higher education of new territories into the scientific and educational space of the Russian Federation through the development of intercollegiate cooperation // Inzhener nastojashhego i budushhego: praktika i perspektivy razvitiya partnerstva v vysshem tehnicheskom obrazovanii : materialy XVIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Doneck : Doneckij nacional'nyj tehničeskij universitet, 2023. S. 127–137.

20. Samarkina I. V. Politika formirovaniya grazhdanskoy identichnosti molodezhi v novykh sub#ektah RF: modeli i tehnologii = Policy of forming the civic identity of young people in the new constituent entities of the Russian Federation: models and technologies / I. V. Samarkina, I. S. Bashmakov // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nykh nauk. 2023. № 24(4). S. 87–102.

21. Samarkina I. V. Politicheskaja socializacija i resocializacija: transformacija tradicionnyh modelej v uslovijah rasshirenija politicheskogo prostranstva = Political socialization and resocialization: transformation of traditional models in the context of expanding political space / I. V. Samarkina, N. G. Goncharova // XIII Stolypinskie chtenija. Regiony Rossii v kontekste sovremennogo politicheskogo processa: itogi razvitiya, problemy, perspektivy : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 9–12.

22. Svoevolin V. Ju. O nekotoryh aspektah innovacionnoj modernizacii novyh territorij Rossii kak faktora ih ustojchivogo razvitiya = On some aspects of innovative modernization of new territories of Russia as a factor of their sustainable development // Sovremennye paradigmy ustojchivogo razvitiya regional'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem v uslovijah rosta neopredelennosti vneshnej sredy : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Gatchina : Gosudarstvennyj institut jekonomiki, finansov, prava i tehnologij, 2023. S. 173–177.

23. Sichak E. N. Tehnologii partijnogo stroitel'stva «Edinoj Rossii» na territorii Zaporozhskoj oblasti v kontekste politicheskoy integracii = Technologies of party construction of “United Russia” in the territory of Zaporozhie region in the context of political integration // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2023. № 4(117). S. 72–76.

24. Starodub I. V. Sotrudnichestvo Rossii i osvobodennyh territorij Ukrainy v protivodejstvii novym vyzovam i ugrozam = Cooperation between Russia and the liberated territories of Ukraine in countering new challenges and threats // Rossiya i Donbass: perspektivy sotrudnichestva i integracii : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva : ID «UMC», 2022. S. 133–137.

25. Fil' M. S. Akcenty social'no-politicheskogo povedenija v studencheskoj srede: sravnitel'nyj analiz mnenij molodezhi Moskvy i Zaporozhskoj oblasti = Accents of socio-political behavior in the student environment: a comparative analysis of the opinions of young people in Moscow and the Zaporozhie region / M. S. Fil', N. V. Shherbakova // Vlast'. 2023. T. 31, № 5. S. 199–209.

26. Channov S. E. Gosudarstvennaja i municipal'naja sluzhba na novyh territorijah Rossijskoj Federacii = State and municipal service in the new territories of the Russian Federation // Administrativnoe pravo i process. 2023. № 10. S. 11–16.

27. Shestopal E. B. Sociokul'turnye ugrozy i riski v sovremennoj Rossii = Sociocultural threats and risks in modern Russia / E. B. Shestopal, A. V. Selezneva // Sociologicheskie issledovanija. 2018. № 10. S. 90–99.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 26.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 19.03.2025; approved after reviewing 26.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья

УДК 327.8

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-43

EDN: NAURGJ

Национальная безопасность России в контексте когнитивной войны

Артемий Сергеевич Гринчевский

Аспирант кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

grinchevsky@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-3626-5082>

Аннотация. Государственная информационная политика представляет собой ключевую область государственного управления, особенно в современных условиях, характеризующихся глобализацией, цифровизацией и растущей зависимостью общества от информационных технологий. Ее значение возрастает ввиду необходимости противодействия новым вызовам, таким как дезинформация, киберугрозы, информационные и когнитивные войны. Информационная политика России направлена на обеспечение национальной безопасности, защиту государственного суверенитета и формирование эффективного взаимодействия между органами власти и обществом. В статье рассматриваются угрозы национальной безопасности России в сфере когнитивного противостояния и роль отечественных СМИ в обеспечении информационной безопасности. Анализируются теоретические основы когнитивного противостояния, классификация и источники угроз, а также потенциальные последствия для различных сфер жизни общества и государства. Методологическую основу данного исследования составляет сочетание различных методов научного познания, такие как системный анализ, сравнительный метод и контент-анализ материалов СМИ. Особое внимание уделяется функциям СМИ в структуре государственной информационной политики, текущему состоянию отечественной медиасферы и вызовам, стоящим перед ней. Социальные сети и интернет-платформы стали ключевыми каналами распространения информации, что существенно усложнило процессы контроля и фильтрации контента. Современные технологии машинного обучения позволяют создавать индивидуализированный контент, учитывающий психологические особенности и предпочтения каждого пользователя. Это открывает беспрецедентные возможности для точечного воздействия на различные группы населения. Все эти факторы формируют новый информационный ландшафт, где традиционные методы защиты от манипуляций становятся малоэффективными, а необходимость в развитии новых механизмов информационной безопасности становится все более актуальной.

Ключевые слова: когнитивное противостояние; когнитивная война; информационная безопасность; национальная безопасность; средства массовой информации; манипуляция сознанием; информационные угрозы; медиаграмотность; информационная политика

© Гринчевский А. С., 2025

Для цитирования: Гринчевский А. С. Национальная безопасность России в контексте когнитивной войны // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 43–58. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-43>. <https://elibrary.ru/NAURGJ>.

Original article

Russian national security in the context of cognitive warfare

Artemiy S. Grincevskiy

Post-graduate student at department of socio-political theories, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov, Yaroslavl
grincevsky@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-3626-5082>

Abstract. Public information policy is a key area of public administration, especially in today's environment characterized by globalization, digitalization and the growing dependence of society on information technologies. Its importance is increasing due to the need to counter new challenges such as disinformation, cyber threats, information and cognitive wars. Russia's information policy is aimed at ensuring national security, protecting state sovereignty and creating effective interaction between the authorities and society. The article considers the threats to Russia's national security in the sphere of cognitive confrontation and the role of domestic media in ensuring information security. The theoretical foundations of cognitive confrontation, classification and sources of threats, as well as potential consequences for various spheres of life of society and the state are analyzed. The methodological basis of this study is a combination of various methods of scientific knowledge, such as system analysis, comparative method and content analysis of media materials. Special attention is paid to the functions of the media in the structure of information security, the current state of the domestic media sphere and the challenges facing it. Social networks and Internet platforms have become the key channels of information dissemination, which has significantly complicated the processes of content control and filtering. Modern machine learning technologies make it possible to create individualized content that takes into account the psychological characteristics and preferences of each user. This opens up unprecedented opportunities for targeted influence on different population groups. All these factors are shaping a new information landscape where traditional methods of protection against manipulation are becoming ineffective, and the need to develop new information security mechanisms is becoming more and more urgent.

Key words: cognitive confrontation; cognitive warfare; information security; national security; mass media; mind manipulation; information threats; media literacy; information policy

For citation: Grincevskiy A. S. Russian national security in the context of cognitive warfare. *Social and political researches*. 2025;2(27): 43–58. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-43>. <https://elibrary.ru/NAURGJ>.

Введение

В эпоху стремительного развития информационных технологий и гло-

бализации коммуникационных процессов проблема обеспечения национальной безопасности в контексте

когнитивного противостояния приобретает особую актуальность для Российской Федерации. Современные геополитические вызовы и усиливающееся информационное противоборство между государствами создают новые угрозы, направленные на подрыв национальных интересов, манипулирование общественным сознанием и дестабилизацию социально-политической обстановки.

Когнитивное противостояние, как форма информационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание, становится одним из ключевых инструментов в межгосударственных конфликтах и геополитической конкуренции. В этих условиях роль отечественных средств массовой информации (*далее СМИ*) в обеспечении информационной безопасности страны значительно возрастает. СМИ выступают не только как источник информации, но и как инструмент формирования общественного мнения, сохранения культурной идентичности и противодействия внешним информационным угрозам. Современные изменения в информационном пространстве требуют от государства постоянной адаптации стратегий, направленных на защиту граждан и государственных интересов, а также на поддержку отечественных IT-компаний и технологий.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении угроз национальной безопасности России в сфере когнитивного противостояния, анализе роли отечественных СМИ в структуре государственной

информационной политики (*далее ГИП*) и выработке предложений по противодействию выявленным угрозам.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий в себе различные методы научного познания: системный анализ, позволяющий рассматривать угрозы национальной безопасности, нормативно-правовую базу и роль СМИ в ГИП; сравнительный метод, применяемый для сопоставления различных подходов к обеспечению информационной безопасности и противодействию когнитивным угрозам; контент-анализ материалов отечественных СМИ для оценки их роли в формировании общественного мнения и противодействии информационным угрозам. Работа включает исследование теоретических основ, современных подходов, а также международного опыта в этой сфере, что позволит выявить ключевые проблемы и предложить направления для их решения.

Теоретические основы когнитивного противостояния

В современном мире, характеризующемся стремительным развитием информационных технологий и глобализацией коммуникационных процессов, когнитивное противостояние становится одним из ключевых факторов, влияющих на национальную безопасность государств. Для глубокого понимания этого феномена необходимо рассмотреть его теоретические основы, особенности проявления в современных условиях и влияние на различные аспекты

национальной безопасности. Когнитивное противостояние представляет собой комплексное явление в сфере информационного взаимодействия, направленное на воздействие процессов восприятия, мышления и принятия решений целевой аудитории [Зиновьева, 2018; Ottewell, 2020; Whiteaker, 2022].

В научной литературе нет единого общепринятого определения данного термина, однако, опираясь на работы ведущих исследователей в области информационной безопасности и психологии, можно сформулировать следующее определение: *когнитивное противостояние – это форма информационного противоборства, целью которого является изменение системы знаний, убеждений и поведенческих паттернов противника путем целенаправленного воздействия на когнитивные процессы индивидов и социальных групп с использованием информационно-психологических технологий и средств массовой коммуникации.* В современном мире когнитивное противостояние приобретает ряд специфических черт, обусловленных развитием технологий и изменением глобального информационного ландшафта [Кефели, 2017].

Глобализация информационного пространства, связанная с развитием интернет-технологий и социальных сетей, значительно расширила возможности для проведения когнитивных операций в планетарном масштабе. Технологическая эволюция, включающая использование искусственного интеллекта, больших данных и алгоритмов машинного обу-

чения, позволяет более точно таргетировать аудиторию и персонализировать информационные воздействия. Феномен «постправды» и распространение фейковых новостей приводят к размыванию границ между правдой и ложью, что усложняет процесс верификации информации для целевой аудитории. Согласно А. В. Манойло, феномен «постправды» относится к механизму психологического влияния, направленному на изменение восприятия и глубинных убеждений человека. Этот процесс способен кардинально изменить человеческое мнение об уже произошедших важных событиях в социально-политической сфере, которые ранее были оценены и восприняты обществом определенным образом [Манойло, 2020].

В 2020 г. глава Инновационного центра НАТО Франсуа дю Клозель опубликовал научную работу, посвященную когнитивному противостоянию. В рамках своего исследования дю Клозель анализирует, как стратегическое информационное воздействие может служить инструментом достижения политических и военных целей без прямого военного вмешательства [du Clozel, 2020]. Дю Клозель утверждает, что путем выборочной подачи информации, акцентов на конфликтах и проблемах внутри страны, возможно подорвать авторитет России на международной арене, а также внутри самой страны. [du Clozel, 2020].

Особенностью современного когнитивного противостояния является его мультимодальность: воз-

действие осуществляется через различные каналы коммуникации, включая традиционные СМИ, социальные сети и мессенджеры. Важно отметить асимметричность когнитивных операций, которые могут проводиться негосударственными акторами, что усложняет процесс атрибуции и противодействия. Кроме того, результаты когнитивного воздействия могут проявляться в течение длительного времени, что затрудняет оценку их эффективности и разработку мер противодействия [Баканова, 2020].

Анализ угроз национальной безопасности России в сфере когнитивного противостояния

В современных условиях геополитической напряженности и информационного противоборства анализ угроз национальной безопасности России в сфере когнитивного противостояния приобретает особую актуальность. Когнитивные угрозы представляют собой многогранное явление, требующее комплексного подхода к их изучению и противодействию. *Классификация угроз национальной безопасности в контексте когнитивного противостояния может быть проведена по различным основаниям* [Зиновьева, 2018].

По источнику возникновения выделяются внешние и внутренние угрозы. Внешние угрозы исходят от иностранных государств, международных организаций и транснациональных корпораций, стремящихся оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику России. Внут-

ренние угрозы связаны с деятельностью отдельных групп и индивидов внутри страны, которые, осознанно или неосознанно, могут способствовать распространению деструктивных идей и информации [Алексеев, Алексеева, 2021].

По характеру воздействия угрозы можно разделить на прямые и косвенные. Прямые угрозы направлены на немедленное изменение общественного мнения или поведения целевых групп, например, через распространение дезинформации о текущих событиях. Косвенные угрозы ориентированы на долгосрочные изменения в системе ценностей и мировоззрении общества, что может проявляться в попытках переписывания истории или подрыва традиционных культурных основ.

По масштабу воздействия выделяются локальные, региональные и глобальные угрозы [Баранова, 2014]. Локальные угрозы затрагивают отдельные социальные группы или географические районы. Региональные угрозы охватывают более широкие территории или сферы общественной жизни. Глобальные угрозы направлены на подрыв позиций России на международной арене и изменение ее роли в мировом сообществе.

Основными источниками угроз в сфере когнитивного противостояния выступают иностранные спецслужбы, международные неправительственные организации, транснациональные медиакорпорации, а также экстремистские и террористические группировки. Эти акторы используют широкий спектр инструментов

для реализации своих целей, включая социальные сети, онлайн-платформы, традиционные СМИ и образовательные программы.

Особую роль в генерации и распространении угроз играют технологические факторы. Развитие искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных позволяет создавать все более изощренные методы манипуляции общественным сознанием [Dahl, 2022]. Использование ботов, технологий deepfake и алгоритмов персонализированной подачи контента в социальных сетях значительно усложняет задачу выявления и нейтрализации информационных угроз [Плащенко, 2022; Norton, 2021].

Потенциальные последствия реализации угроз национальной безопасности России в сфере когнитивного противостояния могут быть крайне серьезными и долгосрочными. В политической сфере это может привести к подрыву доверия к государственным институтам, росту социальной напряженности и политической нестабильности [Bjorgul, 2021]. Возможно усиление сепаратистских настроений в отдельных регионах и обострение межнациональных конфликтов. В экономической области когнитивные атаки могут спровоцировать панику на финансовых рынках, подорвать инвестиционную привлекательность страны и стимулировать отток капитала [Баранова, 2014]. Распространение ложной информации об экономической ситуации способно привести к иррациональному поведению экономических агентов и дестабили-

зации рынков. В области обороны и безопасности когнитивные атаки могут быть направлены на снижение престижа военной службы, дискредитацию вооруженных сил и подрыв морального духа личного состава. В критических ситуациях это может негативно сказаться на обороноспособности страны [Lanata, 2022].

Государственная информационная политика в структуре национальной безопасности

В рамках Указа Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» *информационная безопасность рассматривается как приоритетная задача, направленная на защиту государственных интересов и поддержку устойчивого развития страны в условиях цифровизации* [Указ ... № 400, 2021]. Стратегия подчеркивает необходимость создания эффективной системы по защите информации, включая противодействие иностранному вмешательству и предотвращение распространения недостоверной информации, способной дестабилизировать социально-политическую обстановку.

ГИП представляет собой совокупность правовых, экономических и организационных мер, направленных на регулирование информационных процессов в обществе, обеспечение информационной безопасности и защиту интересов государства. В условиях современной цифровизации и глобализации, которые оказывают существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику, роль информационной политики

значительно возрастает. Многие российские ученые подчеркивают, что информационная политика выступает важным инструментом контроля и влияния, одновременно защищая общество от информационных угроз и обеспечивая стратегическое развитие информационной инфраструктуры. В условиях активного развития интернет-технологий и массового распространения социальных сетей данная функция информационной политики приобретает особую актуальность, так как становится возможным не только управлять информационными потоками, но и воздействовать на общественное сознание [Шалак, 2021].

В. С. Горбатов также делает акцент на том, что успешная реализация ГИП зависит от создания правового поля, регулирующего не только внутренние, но и международные информационные отношения. По его мнению, ГИП должна служить инструментом внешнеполитического влияния, позволяя государству представлять свою позицию на международной арене и защищать национальные интересы в глобальном информационном пространстве. В условиях цифрового противостояния и информационных войн эта роль становится крайне важной, особенно для обеспечения объективного освещения событий, касающихся России и ее внешнеполитических интересов [Горбатов, 2022].

Одним из ключевых направлений ГИП России является регулирование интернет-пространства и деятельности СМИ. В последние годы россий-

ское законодательство ужесточило меры для борьбы с фейковыми новостями, экстремистскими материалами и контентом, угрожающим общественной безопасности. Так, Федеральный закон «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривают меры для предотвращения распространения деструктивного контента в онлайн-среде [ФЗ ... № 2124-1, 1991; ФЗ ... №114, 2002].

По мнению А. А. Акишева и И. А. Калиева, регулирование интернет-пространства является важным элементом защиты национальных интересов, поскольку интернет стал инструментом влияния на массовое сознание. Авторы указывают, что в условиях возрастающего влияния иностранных медиа и платформ на российское общество необходимо создать единое информационное пространство, свободное от внешнего воздействия, и поддерживать независимые российские СМИ [Акишев, 2021].

Цели ГИП в России определены также в ряде нормативно-правовых актов. В частности, Закон «О безопасности» и Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» формируют правовую основу для регулирования информационной сферы и обеспечения информационной безопасности [ФЗ ... № 149, 2006]. Эти нормативные акты подчеркивают важность защиты информации от несанкционированного доступа и угроз кибербезопасности, а также поддерживают развитие ин-

формационной инфраструктуры. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» устанавливает правовую основу для защиты объектов, чья деятельность критически важна для национальной безопасности и общественного благополучия [ФЗ ... № 187, 2017]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646, подчеркивает необходимость предотвращения кибератак и иных угроз, направленных на нарушение работы критических объектов информационной инфраструктуры [Указ ... № 646, 2016].

На современном этапе важной целью ГИП является поддержка и развитие национальных IT-компаний и технологий. В условиях санкционного давления и растущей зависимости от импортных решений Россия вынуждена стимулировать создание и развитие отечественных технологий. Одним из направлений является поддержка российских социальных сетей, поисковых систем и других платформ, способных конкурировать с иностранными аналогами. Китай представляет собой ценный пример надежной, самодостаточной медиа-экосистемы, которая эффективно обслуживает свою внутреннюю аудиторию. Такие платформы, как WeChat, QQ и Douyin, доказали свою высокую функциональность и даже расширили свой глобальный охват. В отличие от западных платформ, эти платформы удовлетворяют разнооб-

разные потребности пользователей в Китае, предлагая все – от социальных сетей до электронной коммерции [Чэнь, 2019].

ГИП также направлена на защиту информационных прав граждан, что включает как обеспечение свободы слова, так и защиту персональных данных. Важным документом в этой области является Федеральный закон «О персональных данных», который регламентирует порядок обработки и защиты данных, а также предусматривает меры ответственности за их утечку [ФЗ ... № 152, 2006].

П. У. Кузнецов отмечает, что защита персональных данных в условиях цифровизации становится одним из важнейших направлений ГИП, поскольку данные граждан становятся мишенью для злоумышленников и объектов государственного контроля. По его мнению, государственная политика должна учитывать баланс между правом граждан на частную жизнь и необходимостью государственного контроля за критически важной информацией [Кузнецов, 2021].

ГИП Российской Федерации на современном этапе представляет собой комплекс мер, направленных на формирование устойчивого информационного пространства, защищенного от внешнего влияния, и обеспечение национальных интересов. В условиях цифровизации и глобализации ключевыми направлениями такой политики стали регулирование интернет-пространства и СМИ, обеспечение кибербезопасности, поддержка национальных

ИТ-компаний и технологий, а также защита информационных прав граждан. Одним из ключевых направлений ГИП России является регулирование интернет-пространства и деятельности СМИ.

Согласно Е. И. Казакевич и Е. П. Губину, регулирование интернет-пространства выступает элементом защиты национальных интересов, поскольку интернет стал инструментом влияния на массовое сознание. Он подчеркивает, что создание безопасного информационного пространства требует независимых национальных медиаплатформ [Казакевич, 2022].

В. В. Штоль указывает, что защита критической информационной инфраструктуры является неотъемлемой частью национальной безопасности и важнейшим элементом ГИП. По его мнению, обеспечение кибербезопасности требует не только технологических решений, но и выстраивания сотрудничества между государственными и частными структурами [Штоль, 2024].

Н. Н. Нестерова и О. Ю. Смылова отмечают, что защита персональных данных в условиях цифровизации становится одним из важнейших направлений ГИП, поскольку данные граждан становятся мишенью для злоумышленников и объектов государственного контроля. По их мнению, государственная политика должна учитывать баланс между правом граждан на частную жизнь и необходимостью государственного контроля за критически важной информацией [Нестерова, 2022].

Одной из ключевых проблем является сложность правового регулирования информационного пространства. Законодательство, регулирующее информационную политику, в частности Федеральный закон «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «О персональных данных», часто обновляется, однако процесс внедрения правовых норм остается медленным [ФЗ ... № 2124-1, 1991; ФЗ ... № 152, 2006].

Роль отечественных СМИ в структуре ГИП

Функции СМИ в обеспечении информационной безопасности многогранны и охватывают широкий спектр задач. Прежде всего, СМИ выступают как основной источник достоверной информации для населения, противодействуя распространению дезинформации и фейковых новостей. Они играют важную роль в формировании национальной повестки дня, определяя приоритетные темы общественного дискурса и способствуя консолидации общества вокруг национальных интересов. Кроме того, СМИ выполняют образовательную функцию, повышая медиаграмотность населения и развивая критическое мышление, что является важнейшим элементом информационной безопасности в эпоху информационных войн. Отечественные СМИ также служат инструментом «мягкой силы» на международной арене, формируя позитивный образ России за рубежом и противодействуя антироссийской пропаганде [Панарин, 2019]. Они выступают площадкой для общественного диа-

лога, способствуя снижению социальной напряженности и предотвращению конфликтов. Не менее важна роль СМИ в обеспечении информационной прозрачности деятельности государственных органов, что повышает доверие граждан к власти и укрепляет национальную безопасность.

Анализ текущего состояния отечественных СМИ обозначает ряд тенденций, имеющих непосредственное влияние на информационную безопасность страны. С одной стороны, наблюдается усиление государственного контроля над крупнейшими медиаресурсами, что позволяет более эффективно координировать ГИП в интересах национальной безопасности. С другой стороны, это вызывает опасения относительно снижения плюрализма мнений и независимости СМИ. Происходит активная цифровая трансформация медиаландшафта: традиционные СМИ адаптируются к новым форматам потребления информации, развивают онлайн-платформы и присутствие в социальных сетях [Сулейманова, 2019]. Это расширяет возможности для оперативного реагирования на информационные угрозы, но одновременно создает новые вызовы в области кибербезопасности и защиты информационной инфраструктуры.

Отмечается тенденция к персонализации контента и развитию нишевых медиа, что позволяет более точно таргетировать аудиторию, но также может способствовать фрагментации информационного пространства и формированию «эхо-

камер» [John Hopkins ... , 2021]. В условиях информационного противоборства российские СМИ активно развивают международное вещание, стремясь донести альтернативную точку зрения на глобальные события до зарубежной аудитории. Однако перед отечественными СМИ стоит ряд серьезных проблем и вызовов, которые могут ослабить их роль в обеспечении информационной безопасности [Манойло, 2018].

Одним из главных вызовов является снижение доверия аудитории к традиционным медиа, особенно среди молодежи, которая все чаще обращается к альтернативным источникам информации в интернете и социальных сетях. Это создает риски распространения непроверенной информации и повышает уязвимость общества к информационным манипуляциям. Экономические трудности, усугубленные падением рекламных доходов и конкуренцией с глобальными интернет-платформами, ставят под угрозу финансовую устойчивость многих СМИ, особенно региональных и независимых изданий. Это может привести к снижению качества журналистики и ослаблению способности СМИ выполнять свои функции по обеспечению информационной безопасности.

Заключение

В результате проведенного исследования были рассмотрены ключевые аспекты угроз национальной безопасности России в сфере когнитивного противостояния и роль отечественных СМИ в структуре ГИП. Анализ показал, что когнитивное

противостояние представляет собой комплексную угрозу, затрагивающую различные сферы жизни общества и государства. Выявлено, что основными источниками угроз выступают как внешние акторы (иностранные государства, международные организации), так и внутренние факторы (деструктивная деятельность отдельных групп и индивидов). Особую опасность представляют технологические факторы, связанные с развитием искусственного интеллекта и методов манипуляции информацией.

Исследование подтвердило ключевую роль отечественных СМИ в структуре ГИП. СМИ выполняют функции источника достоверной информации, инструмента формирования общественного мнения и противодействия дезинформации [Федоров, 2015]. Однако перед ними стоит ряд серьезных вызовов, включая снижение доверия аудитории, экономические трудности и необходимость адаптации к новым технологическим реалиям.

Итогом анализа выступает то, что для России целесообразно развивать адаптивный подход к информационной политике, сочетающий черты западной модели защиты прав граждан с элементами цифрового суверенитета, характерными для азиатского региона. Повышение координации между ведомствами, развитие национальных технологий и активное участие в международных инициативах по кибербезопасности могут укрепить информационную безопасность России. Выстраивание комплексной информационной политики позволит стране не только защитить цифровой суверенитет, но и создать условия для безопасного и устойчивого развития в условиях глобальной цифровизации.

Выявленные проблемы реализации информационной политики в России, такие как недостаточная координация между ведомствами, правовые пробелы и угрозы дезинформации, требуют дальнейшей разработки эффективных мер для их преодоления.

Библиографический список

1. Акишев А. А. Национальные интересы в информационной сфере как объект информационной безопасности в Республике Казахстан / А. А. Акишев, И. А. Калиев // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. № 66. С. 36–39.
2. Алексеев А. П. Цифровизация и когнитивные войны / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // *Философия и общество*. 2021. № 4 (101). С. 39–51.
3. Баканова А. С. Информационные угрозы национальной безопасности России в эпоху современных информационных войн // *Информационные войны*. 2020. № 1(53). С. 79–83.
4. Баранова Н. А. Информационное пространство современного общества и проблемы информационной безопасности / Н. А. Баранова, Г. О. Федоров // *Социальные отношения*. 2014. № 3. С. 41–45.
5. Горбатов В. С. Кибербезопасность сетевого периметра объекта критической информационной инфраструктуры / В. С. Горбатов [и др.] // *Безопасность информационных технологий*. 2022. Т. 29, № 4. С. 12–26.

6. Закон РФ «О безопасности» от 05.03.1992 №2446-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/ (дата обращения 27.02.2025).
7. Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6 (63). С. 25–40.
8. Казакевич Е. И. Защита прав и свобод человека при обработке персональных данных в период цифровой трансформации / Е. И. Казакевич, Е. П. Губин // Уральский журнал правовых исследований. 2022. №. 4 (21). С. 36–46.
9. Кефели И. Ф. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2017. 300 с.
10. Кузнецов П. У. Цифровая трансформация государственного управления как этап развития информатизации в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21, №. 1. С. 84–95.
11. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. Москва : МИФИ, 2018. 388 с.
12. Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Российский социально-гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 75–107.
13. Нестерова Н. Н. Государственная информационная политика в новых условиях развития современного общества / Н. Н. Нестерова, О. Ю. Смылова // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2022. №. 1. С. 6–18.
14. Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №. 4. С. 58–71.
15. Плащенко Д. Д. Фейки как технология информационной войны против России: понятие и политика противодействия / Д. Д. Плащенко, Г. И. Авцинова // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2022. С. 289–293.
16. Сулейманова Ш. С. Информационные войны: история и современность / Ш. С. Сулейманова, Е. А. Назарова. Москва : Международный издательский центр «Этносоциум», 2019. 124 с.
17. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 27.02.2025).
18. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения 27.02.2025).
19. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 27.02.2025).
20. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 27.02.2025).

21. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 №114-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 27.02.2025).
22. Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 27.02.2025).
23. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 27.02.2025).
24. Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория. Москва : Информация для всех, 2015. 450 с.
25. Чэнь Цзюньшуй. Цифровая реальность и права граждан в Китае // Право и государство: теория и практика. № 2 (170). 2019. С. 92–96.
26. Шалак А. В. Приоритеты в области защиты информационно-культурного пространства: историко-геополитическая интерпретация // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, №. 1. С. 157–173.
27. Штоль В. В. Стратегическое партнёрство в условиях вызовов информационной безопасности // Обозреватель-Observer. 2024. №. 5. С. 134–145.
28. Bjorgul L. Cognitive warfare and the use of force // Stratagem. 3.11. 2021. URL: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (дата обращения: 24.08.2024).
29. Claverie B., du Cluzel F. The cognitive warfare concept. Innovation Hub. URL: https://www.innovationhubact.org/sites/default/files/202202/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (дата обращения: 22.08.2024).
30. Dahl A. Considering a cognitive warfare framework. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep13807.9.pdf> (дата обращения: 21.08.2024).
31. Du Cluzel F. Cognitive warfare. Innovation Hub. URL: https://www.innovationhubact.org/sites/default/files/202101/20210122_CW%20Final.pdf (дата обращения: 22.08.2024).
32. Hopkins J. University & Imperial College London. Countering cognitive warfare: Awareness and resilience. NATO Review. 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 22.08.2024).
33. Lanata A. (2022). Cognitive Warfare. 1.04. 2022. URL: <https://hal.science/hal-03635872/document> (дата обращения: 21.08.2024).
34. Norton B. Behind NATO's 'cognitive warfare': 'Battle for your brain' waged by Western militaries. 2021. URL: <https://mronline.org/2021/10/13/behind-natos-cognitive-warfare-battle-for-your-brain-waged-by-westernmilitaries/> (дата обращения: 22.08.2024).
35. Ottewell P. Defining the cognitive domain // OTH. 2020. URL: <https://othjournal.com/2020/12/07/defining-the-cognitive-domain/> (дата обращения: 24.08.2024).
36. Whiteaker J., Valkonen S. Cognitive warfare: complexity and simplicity // HAL. 2022. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635948/document> (дата обращения: 24.08.2024).

Reference list

1. Akishev A. A. Nacional'nye interesy v informacionnoj sfere kak ob#ekt informacionnoj bezopasnosti v Respublike Kazahstan = National interests in the information sphere as an object of information security in the Republic of Kazakhstan / A. A. Akishev, I. A. Kaliev // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 66. S. 36–39.
2. Alekseev A. P. Cifrovizacija i kognitivnye vojny = Digitalization and cognitive wars / A. P. Alekseev, I. Ju. Alekseeva // Filosofija i obshhestvo. 2021. № 4 (101). S. 39–51.
3. Bakanova A. S. Informacionnye ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii v jepohu sovremennyh informacionnyh vojn = Information threats to Russia's national security in the era of modern information wars // Informacionnye vojny. 2020. № 1(53). S. 79–83.
4. Baranova N. A. Informacionnoe prostranstvo sovremennogo obshhestva i problemy informacionnoj bezopasnosti = Information space of modern society and information security problems / N. A. Baranova, G. O. Fedorov // Social'nye otnoshenija. 2014. № 3. S. 41–45.
5. Gorbatov V. S. Kiberbezopasnost' setevogo perimetra ob#ekta kriticheskoj informacionnoj infrastruktury = Cybersecurity of the network perimeter of a critical information infrastructure facility / V. S. Gorbatov [i dr.] // Bezopasnost' informacionnyh tehnologij. 2022. T. 29. № 4. S. 12–26.
6. Zakon RF «O bezopasnosti» ot 05.03.1992 №2446-1 = Law of the Russian Federation “On Safety” dated 05.03.1992 No. 2446-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/ (data obrashhenija 27.02.2025).
7. Zinov'eva E. S. Cifrovaja diplomatija, mezhdunarodnaja bezopasnost' i vozmozhnosti dlja Rossii = Digital diplomacy, international security and opportunities for Russia // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2018. № 6 (63). S. 25–40.
8. Kazakevich E. I. Zashhita prav i svobod cheloveka pri obrabotke personal'nyh dannyh v period cifrovoj transformacii = Protection of human rights and freedoms in the processing of personal data during the period of digital transformation / E. I. Kazakevich, E. P. Gubin // Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij. 2022. № 4 (21). S. 36–46.
9. Kefeli I. F. Informacionno-psihologicheskaja i kognitivnaja bezopasnost' = Information-psychological and cognitive safety / I. F. Kefeli, R. M. Jusupova. Sankt-Peterburg : ID «Petropolis», 2017. 300 s.
10. Kuznecov P. U. Cifrovaja transformacija gosudarstvennogo upravlenija kak jetap razvitija informatizacii v Rossii = Digital transformation of public administration as a stage in the development of informatization in Russia // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2021. T. 21, № 1. S. 84–95.
11. Manojlo A. V. Gosudarstvennaja informacionnaja politika v osobyh uslovijah = State information policy in special conditions. Moskva : MIFI, 2018. 388 s.
12. Manojlo A. V. Cepnye reakcii kaskadnogo tipa v sovremennyh tehnologijah virusnogo rasprostranenija «fejkovyh novostej» = Cascade-type chain reactions in modern technologies of viral distribution of “fake news” // Rossijskij social'no-gumanitarnyj zhurnal. 2020. № 3. C. 75–107.
13. Nesterova N. N. Gosudarstvennaja informacionnaja politika v novyh uslovijah razvitija sovremennogo obshhestva = State information policy in the new conditions of modern society development / N. N. Nesterova, O. Ju. Smyslova // JeFO: Jekonomika. Finansy. Obshhestvo. 2022. № 1. S. 6–18.

14. Panarin I. N. Osnovy teorii «gibridnoj vojny» = The basics of the theory of “hybrid war” // *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, jekonomika, pravo*. 2019. №. 4. S. 58–71.
15. Plashenkov D. D. Fejki kak tehnologija informacionnoj vojny protiv Rossii: ponjatie i politika protivodejstvija = Fakes as an information warfare technology against Russia: the concept and policy of counteraction / D. D. Plashenkov, G. I. Avcinova // *Social'nye i gumanitarnye nauki v uslovijah vyzovov sovremennosti. Komsomol'sk-na-Amure* : Izd-vo Komsomol'skij-na-Amure gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 289–293.
16. Sulejmanova Sh. S. Informacionnye vojny: istorija i sovremennost' = Information wars: history and modernity / Sh. S. Sulejmanova, E. A. Nazarova. Moskva : Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr «Jetnosocium», 2019. 124 s.
17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (data obrashhenija: 27.02.2025).
18. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 “On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (data obrashhenija: 27.02.2025).
19. Federal'nyj zakon «O bezopasnosti kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii» ot 26.07.2017 № 187-FZ = Federal Law “On Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation” dated 26.07.2017 No. 187-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (data obrashhenija: 27.02.2025).
20. Federal'nyj zakon «O personal'nyh dannyh» ot 27.07.2006 № 152-FZ = Federal Law “On Personal Data” dated 27.07.2006 No. 152-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (data obrashhenija: 27.02.2025).
21. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti» ot 25.07.2002 №114-FZ = Federal Law “On Countering Extremist Activities” of 25.07.2002 No. 114-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (data obrashhenija: 27.02.2025).
22. Federal'nyj zakon «O sredstvah massovoj informacii» ot 27.12.1991 № 2124-1 = Federal Law “On Mass Media” dated 27.12.1991 No. 2124-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (data obrashhenija: 27.02.2025).
23. Federal'nyj zakon «Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii» ot 27 ijulja 2006 g. № 149-FZ = Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” dated July 27, 2006 No. 149-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (data obrashhenija: 27.02.2025).
24. Fedorov A. V. Mediaobrazovanie: istorija i teorija = Media education: history and theory. Moskva : Informacija dlja vseh, 2015. 450 s.
25. Chjen' Czjun'shuaj. Cifrovaja real'nost' i prava grazhdan v Kitae = Digital reality and citizens' rights in China // *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*. № 2 (170). 2019. S. 92–96.

26. Shalak A. V. Prioritety v oblasti zashhity informacionno-kul'turnogo prostranstva: istoriko-geopoliticheskaja interpretacija = Priorities in the field of information and cultural space protection: historical and geopolitical interpretation // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2021. T. 10, №. 1. S. 157–173.
27. Shtol' V. V. Strategicheskoe partnjorstvo v uslovijah vyzovov informacionnoj bezopasnosti = Strategic partnership for information security challenges // Obozrevatel'-Observer. 2024. №. 5. S. 134–145.
28. Bjorgul L. Cognitive warfare and the use of force // Stratagem. 3.11. 2021. URL: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (data obrashhenija: 24.08.2024).
29. Claverie B., du Cluzel F. The cognitive warfare concept. Innovation Hub. URL: https://www.innovationhubact.org/sites/default/files/202202/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (data obrashhenija 22.08.2024).
30. Dahl A. Considering a cognitive warfare framework. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep13807.9.pdf> (data obrashhenija: 21.08.2024).
31. Du Cluzel F. Cognitive warfare. Innovation Hub. URL: https://www.innovationhubact.org/sites/default/files/202101/20210122_CW%20Final.pdf (data obrashhenija: 22.08.2024).
32. Hopkins J. University & Imperial College London. Countering cognitive warfare: Awareness and resilience. NATO Review. 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (data obrashhenija: 22.08.2024).
33. Lanata A. (2022). Cognitive Warfare. 1.04. 2022. URL: <https://hal.science/hal-03635872/document> (data obrashhenija: 21.08.2024).
34. Norton B. Behind NATO's 'cognitive warfare': 'Battle for your brain' waged by Western militaries. 2021. URL: <https://mronline.org/2021/10/13/behind-natos-cognitive-warfare-battle-for-your-brain-waged-by-westernmilitaries/> (data obrashhenija: 22.08.2024).
35. Ottewell P. Defining the cognitive domain // OTH. 2020. URL: <https://othjournal.com/2020/12/07/defining-the-cognitive-domain/> (data obrashhenija: 24.08.2024).
36. Whiteaker J., Valkonen S. Cognitive warfare: complexity and simplicity // HAL. 2022. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635948/document> (data obrashhenija: 24.08.2024).

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.
The article was submitted on 21.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья

УДК 327.7

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-59

EDN: LUMJEZ

Направления интеграции инструментов OSINT в процессы обеспечения безопасности предприятий нефтегазового сектора

Дмитрий Андреевич Медведев¹, Анастасия Евгеньевна Малых^{2✉}

¹Кандидат политических наук, заведующий кафедрой (базовой) международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва.

²Инженер Управления стратегического развития, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва

¹Medvedev.d@gubkin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8275-5188>

²malykh.anastasia@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0001-3928-3445>

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ роли OSINT (Open Source Intelligence или разведка по открытым источникам данных) как инструмента конкурентной разведки в сфере обеспечения комплексной безопасности нефтегазового предприятия с использованием научно-исследовательских данных российских и зарубежных ученых, аналитических и статистических материалов в отношении использования конкурентной разведки по открытым источникам с целью обеспечения защищенности объектов нефтегазовых предприятий от различных видов угроз. Актуальность исследования обуславливается геополитической напряженностью, недружественными действиями отдельных государств, включающих в себя беспрецедентное санкционное давление, напрямую влияющее на экономическую безопасность российских стратегически значимых компаний, а также рисками терроризма и диверсии в отношении критически важных объектов нефтегазового комплекса – нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий, морских нефтегазовых скважин, магистральных газо- и нефтепродуктопроводов и т. д. На основании литературного обзора авторами было проведено исследование основных видов безопасности на нефтегазовых предприятиях, в рамках которых используются OSINT-данные, методологии OSINT и практических примеров использования данного инструментария. Кроме того, был проведен анализ значения OSINT при внедрении цифровых технологий, анализа уязвимостей критической информационной инфраструктуры и прогнозирования активности злоумышленников при угрозе физической и информационной безопасности объектов нефтегазового комплекса. Авторами были определены направления интеграции OSINT в сферу обеспечения защищенности объектов нефтегазового сектора и потенциал применения данного инструмента с целью мониторинга геополитических факторов обеспечения безопасности рассматриваемых объектов.

© Медведев Д. А., Малых А. Е., 2025

Ключевые слова: OSINT; комплексная безопасность; нефтегазовая отрасль; конкурентная разведка; критически важные объекты; геополитика; международное сотрудничество

Для цитирования: Медведев Д. А., Малых А. Е. Направления интеграции инструментов OSINT в процессы обеспечения безопасности предприятий нефтегазового сектора // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 59–74. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-59>. <https://elibrary.ru/LUMJEZ>.

Original article

Directions of OSINT tools integration into oil and gas sector security processes

Dmitriy A. Medvedev¹, Anastasia E. Malykh²✉

¹Candidate of political sciences, head of department of (basic) international cooperation in the field of security, Gubkin Russian state university of oil and gas (NRU), Moscow.

²Engineer, Strategic development department, Gubkin Russian state university of oil and gas (NRU), Moscow

¹Medvedev.d@gubkin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8275-5188>

²malykh.anastasia@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0001-3928-3445>

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the role of OSINT (Open Source Intelligence) as a tool for competitive exploration in the field of ensuring the integrated security of an oil and gas enterprise using research data from russian and foreign scientists, analytical and statistical materials regarding the use of competitive exploration from open sources in order to ensure the protection of oil and gas facilities from various types of threats. The relevance of the study is determined by geopolitical tensions, unfriendly actions of individual states, including unprecedented sanctions pressure that directly affects the economic security of russian strategically important companies, as well as the risks of terrorism and sabotage in relation to critical oil and gas facilities – oil producers and refineries, offshore oil and gas wells, gas and oil product trunk pipelines, etc. Based on the literature review, the authors conducted a study of the main types of safety at oil and gas enterprises, which use OSINT data, OSINT methodologies and practical examples of the use of this tool. In addition, an analysis of the value of OSINT in the introduction of digital technologies, an analysis of vulnerabilities in critical information infrastructure and forecasting the activity of criminals in the event of a threat to the physical and information security of oil and gas facilities was carried out. The authors identified areas of OSINT integration in the sphere of ensuring the security of oil and gas facilities and the potential for using this tool in order to monitor geopolitical factors to ensure the safety of the facilities under consideration.

Key words: OSINT; integrated security; oil and gas industry; competitive intelligence; critical facilities; geopolitics; international cooperation

For citation: Medvedev D. A., Malykh A. E. Directions of OSINT tools integration into oil and gas sector security processes. *Social and political researches*. 2025;2(27): 59–74. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-59>. <https://elibrary.ru/LUMJEZ>.

Введение

В контексте обеспечения технологического суверенитета основой развития топливно-энергетического комплекса будет являться инновационное развитие традиционных отраслей ТЭК: нефтегазовой отрасли, электроэнергетики, угольной и горно-обогатительной отрасли при создании и внедрении технологий на основании научно-технологических разработок и фундаментальных исследований [Жданеев, 2022]. Среди достижений нефтегазовой отрасли за последние годы ученые выделяют цифровизацию и автоматизацию процессов добычи и переработки нефти и газа, результатом которых является оптимизация процессов добычи углеводородов и значительное снижение эксплуатационных затрат. При этом отмечается, что компании нефтегазового сектора, обладающие суверенитетом в сфере технологической независимости, менее уязвимы к внешним воздействиям политического и экономического характера [Горбашко, 2024; Волошин, 2023].

Так, одним из важнейших вопросов развития нефтегазовой отрасли является обеспечение устойчивого функционирования и комплексной безопасности предприятий, включая надежность топливно- и энергоснабжения, комплексную автоматизацию процессов и

ИТ-системы с целью предотвращения наступления нежелательных событий на опасных производственных объектах [Подготовка к обеспечению ... , 2021], безопасность на объектах критической инфраструктуры.

Активное развитие и популяризация аналитических инструментов, позволяющих собирать, структурировать и использовать данные из открытых источников в интернете привели к интеграции методов «разведки по открытым источникам» (англ. *open source intelligence*, далее – OSINT) в деятельности многих компаний частного сектора.

Отметим, что, как правило, к инструментарию OSINT относятся следующие:

- структурирование индексируемой поисковыми ресурсами информации и использование специальных запросов, использование специализированных каталогов и поисковых систем, веб-скрейпинг открытой информации в интернете (не относящейся к персональным данным пользователей);
- поиск по фото- и видеоизображениям (IMINT), включая реверсивный (обратный) поиск, выявление и проверка метаданных файлов, оценка достоверности цифровых изображений;
- сбор и анализ геопрограммированной информации на основе изображений и иных данных

(GEOINT), работа со специальными базами картографической информации (например, Openstreetmap);

- сбор и систематизация открытой информации в социальных сетях, блогах, форумах, а также визуализация связей, построение социальных графов;

- использование веб-архивов, а также кэшированных данных веб-страниц, доступных в интернете;

- средства анализа доменов и IP-адресов;

- иные способы сбора и анализа информации из открытых источников.

Указанные методы стали внедряться и в процессы управления и обеспечения защиты промышленных предприятий по всему миру [Шармаев, 2022]. Вместе с этим динамичность внедренческих процессов происходит на фоне отсутствия однозначного толкования термина, а также определения совокупности инструментов, которые составляют методическую базу разведки по открытым источникам.

На текущий момент на международном уровне за OSINT не закреплена однозначная дефиниция, а применение инструментария OSINT не обеспечивается международной договорной базой. В ряде документов Организации Объединенных Наций упоминается термин, технически трактовка которого воспринимается как «сбор и анализ общедоступных данных из различных источников для проведения расследований» [Организация Объединенных Наций]. К таким источникам относятся веб-сайты, соци-

альные сети, онлайн-базы данных, сайты электронной коммерции, блоги, форумы, платформы для обмена сообщениями, правительственные порталы и даже даркнет.

На национальном уровне лишь в некоторых странах приняты регламентирующие документы, например, в США опубликована Стратегия OSINT на период с 2024 по 2026 гг. При этом данная Стратегия рассматривает OSINT с позиции разведывательных данных, полученных исключительно на основе общедоступной или коммерческой информации, которая затрагивает определенные приоритеты, требования или пробелы в разведывательных данных [The IC OSINT ...].

Тем не менее, в соответствии с докладом экспертов американского центра RAND, опубликованным в 2025 году, OSINT постепенно становится основным инструментом современной аналитики, системной методологией, подразумевающей под собой, в том числе технологии вероятностного прогнозирования с учетом коллективного опыта [Доклад RAND ...]. Отмечается, что вероятностное краудсорсинговое прогнозирование может компенсировать пробелы в сборе данных, дополняя традиционные методы сбора разведывательной информации. Кроме того, объем разведывательных данных к получению доступа по применению инструментария OSINT не поименован, что позволяет сделать вывод о расширительном толковании сфер использования таких данных для цели обеспечения безопасности как

предприятий, так и в целом государств.

Методы исследования

В ходе исследования был проведен комплексный анализ международного опыта использования инструментов OSINT для защиты предприятий нефтегазового комплекса от различных видов информационных угроз. В рамках системной методологии была выявлена роль OSINT в рамках обеспечения экономической и финансовой, информационной и кадровой безопасности, а также физической защищенности объектов нефтегазовых предприятий и социально- и международно-политических условий функционирования данных объектов. Для определения основных направлений использования анализа данных по открытым источникам были проведены интервью с представителями компаний, использующих OSINT в целях обеспечения комплексной безопасности предприятий. Также структурно-функциональный анализ использовался для определения интеграции OSINT в стратегии безопасности объектов нефтегазовой отрасли и защиты от киберугроз.

Результаты исследования

На сегодняшний день в рамках информационно-аналитического обеспечения защищенности нефтегазовых предприятий инструменты OSINT могут применяться разнообразно.

Как показывает анализ практической деятельности, основные

направления обеспечения безопасности, в которых используются методы OSINT на предприятиях:

- экономическая и финансовая безопасность организации (в этом случае инструменты дополняются специальными средствами, например, отслеживание криптовалютных операций);
- информационная безопасность и защищенность информационных систем организации;
- кадровая безопасность и риски, связанные с неблагонадежностью сотрудников;
- социально-политические и международно-политические условия функционирования предприятия (особенно в условиях односторонних рестрикций, применяемых к российскому нефтегазовому предприятию);
- физическая защищенность объектов.

Практические примеры внедрения в систему комплексной безопасности OSINT для снижения кадровых рисков касаются, как правило, верификации информации о потенциальных кандидатах на вакантные должности, однако дополняются возможностями анализа деятельности сотрудников для снижения рисков инсайдерских атак.

В рамках противодействия физическим угрозам предприятий могут быть использованы методы OSINT, касающиеся обеспечения анализа геоданных и анализа социальных сетей [Медведев, 2025]. В частности, в рамках анализа уязвимостей конкретного предприятия информация из открытых источни-

ков геопространственных данных позволяет оценить потенциальные угрозы, составить перечень рисков, связанных с потенциальными сценариями нападения на предприятие.

Инструментарий OSINT в отношении социальных сетей ориентирован на сбор и систематизацию данных о цифровом следе, который представляет собой уникальный набор отслеживаемых цифровых действий, коммуникаций, сохраняющихся в интернет или на цифровых устройствах. В более широком смысле, данные цифрового следа включают свидетельства о любой активности пользователей. Так, цифровой след включает в себя не только непосредственно записи о действиях, но и свидетельства о любой активности, например, геоданные.

В свою очередь, экономическая составляющая безопасности предприятия усиливается с помощью OSINT-инструментов за счет применения разведки по открытым источникам для проверки надежности контрагента или выявления научно-технической политики конкурентов [Елкина, 2021]. Например, Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании в своем Руководстве по борьбе с финансовыми преступлениями утверждает, что финансовые организации должны интегрировать OSINT в рабочие процессы EDD, используя его проверки из открытых источников в интернете в дополнение к коммерчески доступным базам данных [Blackdot Solutions ...].

По данным экспертов, в качестве операторов OSINT-данных выступают государственные органы и негосударственные организации, международные акторы, бизнес-корпорации и преступные организации [Янгаева, 2022].

Также в связи с внедрением инновационных цифровых технологий на объектах нефтегазовой отрасли, одним из наиболее актуальных вопросов остается безопасность цифровой инфраструктуры [Трофимов, 2023]. Уязвимость критической информационной инфраструктуры к информационным угрозам порождает необходимость совершенствования подходов к обеспечению информационной безопасности [Ярош, 2020].

В отношении информационных угроз инструментарий OSINT, в частности инструмент Shodan, позволяет оперативно выявлять подключенные к интернету устройства SCADA-систем, анализировать их уязвимости и мониторить активность потенциальных злоумышленников. Интеграция данных OSINT в математические модели, такие как процесс Хокса, позволяет уточнить интенсивность киберугроз и повысить точность прогнозирования атак. Применение таких подходов способствует переходу к адаптивным моделям управления безопасностью, способным учитывать временные характеристики угроз и оперативно реагировать на их изменения [Самарин, 2022].

Еще одно возможное применение средств разведки по открытым источникам в сфере информацион-

ной безопасности предприятия – сбор и синтез фрагментов похищенных данных. Злоумышленники часто размещают часть утекших данных в качестве демонстрации наличия потери информации организацией. Как отмечает OSINT-специалист Д. Мередит, «используя средства разведки по открытым источникам, специалисты по кибербезопасности выявляют и анализируют фрагменты похищенных данных, чтобы определить масштабы и характер взлома» [Мередит, 2025].

Инструменты разведки по открытым источникам могут также быть использованы для верификации информации, разоблачения фейковых сообщений, искаженных изображений, целью которых является введение сотрудников или руководства организации в заблуждение. Инструменты OSINT, такие как theHarvester, используются для отслеживания фишинговых атак до их реализации против организации [Мередит, 2025]. Другой способ верификации информации, в частности, изображений, используемых в разведке по открытым источникам – реверсивный поиск, позволяющий обнаружить, когда и где ранее в интернете данное изображение использовалось и как оно выглядело изначально.

По данным экспертов процесс анализа данных разведки по открытым источникам составляет, как правило, следующий аналитический цикл:

1) определение целей разведывательной деятельности;

2) определение соответствующих инструментов и осуществление сбора открытых данных;

3) обработка и фильтрация собранных данных исходя из целей деятельности;

4) анализ и структуризация информации, выявление связей, проверка гипотез, верификация данных;

5) обзор результатов;

6) отчетность и обратная связь [Rajamäki & Tiitta, 2024].

При этом критически важным аспектом этапа сбора данных является применение специализированного инструментария OSINT. Отмечается высокая эффективность таких инструментов, как Maltego (для визуализации связей и автоматизированного сбора данных из различных типов источников) и SpiderFoot (для автоматического сканирования и агрегации информации о доменах, IP-адресах, почтовых серверах и т. д.). Дополнением к ним служат общедоступные ресурсы, такие как поисковые системы для обнаружения индексируемой технической информации и данных о сотрудниках, а также геосервисы для анализа инфраструктуры организации.

Исследование экспертов позволяет сделать вывод об эффективности внедрения и интеграции OSINT в систему Cyber Threat Intelligence (CTI) компании при обеспечении перехода от реактивной к проактивной модели безопасности [Палеев, 2022; Перов, 2024]. Кроме того, такая система представляет

собой основу мониторинга угроз деятельности организации, включая выявление уязвимостей (например, случайно опубликованных конфиденциальных данных, информации об устаревшем ПО) до их получения злоумышленниками. Также в рамках данной интеграции, представляется возможным моделировать сценарии реализации киберугроз (“Red Teaming”), используя те же источники и инструменты OSINT (такие как Maltego и SpiderFoot для анализа цифровых следов сотрудников), которые доступны киберпреступникам для подготовки целевых фишинговых атак или атак социальной инженерии. Выявление этих данных силами самой организации позволяет своевременно принимать меры по работе с уязвимостями и повышать осведомленность персонала.

Важно отметить, что внедрение формализованного процесса OSINT с использованием специализированного инструментария является критически важным элементом для усиления киберустойчивости организаций вне зависимости от направления основной деятельности. Оно способствует проактивному управлению угрозами, снижению операционных и репутационных рисков, а также укреплению системы управления непрерывностью функционирования компании. Перспективными направлениями для развития возможностей OSINT в целях обеспечения корпоративной безопасности является мониторинг угроз в Dark Web, изучение влияния искусственного интеллекта

на эффективность и риски OSINT-процессов, включая автоматизацию анализа данных. В качестве будущих направлений интеграции OSINT с другими технологиями выделяются: искусственный интеллект, машинное обучение и блокчейн-форензика, что позволит выявлять, к примеру, подозрительные транзакции с криптовалютой, киберуязвимости, дезинформацию в медиапространстве [Szymoniak, 2025]. Также с помощью OSINT прогнозируется создание более защищенных от несанкционированного доступа систем цифровой идентификации.

Отметим, что в компаниях финансового сектора и сфере консалтинга все более релевантным становится набор персонала с компетенциями в сфере OSINT-аналитики. Так, в компании «Сбербанк» для специалиста по информационной безопасности необходимы навыки аналитической обработки информации по методологии OSINT, для специалиста компании «Ингосстрах» также дополнительным требованием указывается анализ киберугроз с применением инструментов OSINT, в обязанности специалиста по управлению киберрисками компании «Деловые решения и технологии» входит анализ информации о компании на основе открытых источников (OSINT). Эксперты также отмечают необходимость инвестирования компаний в обучение специалистов лучшим практикам OSINT-аналитики для распознавания актуальных угроз, работы с автоматизированными

данными с учетом этических и правовых факторов [Szymoniak, 2025].

Помимо этого, не менее важным аспектом обеспечения комплексной безопасности ТЭК является устойчивое развитие нефтегазовой отрасли, которое сопряжено с рядом рисков: волатильность цен на энергоресурсы, установление потолка цен на нефтепродукты недружественными странами (*príse cap*), увеличение количества трудноизвлекаемых запасов, потеря рынков сбыта, недостаток инноваций и технологий, ограничение доступа к иностранному капиталу, санкционное давление, введение эмбарго и т. д. [Противодействие угрозам ... , 2023]. В данном контексте инструментарий OSINT используется для оценки и минимизации санкционных рисков, позволяет провести комплексную комплаенс-проверку контрагента на предмет санкционных связей, а также выявить конечных бенефициаров, в том числе по внешнеэкономическим сделкам.

Особую актуальность применение OSINT приобретает в рамках современного международного взаимодействия, при котором интенсивный обмен данными способствует формированию единого информационного пространства и увеличению доступности рядовых пользователей в интернете к огромному массиву разнородной информации о большинстве организаций. Так, известно, что системы онлайн-мониторинга водного и воздушного транспорта (например, *flightradar24*, *marinetraffic*) используются аналитиками для выявления

актуальных транспортно-логических маршрутов конкурентов, сбора данных о направлениях сбыта продукции и основных партнерах.

Действительно, «международное сотрудничество в нефтегазовой отрасли стимулирует внедрение единых протоколов обработки информации» [Качелин, 2023, с. 95], а также создает платформу для большей информационной открытости взаимодействия. Вместе с очевидными положительными эффектами эти процессы порождают и дополнительные риски. Как отмечает Ю. В. Боровский, современные энергетические отношения требуют «гибких механизмов адаптации к изменяющимся геополитическим реалиям» [Боровский, 2023], что подчеркивает необходимость интеграции OSINT в стратегии безопасности крупных транснациональных компаний, которые часто являются основной целью рестрикционного давления в рамках текущих геополитических процессов.

Важно отметить, что использование инструментов OSINT позволяет компаниям нефтегазового сектора выявлять угрозы на ранних стадиях, анализируя открытые данные: от новостных агрегаторов до социальных сетей и спутниковых снимков. Например, мониторинг данных из открытых источников помогает предупредить кибератаки на системы управления производством, а анализ геополитических трендов – спрогнозировать риски срыва поставок. Я. А. Ворожеина и

соавторы указывают, что «геополитическая безопасность России напрямую связана с устойчивостью ее энергетической инфраструктуры» [Геополитическая безопасность ... , 2023, с. 155], что делает OSINT критически важным для оценки региональных конфликтов и санкционных рисков.

Кроме того, OSINT способствует оперативному реагированию на инциденты. Так, в 2022 г. некоторые европейские компании использовали спутниковые данные для отслеживания перемещения танкеров в условиях санкций, что позволило оптимизировать логистику [Крюков, 2022]. Подобные примеры демонстрируют, как апробация инструмента анализа данных по открытым источникам становится основой для осуществления стратегических решений.

В то же время эффективность инструментов OSINT в информационно-аналитическом обеспечении безопасности предприятий нефтегазового сектора может быть усилена с помощью механизмов трансграничного сотрудничества. Так, страны СНГ, как отмечает А. Ю. Грачев, активно развивают правовые механизмы совместного мониторинга объектов ТЭК, включая обмен аналитикой на базе OSINT [Грачев, 2022]. Подобные инициативы снижают риски террористических актов и техногенных катастроф, обеспечивая оперативную обработку открытых данных.

Кроме того, проекты в рамках БРИКС, такие как разработка альтернативных систем платежей,

опираются на OSINT с целью минимизации рисков санкционного давления [Российский и мировой ТЭК ... , 2024; Мурашко, 2023]. Данный пример демонстрирует, как международное взаимодействие интегрирует открытые данные в инструментарий экономической безопасности.

Заключение

Несмотря на высокий потенциал, в случае применения OSINT в международном контексте наблюдается ряд сложностей. В первую очередь, требуется тщательная проверка данных на предмет фейкового характера информации. Во-вторых, национальный правовой режим данных, подлежащих обмену на международном уровне, может иметь существенные различия, что затрудняет сотрудничество стран в данной сфере. Е. А. Осадченко отмечает, что «энергетическая безопасность РФ зависит от согласованности международно-правовых норм» [Осадченко, 2024, с. 85], что актуально для регулирования OSINT.

Как подчеркивает А. В. Новак, «надежность энергоснабжения невозможна без инновационных подходов к безопасности» [Новак, 2021, с. 10]. В данном контексте OSINT становится связующим звеном между технологическим прогрессом и перспективами международного взаимодействия в обеспечении комплексной безопасности нефтегазовых предприятий.

Таким образом, по результатам исследования авторами было выявлено следующее:

1) инструментарий OSINT имеет значительный потенциал к дальнейшему внедрению в процессы информационно-аналитического обеспечения комплексной безопасности нефтегазовых предприятий, позволяя минимизировать различные виды рисков, возникающих в ходе их функционирования, в особенности в случае применения на объектах автоматизированных систем управления. Также прогнозируется будущее интеграции OSINT с технологиями машинного обучения, искусственного интеллекта, блокчейн-форензики;

2) при этом на данный момент отсутствует единый подход к дефиниции OSINT на международно-правовом уровне наряду с толкованием сферы применения данного инструмента. Таким образом, инструменты OSINT широко используются в различных сферах: от маркетинговых исследований и корпоративной безопасности до

выявления нарушений санкционных режимов отдельными странами. Отсутствует также и полный перечень видов инструментов, методик и способов разведки по открытым источникам, несмотря на некоторые попытки со стороны экспертного и научного сообщества по систематизации указанной деятельности;

3) основные виды безопасности нефтегазовых объектов, в рамках которых могут быть использованы OSINT-данные: экономическая и финансовая безопасность, информационная безопасность, кадровая безопасность, социально-политические и международно-политические условия функционирования предприятий, физическая защищенность объектов;

4) определены направления интеграции OSINT в обеспечение безопасности объектов нефтегазового комплекса, в частности, использование открытых данных для формирования моделей прогнозирования частоты кибератак на предприятия.

Библиографический список

1. Боровский Ю. В. Россия и Евросоюз: смена тренда в энергетических отношениях // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. DOI 10.18384/2224-0209-2023-3-1323. EDN VUNYMU.
2. Волошин В. И. Технологический фактор развития российского нефтегазового комплекса // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 7. С. 7–23. DOI 10.24412/2072-8042-2023-7-7-23. EDN MPDLGT.
3. Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы / Я. А. Ворожеина, А. П. Клемешев, Н. А. Комлева [и др.] // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 153–169. DOI 10.5922/2079-8555-2023-1-9. EDN YGFCOQ.
4. Горбашко Е. А. Технологический суверенитет как фактор конкурентоспособности нефтегазовых компаний Российской Федерации / Е. А. Горбашко, В. И. Бородин // Экономика и управление. 2024. Т. 30, № 9. С. 1100–1110. DOI 10.35854/1998-1627-2024-9-1100-1110. EDN QXXKHW.

5. Грачев А. Ю. Международное сотрудничество стран СНГ в сфере правового обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 1. С. 21–29. EDN FMKHXA.
6. Доклад RAND «Mitigating Emerging Human Intelligence Challenges with Forecasting». URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2025/06/mitigating-emerging-human-intelligence-challenges-with.html> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Елкина О. С. Внутренние угрозы энергетической безопасности и пути их нейтрализации / О. С. Елкина, С. Е. Елкин, В. А. Сырчин // Теоретическая экономика. 2021. № 10(82). С. 56–70. DOI 10.52957/22213260_2021_10_56. EDN UBVJRB.
8. Жданев О. В. Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации // Записки Горного института. 2022. Т. 258. С. 1061–1078. DOI 10.31897/PMI.2022.107. EDN QBQUEX.
9. Качелин А. С. Международное сотрудничество как фактор научно-технологического развития в нефтегазовой отрасли России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 1. С. 85–110. DOI 10.24412/2071-6435-2023-1-85-110. EDN UKBXCO.
10. Крюков В. А. ТЭК Китая и России в контексте перехода на траекторию низкоуглеродного развития / В. А. Крюков, Я. В. Крюков // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 3. С. 141–167. DOI 10.14530/se.2022.3.141-167. EDN OELQST.
11. Медведев Д. А. Информационно-аналитическое описание газоперерабатывающего завода как типового объекта топливного сектора инфраструктуры зарубежных стран на основе открытых источников / Д. А. Медведев, Р. А. Полончук // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 3, № 2(155). С. 62–69. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.03.007. EDN BALPNZ.
12. Мереди Дэйл Д27 OSINT. Руководство по сбору и анализу открытой информации в интернете. Астана : Спринт Бук, 2025. 224 с.
13. Мурашко М. М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 22, № 2. С. 18–39. DOI 10.48137/26870703_2023_22_2_18. EDN CGWZMO.
14. Новак А. В. Задача ТЭК России – надежное снабжение потребителей страны и мира // Энергетическая политика. 2021. № 2(156). С. 6–17. DOI 10.46920/2409-5516_2021_2156_6. EDN MSLPVF.
15. Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: <https://www.unodc.org/unodc/frontpage/2025/March/using-open-source-intelligence-to-investigate-human-trafficking-and-migrant-smuggling.html> (дата обращения: 24.04.2025).
16. Осадченко Е. А. Место энергетической безопасности в системе безопасности Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2024. Т. 22, № 3. С. 83–91. DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(3).83-91. EDN GFFCRN.
17. Палеев Д. Л. Пути укрепления энергетической безопасности России в условиях обострения геополитической ситуации / Д. Л. Палеев, М. В. Черняев // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 4. С. 154–164. DOI 10.29030/2309-2076-2022-15-4-154-164. EDN ORLTKI.

18. Перов А. В. Процессы трансформации российской энергетики: геополитическое измерение // Геоэкономика энергетики. 2024. Т. 25, № 1. С. 111–124. DOI 10.48137/26870703_2024_25_1_111. EDN MJFCRA.
19. Подходы к обеспечению безопасности на нефтегазовых предприятиях / А. С. Кравцов, В. А. Седельникова, К. А. Чижев [и др.] // Московский экономический журнал. 2021. № 9. DOI 10.24411/2413-046X-2021-10573. EDN UKNVMY.
20. Противодействие угрозам и рискам устойчивого развития нефтегазовой отрасли как стратегическое направление обеспечения экономической безопасности РФ / Ю. А. Чугаева, А. А. Лютынская, А. Р. Ашальян, Е. Е. Ткаля // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 1(45). С. 303–309. EDN QNWORI.
21. Самарин И. В. Обеспечение информационной безопасности АСУ ТП с использованием метода предиктивной защиты // Программные продукты и системы. 2022. № 3. С. 111–118. DOI: 10.15827/2311-6749.22.3.111.
22. Российский и мировой ТЭК: угрозы и перспективы повышения экономической безопасности / Ю. А. Чугаева, А. Л. Унанов, М. С. Боженков, М. З. Тхагушев // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 2(52). С. 283–286. EDN GKEPZR.
23. Трофимов С. Е. Государственное регулирование нефтегазового комплекса в условиях цифровизации мировой экономической системы // Управленческие науки. 2023. Т. 13, № 1. С. 71–82. DOI 10.26794/2304-022X-2023-13-1-71-82. EDN ESQTLH.
24. Шармаев В. И. Обеспечение информационной безопасности с помощью разведки по открытым источникам (OSINT) / В. И. Шармаев, Я. А. Андреева, К. А. Василевский // Вопросы защиты информации. 2022. № 2(137). С. 45–50. DOI 10.52190/2073-2600_2022_2_45. EDN KRYLPB.
25. Янгаева М. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет / М. О. Янгаева, Н. О. Павленко // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2(38). С. 131–135. EDN HDISPM.
26. Ярош А. С. Цифровая экономика и безопасность КИИ ТЭК / А. С. Ярош, А. В. Житников // Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. 2020. № 3. С. 68–72. EDN CRHHVQ.
27. Blackdot Solutions: официальный сайт. URL: <https://blackdotsolutions.com/wp-content/uploads/2022/10/The-Guide-to-OSINT-for-Financial-Crime-Investigators.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).
28. Rajamäki, Jyri & Tiitta, Krista. Implementation of OSINT for Improving an International Finance Sector Organization's Cybersecurity. International Conference on Cyber Warfare and Security. 19. 612-616. 202410.34190/iccws.19.1.1977.
29. Szymoniak, Sabina; Foks, Kacper; and Pyrkosz-Dziubczyk, Aleksandra "Application of OSINT Methods in Ensuring Cybersecurity", IPSI Transactions on Internet Research, vol. 20(2), pp. 38-49, 2025. <https://doi.org/10.58245/ipsi.tir.2502.05>.
30. The IC OSINT Strategy 2024-2026. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/IC_OSINT_Strategy.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

Reference list

1. Borovskij Ju. V. Rossiya i Evrosojuz: smena trenda v jenergeticheskikh otnoshenijah = Russia and the European Union: a change in trend in energy relations // Rossijskij social'no-gumanitarnyj zhurnal. 2023. № 3. DOI 10.18384/2224-0209-2023-3-1323. EDN VUNYMU.

2. Voloshin V. I. Tehnologicheskij faktor razvitiya rossijskogo neftegazovogo kompleksa = Technological factor of development of the Russian oil and gas complex // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2023. № 7. S. 7–23. DOI 10.24412/2072-8042-2023-7-7-23. EDN MPDLGT.
3. Geopoliticheskaja bezopasnost' Rossii: k postanovke problemy = Geopolitical security of Russia: to the formulation of the problem / Ja. A. Vorozheina, A. P. Klemeshev, N. A. Komleva [i dr.] // Baltijskij region. 2023. T. 15, № 1. S. 153–169. DOI 10.5922/2079-8555-2023-1-9. EDN YGFCOQ.
4. Gorbashko E. A. Tehnologicheskij suverenitet kak faktor konkurentosposobnosti neftegazovyh kompanij Rossijskoj Federacii = Technological sovereignty as a factor of competitiveness of oil and gas companies of the Russian Federation / E. A. Gorbashko, V. I. Borodin // Jekonomika i upravlenie. 2024. T. 30, № 9. S. 1100–1110. DOI 10.35854/1998-1627-2024-9-1100-1110. EDN QXXKHW.
5. Grachev A. Ju. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo stran SNG v sfere pravovogo obespechenija bezopasnosti ob#ektov toplivno-jenergeticheskogo kompleksa = International cooperation of the CIS countries in the field of legal support for the safety of fuel and energy facilities // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, jekonomika, pravo. 2022. № 1. S. 21–29. EDN FMKHXA.
6. Doklad RAND «Mitigating Emerging Human Intelligence Challenges with Forecasting» = Report RAND «Mitigating Emerging Human Intelligence Challenges with Forecasting». URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2025/06/mitigating-emerging-human-intelligence-challenges-with.html> (data obrashhenija: 24.04.2025).
7. Elkina O. S. Vnutrennie ugrozy jenergeticheskoi bezopasnosti i puti ih nejtralizacii Internal threats to energy security and ways to neutralize them / O. S. Elkina, S. E. Elkin, V. A. Syrchin // Teoreticheskaja jekonomika. 2021. № 10(82). S. 56–70. DOI 10.52957/22213260_2021_10_56. EDN UBVJRB.
8. Zhdaneev O. V. Obespechenie tehnologicheskogo suvereniteta otraslej TJeK Rossijskoj Federacii = Ensuring the technological sovereignty of the fuel and energy sectors of the Russian Federation // Zapiski Gornogo instituta. 2022. T. 258. S. 1061–1078. DOI 10.31897/PMI.2022.107. EDN QBQUX.
9. Kachelin A. S. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo kak faktor nauchno-tehnologicheskogo razvitiya v neftegazovoj otrasli Rossii = International cooperation as a factor of scientific and technological development in the Russian oil and gas industry // JeTAP: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika. 2023. № 1. S. 85–110. DOI 10.24412/2071-6435-2023-1-85-110. EDN UKBXCO.
10. Krjukov V. A. TJeK Kitaja i Rossii v kontekste perehoda na traektoriju nizkouglerodnogo razvitiya = Fuel and energy complex of China and Russia in the context of the transition to a low-carbon development trajectory / V. A. Krjukov, Ja. V. Krjukov // Prostranstvennaja jekonomika. 2022. T. 18, № 3. S. 141–167. DOI 10.14530/se.2022.3.141-167. EDN OELQST.
11. Medvedev D. A. Informacionno-analiticheskoe opisanie gazopererabatyvajushhego zavoda kak tipovogo ob#ekta toplivnogo sektora infrastruktury zarubezhnyh stran na osnove otkrytyh istochnikov = Information and analytical description of the gas processing plant as a typical object of the fuel sector of the infrastructure of foreign countries based on open sources / D. A. Medvedev, R. A. Polonchuk // Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija. 2025. T. 3, № 2(155). S. 62–69. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.03.007. EDN BALPNZ.

12. Meredit Dejl D27 OSINT. Rukovodstvo po sboru i analizu otkrytoj informacii v internete = Guidelines for collecting and analyzing open information on the Internet Astana : Sprint Buk, 2025. 224 s.
13. Murashko M. M. Rossijskaja strategija importozameshhenija v TJeK = Russian strategy of import substitution in the fuel and energy complex // Geojekonomika jenergetiki. 2023. T. 22, № 2. S. 18–39. DOI 10.48137/26870703_2023_22_2_18. EDN CGWZMO.
14. Novak A. V. Zadacha TJeK Rossii – nadezhnoe snabzhenie potrebitelej strany i mira = The task of the fuel and energy complex of Russia is to reliably supply consumers of the country and the world // Jenergeticheskaja politika. 2021. № 2(156). S. 6–17. DOI 10.46920/2409-5516_2021_2156_6. EDN MSLPVF.
15. Organizacija Ob#edinennyh Nacij = United Nations: oficial'nyj sajt. URL: <https://www.unodc.org/unodc/frontpage/2025/March/using-open-source-intelligence-to-investigate-human-trafficking-and-migrant-smuggling.html> (data obrashhenija: 24.04.2025).
16. Osadchenko E. A. Mesto jenergeticheskoy bezopasnosti v sisteme bezopasnosti Rossijskoj Federacii = Place of energy security in the security system of the Russian Federation // Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Jekonomika. 2024. T. 22, № 3. S. 83–91. DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(3).83-91. EDN GFFCRN.
17. Paleev D. L. Puti ukreplenija jenergeticheskoy bezopasnosti Rossii v uslovijah obostrenija geopoliticheskoy situacii = Ways to strengthen Russia's energy security amid a worsening geopolitical situation / D. L. Paleev, M. V. Chernjaev // Jekonomicheskie sistemy. 2022. T. 15, № 4. S. 154–164. DOI 10.29030/2309-2076-2022-15-4-154-164. EDN ORLTKI.
18. Perov A. V. Processy transformacii rossijskoj jenergetiki: geopoliticheskoe izmerenie = Russian energy transformation processes: geopolitical dimension // Geojekonomika jenergetiki. 2024. T. 25, № 1. S. 111–124. DOI 10.48137/26870703_2024_25_1_111. EDN MJFCRA.
19. Podhody k obespecheniju bezopasnosti na neftegazovyh predpriyatijah = Approaches to Safety at Oil and Gas Enterprises / A. S. Kravcov, V. A. Sedel'nikova, K. A. Chizhov [i dr.] // Moskovskij jekonomicheskij zhurnal. 2021. № 9. DOI 10.24411/2413-046X-2021-10573. EDN UKNVMY.
20. Protivodejstvie ugrozam i riskam ustojchivogo razvitiya neftegazovoj otrasli kak strategicheskoe napravlenie obespechenija jekonomicheskoy bezopasnosti RF = Countering threats and risks of sustainable development of the oil and gas industry as a strategic direction for ensuring the economic security of the Russian Federation / Ju. A. Chugaeva, A. A. Ljutynskaja, A. R. Ashaljan, E. E. Tkalja // Estestvenno-gumanitarnye issledovanija. 2023. № 1(45). S. 303–309. EDN QNWORI.
21. Samarin I. V. Obespechenie informacionnoj bezopasnosti ASU TP s ispol'zovaniem metoda prediktivnoj zashhity = Ensuring information security of APCS using the predictive protection method // Programmnye produkty i sistemy. 2022. № 3. S. 111–118. DOI: 10.15827/2311-6749.22.3.111.
22. Rossijskij i mirovoj TJeK: ugrozy i perspektivy povyshenija jekonomicheskoy bezopasnosti = Russian and world fuel and energy complex: threats and prospects for improving economic security / Ju. A. Chugaeva, A. L. Unanov, M. S. Bozhenov, M. Z. Thagushev // Estestvenno-gumanitarnye issledovanija. 2024. № 2(52). S. 283–286. EDN GKEPZR.

23. Trofimov S. E. Gosudarstvennoe regulirovanie neftegazovogo kompleksa v usloviyah cifrovizacii mirovoj jekonomicheskoy sistemy = State regulation of the oil and gas complex in the context of digitalization of the global economic system // Upravlencheskie nauki. 2023. T. 13, № 1. S. 71–82. DOI 10.26794/2304-022X-2023-13-1-71-82. EDN ESQTLH.

24. Sharmaev V. I. Obespechenie informacionnoj bezopasnosti s pomoshh'ju razvedki po otkrytym istochnikam (OSINT) = Information Security through Open Source Intelligence (OSINT) / V. I. Sharmaev, Ja. A. Andreeva, K. A. Vasilevskij // Voprosy zashhity informacii. 2022. № 2(137). S. 45–50. DOI 10.52190/2073-2600_2022_2_45. EDN KRYLPB.

25. Jangaeva M. O. OSINT. Poluchenie kriminalisticheskij znachimoj informacii iz seti Internet = Obtaining criminally relevant information from the Internet / M. O. Jangaeva, N. O. Pavlenko // Altajskij juridicheskij vestnik. 2022. № 2(38). S. 131–135. EDN HDISPM.

26. Jarosh A. S. Cifrovaja jekonomika i bezopasnost' KII TJeK = Digital Economy and Security CII Fuel and Energy Complex / A. S. Jarosh, A. V. Zhitnikov // Vestnik nauchnogo centra po bezopasnosti rabot v ugol'noj promyshlennosti. 2020. № 3. S. 68–72. EDN CRHHVQ.

27. Blackdot Solutions: oficial'nyj sajt. URL: <https://blackdotsolutions.com/wp-content/uploads/2022/10/The-Guide-to-OSINT-for-Financial-Crime-Investigators.pdf> (data obrashhenija: 24.04.2025).

28. Rajamäki, Jyri & Tiitta, Krista. Implementation of OSINT for Improving an International Finance Sector Organization's Cybersecurity. International Conference on Cyber Warfare and Security. 19. 612-616. 202410.34190/iccws.19.1.1977.

29. Szymoniak, Sabina; Foks, Kacper; and Pyrkosz-Dziubczyk, Aleksandra “Application of OSINT Methods in Ensuring Cybersecurity”, IPSI Transactions on Internet Research, vol. 20(2), pp. 38-49, 2025. <https://doi.org/10.58245/ipsi.tir.2502.05>.

30. The IC OSINT Strategy 2024-2026. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/IC_OSINT_Strategy.pdf (data obrashhenija: 24.04.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья
УДК 328, 329.1/.6
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-75
EDN: IXRPXP

Перегруппировка правопопулистских партий и образование фракции «Патриоты за Европу» в Европарламенте в 2024 г.

Дмитрий Иванович Попов

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории международных отношений, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск
55popov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3091-3524>

Аннотация. В статье анализируется один из ключевых результатов европейских выборов 2024 г. – перегруппировка правопопулистских партий и создание в Европарламенте десятого созыва фракции «Патриоты за Европу» – третьей по числу членов парламентской группы и крупнейшего правопопулистского блока в его истории. Установлено, что активную объединительную работу среди лидеров правопопулистских партий вела французский политик М. Ле Пен, инициировавшая альянс двух влиятельных партий – «Национальное объединение» и «Братья Италии». На его основе предполагалось объединить фракции «Идентичность и демократия» и «Европейские консерваторы и реформисты», создав тем самым парламентскую группу, объединяющую большинство праворадикальных депутатов и способную стать ведущей силой в Европарламенте. Раскрыто содержание переговорного процесса, показано, что его основой являлась близость позиций партий по вопросам защиты национального суверенитета, борьбы с нелегальной иммиграцией и необходимости пересмотра «Зелёного соглашения ЕС».

Выявлены причины неуспеха данного проекта, показано содержание межпартийных разногласий, различий в партийных тактиках. Основной причиной неудачи объединительного проекта названо неприемлемое для М. Ле Пен сотрудничество фракции Дж. Мелони с председателем Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и фракцией Европейской народной партии. В статье объяснены причины кризисных явлений, охвативших фракцию «Идентичность и демократия» и ее последующий распад.

В статье показана роль В. Орбана в деле создания после выборов в Европарламент нового межпартийного альянса – «Патриотов за Европу». Определен состав новой фракции, объединившей 86 депутатов, представляющих 15 национальных правопопулистских партий из 13 стран ЕС. Выявлены причины, позитивно и негативно влияющие на сотрудничество правых популистов в Европарламенте.

Ключевые слова: Европейский союз; Европейский парламент; «Идентичность и демократия»; «Патриоты за Европу»; правый популизм; евроскептицизм; европейские выборы 2024 г.

© Попов Д. И., 2025

Для цитирования: Попов Д. И. Перегруппировка правопопулистских партий и образование фракции «Патриоты за Европу» в Европарламенте в 2024 г. // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 75–93. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-75>. <https://elibrary.ru/IXRPXP>.

Original article

Regrouping of right-wing populist parties and formation of the Patriots for Europe faction in the European Parliament in 2024

Dmitry I. Popov

Doctor of historical sciences, associate professor, professor at department of history and theory of international relations, Omsk state university named after F. M. Dostoevsky, Omsk

55popov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3091-3524>

Abstract. The article analyzes one of the important results of the 2024 European elections – the regrouping of right-wing populist parties and the creation of the Patriots for Europe faction in the tenth European Parliament, the third largest parliamentary group and the largest right-wing populist bloc in its history. It has been established that the french politician M. Le Pen, who initiated an alliance of two influential parties, the National Rally and the Brothers of Italy, conducted active unification work among the leaders of right-wing populist parties. It was supposed to unite the factions “Identity and Democracy” and “European Conservatives and Reformists” on its basis. Thus, creating a parliamentary group that would unite the majority of right-wing radical deputies and be able to become the leading force in the European Parliament. The content of the negotiation process is revealed, it is shown that its basis was the closeness of the parties' positions on the issues of protecting national sovereignty, combating illegal immigration and the need to revise the EU Green Deal.

The reasons for the failure of this project are revealed, the content of inter-party disagreements and differences in party tactics are shown. The main reason for the failure of the unification project is the unacceptable cooperation of the faction of M. Le Pen. Meloni with the President of the European Commission U. von der Leyen and the faction of the European People's Party. The article explains the causes of the crisis that engulfed the Identity and Democracy faction and its subsequent disintegration.

The role of V. Orban in the creation of a new inter-party alliance after the elections to the European Parliament – “Patriots for Europe” is shown. The composition of the new faction, which united 86 deputies representing 15 national right-wing populist parties from 13 EU countries, is revealed. The reasons that positively and negatively influence the cooperation of right-wing populists in the European Parliament are identified.

Key words: European Union; European Parliament; Identity and Democracy; The Patriots for Europe; right-wing populism; Euroscepticism; 2024 European Parliament elections

For citation: Popov D. I. Regrouping of right-wing populist parties and formation of the Patriots for Europe faction in the European Parliament in 2024. *Social and political researches*. 2025;2(27): 75–93. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-75>. <https://elibrary.ru/IXRPXP>.

Введение

30 июня 2024 г. в ходе визита в Австрию премьер-министр Венгрии В. Орбан объявил о создании в Европарламенте фракции «Патриоты за Европу», призванной, по его словам, «принести мир, безопасность и развитие вместо войны, миграции и застоя» [Цит. по: Jenne, 2024]. Усилия по консолидации евродепутатов от правопопулистских партий в парламентскую группу предпринимались неоднократно, но некоторых успехов правые популисты достигли только к концу 2010-х гг. в Европарламенте девятого созыва. В 2020 г. фракция «Идентичность и демократия», объединив 76 евродепутатов от десяти национальных политических партий, заняла четвертое место среди восьми парламентских групп. Стоит напомнить, что ее предшественница – фракция «Европа наций и свобод» с тридцатью шестью депутатами в Европарламенте восьмого созыва – была самой малочисленной [Seats by ... , 2014–2019].

Институализированное сотрудничество политических партий в европейском представительном органе имеет немало преимуществ. Кроме регулярных бюджетных субсидий, фракции получают такие инструменты влияния на законодательный процесс и формирование политического курса Европейского союза, как участие в формировании повестки дня, внесение поправок к законопроектным и резолюциям, а также право претендовать на руко-

водящие посты в парламенте, его ключевых комитетах и рабочих группах. Партнерство в стенах Европарламента также позволяет национальным политическим партиям преобразовывать электоральные успехи у себя на родине в политическое влияние на наднациональном уровне [Мельникова, 2024].

Теоретико-методологическая основа исследования

Цель статьи – выявить факторы и объяснить перегруппировку правопопулистских партий в контексте европейских выборов 2024 г., а также раскрыть механизм формирования фракции «Патриоты за Европу» в Европарламенте десятого созыва. Теоретическую основу статьи составляют работы М. Дюверже [Дюверже, 2002] и Дж. Придема [Coalitional Behavior, 1986], позволяющие установить движущие силы объединения партий в парламентские коалиции, выявить их политическую природу, специфику отношений между их участниками в условиях многомерного политического пространства. Концептуальные подходы к изучению партийных коалиций в Европарламенте (Т. Раунио [Raunio, 1997], Э. Креппель [Kreppel, 2002], К. Гизан [Guisan, 2022]) позволили раскрыть сложные взаимосвязи между различными факторами процесса фрактализации и фрагментации правопопулистских партий в европейском представительном органе, такими как идеология,

политическая стратегия, политическое лидерство, внутренние конфликты. Теория рационального выбора американского политолога У. Райкера [Riker, 1962], а также «минимально связанной выигрышной коалиции» Р. Аксельрода [Axelrod, 1970] позволили объяснить партийную перегруппировку в правопопулистском лагере в ходе электорального процесса 2024 г.

Концептуализация феномена правого популизма содержится в работах нидерландского политолога К. Мюдде [Mudde, 2007], немецкого философа и историка Я.-В. Мюллера [Мюллер, 2018], а также российского политолога П. В. Осколкова [Осколков, 2019].

Эмпирическую базу исследования составили новостные и аналитические публикации средств массовой информации, заявления и выступления государственных и партийных лидеров, партийные манифесты, а также другие материалы, отражающие участие партий в европейском электоральном процессе. К последним, в частности, относятся данные о результатах выборов, распределении мандатов в Европарламенте, составе парламентских фракций.

Результаты исследования

Весной 2024 г., накануне очередных европейских выборов, лидеры национальных правопопулистских партий, желая не только закрепить, но и развить достигнутые успехи в области межпартийного сотрудничества, предприняли

новые усилия по консолидации правого лагеря. В частности, активную объединительную работу среди правых популистов вела экс-президент французской партии «Национальное объединение» М. Ле Пен. В 2019 г. она совместно с руководителем итальянской партии «Лига» М. Сальвини, уже выступила вдохновителем и организатором фракции «Идентичность и демократия». Этот альянс претендовал на роль «самой крупной, самой значительной, самой решительной и ориентированной на будущее» фракции Европарламента, которая «наконец-то может стать в нём руководящей силой» [Casert, 2019]. В «Идентичность и демократию» вошли такие национальные партии, как «Альтернатива для Германии», «Фламандский интерес», «Истинные финны», Австрийская и Нидерландская партии свободы [Balas, 2023], обладавшие мощным организационным, идейным и электоральным потенциалом у себя на родине. Однако «Идентичность и демократия» не смогла, как планировалось, «собрать под одной крышей» всех «суверенистов» [De La Baume, 2019]. Некоторые партии, представленные в национальных парламентах и улучшившие свое положение по результатам европейских выборов 2019 г. (венгерская «Фидес», польская «Право и справедливость», испанский “Vox” («Голос»), «Шведские демократы»), вступить в этот альянс отказались.

В ответ на приостановление в марте 2019 г. фракцией Европейской народной партии членства «Фидес», обвинённой в «отступлении от демократических норм и ценностей единой политической семьи» [Европейская народная партия ...], сторонники В. Орбана решили добиваться восстановления полноправного участия своей партии в работе фракции и не вести переговоры с другими парламентскими группами. Интерес «Фидес» к фракции Европейской народной партии, самой многочисленной и влиятельной в европейском представительном органе, вполне объясним. Членство в ней позволяло избежать «санитарного кордона», установленного в отношении других правопопулистских парламентских групп. Внутрифракционное сотрудничество усиливало политический вес «Фидес», повышало результативность ее лоббистской деятельности и помогало продвигать политические инициативы.

«Право и справедливость», «Vox», а также «Шведские демократы» сохранили свое членство во фракции «Европейские консерваторы и реформисты». Руководство этих партий выразило категорическое несогласие с пророссийскими взглядами учредителей «Идентичности и демократии», а также с их подходами к таким вопросам, как выход из Евросоюза, меры по регулированию иммиграции и т. п.

Чувствительные расхождения во взглядах и оценках тех или иных

явлений не обошли стороной и саму фракцию «Идентичность и демократия». Так, в мае 2024 г. за две недели до выборов в Европарламент из нее была исключена партия «Альтернатива для Германии». Решение не было единогласным, против него, например, выступили депутаты от Австрийской партии свободы и Консервативной народной партии Эстонии. Основанием для исключения послужили заявления главы предвыборного списка «Альтернативы для Германии» М. Кра, утверждавшего, что не следует «автоматически зачислять в преступники любого, кто носил форму СС» [Цит. по: Всех представителей ...]. Инициатором разрыва с немецкими правыми популистами стала неформальная лидер фракции, бывший президент «Национального объединения» М. Ле Пен [Henley, Rankin, 2024]. Ценой значительных усилий она добилась «нормализации» своей партии и отказа от имиджа радикальной политической силы, поэтому опасалась, что любые ассоциации с экстремистскими высказываниями М. Кра и других ультраправых членов «Альтернативы для Германии» могут оттолкнуть умеренных избирателей во Франции и негативно отразиться на результатах голосования.

Конфликт между М. Ле Пен и руководством «Альтернативы для Германии» обострился в конце 2023 г. после обсуждения влиятельными членами партии планов массовой депортации из ФРГ лиц,

претендующих на получение статуса беженца [Connolly, 2024]. О том, что разрыв не был спонтанным решением и вызревал уже давно, М. Ле Пен рассказала в интервью газете Corriere Della Sera. По ее словам, «исключение не тактический ход, двигаться вперед вместе с “Альтернативой для Германии” было просто невозможно, и в определенный момент нужно сказать “стоп”» [Цит. по: Montefiori, 2024].

Этот скандал продемонстрировал другим участникам «Идентичности и демократии» хрупкость альянса, а М. Ле Пен потеряла важного партнера в деле консолидации правопопулистских сил в Европарламенте нового созыва. Именно поэтому ей потребовался новый влиятельный союзник, сотрудничество с которым позволило бы достичь главной тактической цели – объединить в парламентскую группу большую часть депутатов, представляющих правопопулистские партии. С этой целью в мае 2024 г. М. Ле Пен обратилась к лидеру партии «Братья Италии», главе правительства Итальянской Республики, Дж. Мелони, предложив ей вступить в политический альянс. «Сейчас самое время объединиться, – заявила М. Ле Пен в интервью газете Corriere Della Sera, – Если мы добьемся успеха в этом, станем второй группой в Европейском парламенте, нам не следует упускать такую возможность» [Цит. по: Montefiori, 2024]. В ходе европейской избирательной кампании Дж. Мелони неоднократно за-

являла о желании достичь коалиционного соглашения с «союзническими партиями, совместимыми друг с другом с идейной точки зрения» [Kington, 2024]. Исходя из данных опросов общественного мнения, «Братья Италии» могли рассчитывать более чем на двадцать мест в Европарламенте нового созыва [Skopeliti, 2024] – и это делало их привлекательным партнером для создания фракции.

В мае – июне 2024 г. среди правопопулистских партий активизировалось обсуждение контуров возможного альянса правых сил. Общее видение путей решения ряда актуальных проблем интеграционного процесса в Европе создало благоприятные условия для межпартийного сотрудничества. Совместными усилиями правые популисты готовы были противодействовать воплощению в жизнь программы «европейского строительства», предложенной президентом Франции Э. Макроном и направленной на дальнейшее укрепление наднациональных полномочий и даже суверенизацию Союза [Initiative pour l'Europe ...]. Правые популисты, потребовав серьезного ужесточения условий приема беженцев и иммигрантов, также подвергли критике «Пакт о предоставлении убежища и миграции», принятый Советом ЕС в мае 2024 г. Еще одним объектом критики со стороны правопопулистских партий стало «Зелёное соглашение» и экологическая политика Евросоюза в целом [Vohra, 2024].

Эти вопросы обсуждались 19 мая 2024 г. в Мадриде на межпартийном форуме, который временно являлся электоральным мероприятием в поддержку испанской партии “Vox”. Мысль о необходимости коалиционного партнерства правых сил красной нитью прошла через выступления участников форума – М. Ле Пен, В. Орбана, Дж. Мелони и других политиков [Heller, 2024; Morris, 2024].

Охарактеризовав избирательную кампанию в Европарламент как «великую общую битву», руководитель партии «Фидес» В. Орбан призвал единомышленников из правопопулистского лагеря «занять Брюссель» [Heller, 2024]. Еще в марте 2021 г. «Фидес» официально объявила о своем выходе из Европейской народной партии и ее фракции в Европарламенте. Решение было принято в ответ на угрозы полного исключения «Фидес» из Европейской народной партии. В течение оставшегося срока полномочий Европарламента девятого созыва партия В. Орбана не была связана каким-либо коалиционным соглашением и не входила ни в одну из парламентских групп, сохраняя свободу для политического маневрирования. В 2022 г., предвосхищая будущие переговоры о создании широкой межпартийной коалиции в Европарламенте нового созыва, евродепутаты от «Фидес», “Vox”, «Лиги», «Австрийской партии свободы», «Национального

объединения» и «Суверенной Польши» подписали соглашение о сотрудничестве [Гуселетов, 2023].

В мае 2024 г. перспективы создания такой коалиции В. Орбан связал с политическим союзом «Братьев Италии» и «Национального объединения». В интервью французскому еженедельнику “Le Point” он заявил: «Сегодня будущее европейского суверенного лагеря – как и правого в целом – находится в руках двух женщин. Все зависит от способности француженки М. Ле Пен и итальянки Дж. Мелони работать вместе. Если они смогут найти способ сотрудничать в рамках одной группировки или в коалиции друг с другом, они станут европейской силой» [Viktor Orban ...]. Объединенная правая фракция, по словам В. Орбана, получит возможность, численно превзойдя Европейскую народную партию, «трансформировать европейское политическое право» [Viktor Orban ...].

Несмотря на интерес национальных правопопулистских партий к политическому альянсу и созданию на его основе объединённой фракции в Европарламенте, объективные условия для этого не сложились. Ключевая проблема заключалась в наличии глубоких противоречий между партиями «Братья Италии» и «Национальное объединение», партнерство которых должно было стать политическим ядром предполагаемого альянса. Межпартийные разногласия

касаются таких вопросов, как финансовая поддержка Украины и поставки ей вооружений, санкционная политика в отношении России, необходимость опоры преимущественно на блок НАТО в обеспечении европейской и национальной безопасности, а также допустимый объем сотрудничества с правоцентристскими партиями в Европарламенте.

В целях расширения electoralной базы М. Ле Пен и Дж. Мелони осуществили «детоксикацию» своих партий, отказавшись от наиболее радикальных положений в программных документах и избавившись от ультраправых соратников. Однако в конечном итоге по степени умеренности и готовности стать «системной партией» «Братья Италии» существенно превосходили «Национальное объединение», которое по-прежнему воспринимается сторонниками и союзниками Дж. Мелони аналогично тому, как однопартийцы М. Ле Пен воспринимают «Альтернативу для Германии». Возможное партнерство с М. Ле Пен актуализировало угрозу выхода из возглавляемой Дж. Мелони фракции «Европейские консерваторы и реформисты» евродепутатов от умеренных правых партий.

На «Братьев Италии» неминуемо бы распространился «санитарный кордон», воздвигнутый право- и левоцентристскими фракциями в отношении праворадикальных групп. Эта политическая изоляция

нанесла бы итальянской партии серьезный ущерб. Возглавив в 2022 г. итальянское правительство, Дж. Мелони сумела наладить диалог с председателем Европейской комиссии У. фон дер Ляйен. В качестве условия сотрудничества Дж. Мелони согласилась не пересекать *три «красные линии», сформулированные главой Еврокомиссии*: оказывать поддержку Еврокомиссии, Украине и принципам верховенства закона как на европейском, так и на национальном уровне [Laurent, 2024]. «Я очень хорошо работала с Джорджи Мелони», — заявила У. фон дер Ляйен 23 мая 2024 г., предложив ей продолжить сотрудничество [The three women ...]. Такое предложение полностью исключало возможность партнерства «Братьев Италии» с «Национальным объединением». Понимая это, М. Ле Пен записала видеообращение, в котором потребовала от Дж. Мелони «сказать итальянцам правду» о том, поддержит ли она переизбрание У. фон дер Ляйен, которая «причиняет своей политикой столько страданий народам Европы» [Abboud, 2024].

В результате политический выбор Дж. Мелони был сделан не в пользу альянса с партиями, расположенными правее «Братьев Италии». 26 мая 2024 г. политик в интервью итальянскому телевидению объявила о том, что ее «главная цель — создать ... правоцентристское большинство, которое отпра-

вит левых в оппозицию» [Цит. по: Henley, 2024]. Эта конструкция предусматривала неприемлемое для лидеров «Идентичности и демократии» и лично М. Ле Пен продолжение сотрудничества «Европейских консерваторов и реформистов» с фракцией Европейской народной партии. Такое сотрудничество осуществлялось в формах совместных законодательных инициатив, блокового голосования, совместной поддержки кандидатов на руководящие должности Евросоюза и т. д. Одним из его условий являлась поддержка У. фон дер Ляйен, которую Европейская народная партия вновь выдвинула на должность главы Еврокомиссии [Урсулу фон дер Ляйен ...]. М. Ле Пен ранее заявившая, что будет «бороться всеми силами, чтобы не допустить второго мандата фон дер Ляйен» [Цит. по: Zindulka, 2024], подвергла позицию главы «Европейских консерваторов и реформистов» жесткой критике. 27 июня 2024 г. решение о продолжении фракционного партнерства с «Братями Италии» приняла польская партия «Право и справедливость» [Barnóczy, 2024], что окончательно разрушило объединительные планы М. Ле Пен.

6–9 июня 2024 г. состоялись выборы в Европейский парламент. Их результаты отразили изменение политического климата во многих странах ЕС, где правые популисты становятся все более серьезной силой, успешно конкурируя с правыми и особенно левоцентристскими и

зелеными партиями, теряющими голоса избирателей [Крапивницкая, 2024]. Предшествовавшие выборам консультации показали, что правопопулистский лагерь остается фрагментированным: ни один проект по консолидации евродепутатов в единую фракцию так и не был реализован. Группа «Идентичность и демократия» была ослаблена исключением «Альтернативы для Германии» и раскола: Австрийская партия свободы объявила о поиске новых партнеров. Группа «Европейские консерваторы и реформисты» сохранила своё партийное ядро, образованное «Братями Италии» (24 депутата) и «Правом и справедливостью» (20 депутатов). Однако она не смогла привлечь новых влиятельных участников с весомым представительством в Европарламенте и стать, как планировала Дж. Мелони, фракцией правопопулистского большинства.

«Альтернатива для Германии» (14 депутатов), объявившая после исключения из «Идентичности и демократии» о желании создать «свою» фракцию [Skujins, 2024], вступила в альянс с правопопулистскими партиями из семи стран. Пять из них имели по одному представителю в Европарламенте. Объединив 25 депутатов, фракция «Европа суверенных наций» с трудом преодолела необходимый для формирования парламентской группы барьер (минимум 23 члена, представляющих не менее 7 государств-членов) и стала самой малочислен-

ной в европейском представительном органе [Seats by ...].

В условиях партийной перегруппировки в Европарламенте лидерские амбиции проявил глава партии «Фидес» В. Орбан, выступивший вдохновителем и инициатором создания нового межпартийного альянса. В ходе визита в Австрию, предваряющего председательство Венгрии в Совете Европейского союза, он провел переговоры о коалиционном соглашении с председателем Австрийской партии свободы Г. Киклем и председателем партии АНО (Акция недовольных граждан), бывшим премьер-министром Чехии А. Бабишем. 30 июня 2024 г. состоялось подписание учредительного соглашения альянса «Патриоты за Европу», объединившего 23 евродепутата. «Начинается новая эра, – заявил В. Орбан на брифинге в Вене, – политическое формирование, которое мы сегодня создаем, будет успешным и очень быстро станет крупнейшей фракцией европейских правых» [Цит. по: Barnóczki, 2024]. Заявив о его открытости для присоединения новых политических сил, председатель партии АНО и бывший премьер-министр Чехии А. Бабиш в числе приоритетных направлений сотрудничества назвал защиту национального суверенитета, борьбу с нелегальной иммиграцией и пересмотр «Зелёного соглашения ЕС» [Barnóczki, 2024]. В ходе брифинга для журналистов лидеры партий-учредителей

альянса представили программный документ – Манифест, – в котором констатировалось наличие новой линии политического разлома, пришедшей на смену традиционному «разделению политических сил на консерваторов и либералов или правых и левых» [Our political programme ...]. Авторы манифеста заявили о неустрашимых разногласиях и даже антагонизме между центристами – сторонниками европейского сверхгосударства – и патриотами-суверенистами, борющимися за «сохранение и укрепление Европы Наций» [Our political programme ...].

Претендуя на роль самой крупной и влиятельной правой фракции в Европарламенте, «Патриоты» нуждались в новых партнерах. По этому поводу Г. Кикль сделал специальное заявление, призвав выступать в новую фракцию все политические силы, разделяющие принципы Манифеста [Jenne, 2024]. В первую очередь, призыв председателя Австрийской народной партии был обращен к парламентской группе «Идентичность и демократия», будущее которой оставалось неопределенным. В течение недели после обращения Г. Кикля большинство уже бывших ее участников вошли в новую фракцию «Патриоты за Европу». Кроме самой Австрийской народной партии, это были Нидерландская партия свободы (6 депутатов), «Лига» (8 депутатов), «Фламандский интерес» (3 депутата), Датская народная пар-

тия (1 депутат) и, наконец, «Национальное объединение» (30 депутатов) [MEPs by Member ...]. Партия М. Ле Пен вошла во фракцию «Патриоты» 8 июля после поражения во втором туре внеочередных парламентских выборов во Франции и фактического распада альянса «Идентичность и демократия».

В ходе партийной перегруппировки фракционную принадлежность сменила испанская партия “Vox” (6 депутатов), вышедшая из фракции «Европейские консерваторы и реформисты» и примкнувшая к «Патриотам». Их ряды также пополнились депутатами от партий, ранее не имевших представительства в Европарламенте: греческой партии «Голос разума» (1 депутат), партии «Латвия на первом месте» (1 депутат), португальской партии “Chega” («Хватит!», 1 депутат), чешской партии “PŘISAHÁ” («Присяга», 1 депутат) [MEPs by Member ...].

Таким образом, фракция «Патриоты за Европу» объединила 86 депутатов, представляющих 15 национальных правопопулистских партий из 13 стран ЕС. Ее председателем стал президент «Национального объединения» Ж. Барделла, поскольку тридцать его однопартийцев составили самую многочисленную депутатскую группу во фракции.

Заключение

Результаты партийной перегруппировки правых популистов в Европарламенте в 2024 г. оказались

весьма противоречивыми. Несмотря на укрепление электоральной базы и увеличение числа мандатов, они не стали ведущей политической силой в парламенте ЕС, и их влияние на политические процессы в объединенной Европе остается ограниченным. Процесс трансформации партийных групп завершился формированием трех правопопулистских фракций: «Патриоты за Европу» (86 депутатов), «Европейские консерваторы и реформисты» (80 депутатов) и «Европа суверенных наций» (25 депутатов). Это еще больше раскололо правый лагерь. Только фракция Дж. Мелони смогла преодолеть так называемый «санитарный кордон», в то время как две другие группы остались политически изолированным центристским большинством. Их представители не смогли возглавить ни один из парламентских комитетов и занять выборные руководящие должности этого представительного органа. «Те, кто против европейского проекта, не могут представлять парламент», – заявил лидер Европейской народной партии М. Вебер [Цит. по: De La Feld, 2024].

С другой стороны, фракция «Патриоты за Европу» стала третьей по числу членов парламентской группой после Европейской народной партии (188 депутатов) и Прогрессивного альянса социалистов и демократов (136 депутатов), а также крупнейшим праворадикальным блоком в истории Европарламента. Несмотря на «санитарный кордон»,

«Патриоты» являются влиятельной политической силой, опирающейся на поддержку миллионов европейских избирателей. Ограничения, наложенные на фракцию, «Патриоты» используют для критики центристских и левых политических партий, обвиняя их в недостатке демократии и стремлении к монополизации власти.

Перегруппировка в лагере правых популистов, завершившаяся образованием группы «Патриоты за Европу», стала очередным, но важным шагом на пути их дальнейшей политической консолидации. Эти задачи, в частности, были озвучены В. Орбаном, который заявил о необходимости устойчивого сотрудничества с «Европейскими консерваторами и реформистами» и на этой основе последующего объединения фракций [Орбан раскрыл ...].

Среди условий, способствующих сотрудничеству правых популистов в Европейском парламенте, можно выделить следующее. *Во-первых*, объединение в крупную фракцию дает возможность партийным лидерам эффективнее координировать

действия, продвигать общие инициативы и влиять на принятие решений в Европарламенте. *Во-вторых*, в подходах к решению приоритетных для правопопулистских партий проблем был достигнут определенный консенсус. Так, близость их идейных позиций нашла отражение в «Декларации о будущем Европы», подписанной в 2021 г. шестнадцатью национальными правопопулистскими партиями [Die Déclaration ...]. В конце 2010-х гг. ряд влиятельных партий, таких, как французское «Национальное объединение» и «Шведские демократы», отказался от требований выхода из ЕС [Чихачев, 2021, с. 85]. По мере смягчения разногласий по данному вопросу разрешилось важное препятствие для межпартийного сотрудничества. *В-третьих*, по мере обострения идейного противостояния и усиления конкуренции за избирателей, правопопулистским партиям становится труднее находить союзников среди других политических лагерей, поэтому они вынуждены искать партнеров внутри своего собственного лагеря.

Библиографический список

1. Всех представителей Альтернативы для Германии исключили из правой фракции в Европарламенте : Информационное агентство ТАСС. [2024]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20886733> (дата обращения: 24.12.2024).
2. Гуселетов Б. П. Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 г. // Современная Европа. 2023. № 4 (120). С. 38–60. <https://doi.org/10.31857/S0201708324030069>.
3. Дюверже М. Политические партии. Москва : Академ. проект, 2002. 558 с.
4. Европейская народная партия приостановила членство «Фидес» Орбана : РИА Новости. [2019]. URL: <https://ria.ru/20190320/1551972532.html> (дата обращения: 10.11.2024).

5. Крапивницкая Е. Выборы в европарламент 2024: успех ультраправых и усиление центристов // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2024. № 73 (89). С. 25–36.
6. Мельникова И. В. Эволюция сотрудничества крайне правых политических партий в Европейском парламенте (1979–2014) / И. В. Мельникова, А. Д. Парфенов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 4 (44). С. 110–115. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11 (4).110-115.
7. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / пер. с англ. А. Архиповой. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2018. 135 с.
8. Осколков П. В. Правый популизм в Европейском союзе. Москва : Ин-т Европы РАН, 2019. 164 с.
9. Орбан раскрыл план создания крупнейшей партии в Европарламенте : РИА Новости. [2024]. URL: <https://ria.ru/20241221/orban-1990628161.html> (дата обращения: 09.11.2024).
10. Урсулу фон дер Ляйен выдвинули на переизбрание главой Еврокомиссии : Информационное агентство РБК. [2024]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/03/2024/65e8611e9a79479fcf0e6c3b> (дата обращения: 08.11.2024).
11. Чихачев А. Ю. Фактор пандемии и внутривнутриполитическая ситуация во Франции накануне выборов 2022 г. // Современная Европа. 2021. № 5 (105). С. 79–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520217989>.
12. Abboud L. Meloni and Le Pen : the relationship at the heart of European politics : The Financial Times. [2024]. URL: <https://www.ft.com/content/21d1e0a4-ba03-4080-b9d7-8f12435cbdde> (дата обращения: 15.12.2024).
13. Axelrod R. Conflict of Interest : A theory of divergent goals with applications to politics. Chicago : Markham P.C., 1970. 216 p.
14. Balas P. The far-right in the European Parliament. Focus on the current legislature: 2019-2022 : Transform Europe! EPaper. [2023]. URL: https://www.transform-network.net/wp-content/uploads/2023/05/the_far-right_in_the_ep.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
15. Barnóczy B. Orbán: We are creating a political formation that will very quickly become the biggest faction of the European right : Hírportál Telex. [2024]. URL: <https://telex.hu/english/2024/07/01/orban-we-are-creating-a-political-formation-that-will-be-successful-and-will-very-quickly-become-the-biggest-faction-of-the-european-right> (дата обращения: 10.11.2024).
16. Casert R. French right-winger Le Pen wants Italy's Salvini to form populist EU group : The Irish Independent. [2019]. URL: <https://www.independent.ie/world-news/french-rightwinger-le-pen-wantsitalys-salvini-to-form-populist-eu-group-38017929.html> (дата обращения: 07.12.2024).
17. Coalitional behavior in theory and practice : An inductive model for Western Europe / Ed. by G. Pridham. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 308 p.
18. Connolly K. Turmoil in Germany over neo-Nazi mass deportation meeting : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/19/turmoil-in-germany-over-neo-nazi-mass-deportation-meeting-explained> (дата обращения: 10.11.2024).

19. De La Baume M. Salvini aims high with populist alliance for Europe : Politico. [2019]. URL: <https://www.politico.eu/article/salvini-aims-high-with-populist-alliance-for-europe> (дата обращения: 10.11.2024).

20. De La Feld S. Cordon sanitaire against Orbán, Patriots to get no posts in the European Parliament : European News. [2024]. URL: <https://www.eunews.it/en/2024/07/09/cordon-sanitaire-against-orban-patriots-to-get-no-posts-in-the-european-parliament/> (дата обращения: 10.11.2024).

21. Die Déclaration sur l'avenir de l'Europe (2 Juli 2021) : Themenportal Europäische Geschichte. URL: <https://www.europa.clio-online.de/quelle/id/q63-76037> (дата обращения: 09.11.2024).

22. Guisan C. Right-Wing populism and the European Parliament's agonistic politics // Populism. 2022. Vol. 5. Issue 1. P. 48–71. DOI: <https://doi.org/10.1163/25888072-bja10032>.

23. Heller F. Meloni, Orbán, Le Pen back Spanish far right in «battle against Brussels»: Euractiv. [2024]. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/meloni-orban-le-pen-back-spanish-far-right-in-battle-against-brussels/> (дата обращения: 08.11.2024).

24. Henley J. Le Pen invites Meloni to form «super-group» in European parliament : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/may/27/marine-le-pen-giorgia-meloni-nationalist-alliance-european-parliament> (дата обращения: 12.10.2024).

25. Henley J., Rankin J. EU's far-right parties expel Germany's AfD from their group : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/may/23/eus-far-right-parties-expel-germanys-afd-from-their-group> (дата обращения: 10.11.2024).

26. Initiative pour l'Europe - Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. Publié le 26 septembre 2017 : site de l'Elysée. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (дата обращения: 08.11.2024).

27. Jenne Ph. Hungary's Orbán presents a new alliance with Austrian and Czech nationalist parties : The Associated Press. [2024]. URL: <https://apnews.com/article/austria-hungary-czech-nationalists-alliance-fba8de25dec733b696d0d4a255a30183> (дата обращения: 07.12.2024).

28. Kington T. Giorgia Meloni sets sights on becoming queen of Europe's rightwingers : The Times. [2024]. URL: <https://www.thetimes.com/world/europe/article/giorgia-meloni-anoints-herself-leader-hard-right-europe-9nstvhjwx> (дата обращения: 09.11.2024).

29. Kreppel A. The European Parliament and supranational party system. A study in institutional development. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 255 p.

30. Laurent L. Meloni and Le Pen are Europe's far-right odd couple : Bloomberg News. [2024]. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-05-29/meloni-and-le-pen-are-europe-s-far-right-odd-couple> (дата обращения: 07.12.2024).

31. MEPs by Member State and political group : Web site of the European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/meps/en/search/table> (дата обращения: 10.11.2024).

32. Montefiori S. Ora Marine Le Pen «chiama» Giorgia Meloni : «Unirsi, occasione imperdibile» : Corriere Della Sera. [2024]. URL: https://www.corriere.it/politica/24_maggio_25/marine-le-pen-giorgia-meloni-europee-7cd8920f-124d-4b72-956f-cc7a4a836x1k_amp.shtml (дата обращения: 09.11.2024).
33. Morris S. Spain's far-right Vox holds mass rally with Argentina's Milei, France's Le Pen : France24. [2024]. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20240519-spain-s-far-right-vox-holds-mass-rally-with-argentina-s-milei-france-s-le-pen> (дата обращения: 08.11.2024).
34. Our political programme – Manifesto : Patriots Party website. [2024]. URL: <https://patriots.eu/manifesto> (дата обращения: 25.12.2024).
35. Mudde C. Populist radical right parties in Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 385 p.
36. Raunio T. The european perspective : transnational party groups in the 1989-1994 European Parliament. Dartmouth : Dartmouth Pub Co, 1997. 212 p.
37. Riker W. The theory of political coalitions. New Haven : Yale University Press, 1962. 300 p.
38. Seats by political group and country 2014–2019 : Web site of the European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/seats-political-group-country/2014-2019/outgoing-parliament/> (дата обращения: 14.09.2024).
39. Seats by political group and country 2024–2029 : Web site of the European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/seats-political-group-country/2024-2029/> (дата обращения: 10.11.2024).
40. Skujins A. Germany's far-right AfD party expelled from European Parliament group : Euronews. [2024]. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2024/05/23/european-parliaments-id-party-requests-to-expel-far-right-afd> (дата обращения: 15.12.2024).
41. Skopeliti C. Giorgia Meloni could be EU kingmaker as Italy goes to polls : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jun/08/giorgia-meloni-eu-kingmaker-italy-europe-elections-far-right> (дата обращения: 09.11.2024).
42. The three women who will shape Europe : The Economist. [2024]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/05/30/the-three-women-who-will-shape-europe> (дата обращения: 10.11.2024).
43. Viktor Orban : «Les européennes décideront de la guerre ou de la paix». Intretien exclusive : Le Point. [2024]. URL: https://www.lepoint.fr/politique/europeennes-2024-viktor-orban-estime-que-le-scrutin-decidera-de-la-guerre-ou-de-la-paix-29-05-2024-2561516_20.php#xtmc=entretien-avec-viktor-orban&xtnp=1&xtcr=1 (дата обращения: 12.10.2024).
44. Vohra A. A far-right takeover of Europe is underway : Foreign Policy. [2024]. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/03/13/eu-parliament-elections-populism-far-right/> (дата обращения: 08.11.2024).
45. Zindulka K. Le Pen calls out Meloni, Demands Italian PM disclose if she will support EU chief Von Der Leyen for second term: Breitbart News. [2024]. URL: <https://www.breitbart.com/europe/2024/03/23/le-pen-calls-out-meloni-demands-italian-pm-disclose-if-she-will-support-eu-chief-von-der-leyen/> (дата обращения: 08.11.2024).

Reference list

1. Vseh predstavitelej Al'ternativy dlja Germanii iskljuchili iz pravoj frakcii v Evro-parlamente : Informacionnoe agentstvo TASS = All representatives of the Alternative for Germany were expelled from the right faction in the European Parliament: TASS News Agency [2024]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20886733> (data obrashhenija: 24.12.2024).
2. Guseletov B. P. Pravoradikal'nye obshheevropejskie partii nakanune obshheevropejskih vyborov 2024 g. = Right-wing radical pan-European parties on the eve of the pan-European elections in 2024// *Sovremennaja Evropa*. 2023. № 4 (120). S. 38–60. <https://doi.org/10.31857/S0201708324030069>.
3. Djuverzhe M. Politicheskie partii = Political parties. Moskva : Akadem. proekt, 2002. 558 s.
4. Evropejskaja narodnaja partija priostanovila chlenstvo «Fides» Orbana : RIA Novosti = European People's Party suspended Fidesz Orban's membership: RIA Novosti. [2019]. URL: <https://ria.ru/20190320/1551972532.html> (data obrashhenija: 10.11.2024).
5. Krapivnickaja E. Vyborny v evroparlament 2024: uspeh ul'trapravych i usilenie centristov = European parliament elections 2024: far-right gains, centrists strengthen // *Evropejskaja bezopasnost': sobytija, ocenki, prognozy*. 2024. № 73 (89). S. 25–36.
6. Mel'nikova I. V. Jevoljucija sotrudnichestva krajne pravych politicheskij partij v Evropejskom parlamente (1979–2014) = Evolution of cooperation of far-right political parties in the European Parliament (1979–2014) / I. V. Mel'nikova, A. D. Parfenov // *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*. 2024. T. 11, № 4 (44). S. 110–115. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11 (4).110-115.
7. Mjuller Ja.-V. Chto takoe populizm? = What is populism? / per. s angl. A. Arhipovoj. Moskva : Izdat. dom Vyssh. shk. jekonomiki, 2018. 135 s.
8. Oskolkov P. V. Pravyy populizm v Evropejskom sojuze = Right-wing populism in the European Union Moskva : In-t Evropy RAN, 2019. 164 s.
9. Orban raskryl plan sozdaniya krupnejšej partii v Evroparlamente : RIA Novosti = Orban revealed a plan to create the largest party in the European Parliament: RIA Novosti. [2024]. URL: <https://ria.ru/20241221/orban-1990628161.html> (data obrashhenija: 09.11.2024).
10. Ursulu fon der Ljajen vydvinuli na pereizbranie glavov Evrokomissii : Informacionnoe agentstvo RBK = Ursula von der Leyen was nominated for re-election as head of the European Commission: RBC News Agency. [2024]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/03/2024/65e8611e9a79479f9cf0e6c3b> (data obrashhenija: 08.11.2024).
11. Chihachev A. Ju. Faktor pandemii i vnutripoliticheskaja situacija vo Francii nakanune vyborov 2022 g. = Pandemic factor and internal political situation in France on the eve of the 2022 elections// *Sovremennaja Evropa*. 2021. № 5 (105). S. 79–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520217989>.
12. Abboud L. Meloni and Le Pen : the relationship at the heart of European politics : The Financial Times. [2024]. URL: <https://www.ft.com/content/21d1e0a4-ba03-4080-b9d7-8f12435cbdde> (data obrashhenija: 15.12.2024).

13. Axelrod R. Conflict of Interest : A theory of divergent goals with applications to politics. Chicago : Markham P.C., 1970. 216 p.

14. Balas P. The far-right in the European Parliament. Focus on the current legislature: 2019-2022 : Transform Europe! EPaper. [2023]. URL: https://www.transform-network.net/wp-content/uploads/2023/05/the_far-right_in_the_ep.pdf (data obrashhenija: 10.11.2024).

15. Barnóczy B. Orbán: We are creating a political formation that will very quickly become the biggest faction of the European right : Hírportál Telex. [2024]. URL: <https://telex.hu/english/2024/07/01/orban-we-are-creating-a-political-formation-that-will-be-successful-and-will-very-quickly-become-the-biggest-faction-of-the-european-right> (data obrashhenija: 10.11.2024).

16. Casert R. French right-winger Le Pen wants Italy's Salvini to form populist EU group : The Irish Independent. [2019]. URL: <https://www.independent.ie/world-news/french-rightwinger-le-pen-wantsitalys-salvini-to-form-populist-eu-group-38017929.html> (data obrashhenija: 07.12.2024).

17. Coalitional behavior in theory and practice : An inductive model for Western Europe / Ed. by G. Pridham. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 308 p.

18. Connolly K. Turmoil in Germany over neo-Nazi mass deportation meeting : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/19/turmoil-in-germany-over-neo-nazi-mass-deportation-meeting-explained> (data obrashhenija: 10.11.2024).

19. De La Baume M. Salvini aims high with populist alliance for Europe : Politico. [2019]. URL: <https://www.politico.eu/article/salvini-aims-high-with-populist-alliance-for-europe> (data obrashhenija: 10.11.2024).

20. De La Feld S. Cordon sanitaire against Orbán, Patriots to get no posts in the European Parliament : European News. [2024]. URL: <https://www.eunews.it/en/2024/07/09/cordon-sanitaire-against-orban-patriots-to-get-no-posts-in-the-european-parliament/> (data obrashhenija: 10.11.2024).

21. Die Déclaration sur l'avenir de l'Europe (2 Juli 2021) : Themenportal Europäische Geschichte. URL: <https://www.europa.clio-online.de/quelle/id/q63-76037> (data obrashhenija: 09.11.2024).

22. Guisan C. Right-Wing populism and the European Parliament's agonistic politics // Populism. 2022. Vol. 5. Issue 1. P. 48–71. DOI: <https://doi.org/10.1163/25888072-bja10032>.

23. Heller F. Meloni, Orbán, Le Pen back Spanish far right in «battle against Brussels»: Euractiv. [2024]. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/meloni-orban-le-pen-back-spanish-far-right-in-battle-against-brussels/> (data obrashhenija: 08.11.2024).

24. Henley J. Le Pen invites Meloni to form «super-group» in European parliament : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/may/27/marine-le-pen-giorgia-meloni-nationalist-alliance-european-parliament> (data obrashhenija: 12.10.2024).

25. Henley J., Rankin J. EU's far-right parties expel Germany's AfD from their group : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/may/23/eus-far-right-parties-expel-germanys-afd-from-their-group> (data obrashhenija: 10.11.2024).

26. Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. Publié le 26 septembre 2017 : site de l'Elysée. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (data obrashhenija: 08.11.2024).
27. Jenne Ph. Hungary's Orbán presents a new alliance with Austrian and Czech nationalist parties : The Associated Press. [2024]. URL: <https://apnews.com/article/austria-hungary-czech-nationalists-alliance-fba8de25dee733b696d0d4a255a30183> (data obrashhenija: 07.12.2024).
28. Kington T. Giorgia Meloni sets sights on becoming queen of Europe's rightwingers : The Times. [2024]. URL: <https://www.thetimes.com/world/europe/article/giorgia-meloni-anoints-herself-leader-hard-right-europe-9nstvhjwx> (data obrashhenija: 09.11.2024).
29. Kreppel A. The European Parliament and supranational party system. A study in institutional development. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 255 p.
30. Laurent L. Meloni and Le Pen are Europe's far-right odd couple : Bloomberg News. [2024]. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-05-29/meloni-and-le-pen-are-europe-s-far-right-odd-couple> (data obrashhenija: 07.12.2024).
31. MEPs by Member State and political group : Web site of the European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/meps/en/search/table> (data obrashhenija: 10.11.2024).
32. Montefiori S. Ora Marine Le Pen «chiama» Giorgia Meloni : «Unirsi, occasione imperdibile» : Sorriere Della Sera. [2024]. URL: https://www.corriere.it/politica/24_maggio_25/marine-le-pen-giorgia-meloni-europee-7cd8920f-124d-4b72-956f-cc7a4a836xlk_amp.shtml (data obrashhenija: 09.11.2024).
33. Morris S. Spain's far-right Vox holds mass rally with Argentina's Milei, France's Le Pen : France24. [2024]. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20240519-spain-s-far-right-vox-holds-mass-rally-with-argentina-s-milei-france-s-le-pen> (data obrashhenija: 08.11.2024).
34. Our political programme – Manifesto : Patriots Party website. [2024]. URL: <https://patriots.eu/manifesto> (data obrashhenija: 25.12.2024).
35. Mudde C. Populist radical right parties in Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 385 p.
36. Raunio T. The european perspective : transnational party groups in the 1989-1994 European Parliament. Dartmouth : Dartmouth Pub Co, 1997. 212 p.
37. Riker W. The theory of political coalitions. New Haven : Yale University Press, 1962. 300 p.
38. Seats by political group and country 2014–2019 : Web site of the European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/seats-political-group-country/2014-2019/outgoing-parliament/> (data obrashhenija: 14.09.2024).
39. Seats by political group and country 2024–2029 : Web site of the European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/seats-political-group-country/2024-2029/> (data obrashhenija: 10.11.2024).
40. Skujins A. Germany's far-right AfD party expelled from European Parliament group : Euronews. [2024]. URL: <https://www.euronews.com/my->

europe/2024/05/23/european-parliaments-id-party-requests-to-expel-far-right-afd (data obrashhenija: 15.12.2024).

41. Skopeliti C. Giorgia Meloni could be EU kingmaker as Italy goes to polls : The Guardian. [2024]. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jun/08/giorgia-meloni-eu-kingmaker-italy-europe-elections-far-right> (data obrashhenija: 09.11.2024).

42. The three women who will shape Europe : The Economist. [2024]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/05/30/the-three-women-who-will-shape-europe> (data obrashhenija: 10.11.2024).

43. Viktor Orban : «Les européennes décideront de la guerre ou de la paix». Intretien exclusive : Le Point. [2024]. URL: https://www.lepoint.fr/politique/europeennes-2024-viktor-orban-estime-que-le-scrutin-decidera-de-la-guerre-ou-de-la-paix-29-05-2024-2561516_20.php#xtmc=entretien-avec-viktor-orban&xtnp=1&xtcr=1 (data obrashhenija: 12.10.2024).

44. Vohra A. A far-right takeover of Europe is underway : Foreign Policy. [2024]. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/03/13/eu-parliament-elections-populism-far-right/> (data obrashhenija: 08.11.2024).

45. Zindulka K. Le Pen calls out Meloni, Demands Italian PM disclose if she will support EU chief Von Der Leyen for second term: Breitbart News. [2024]. URL: <https://www.breitbart.com/europe/2024/03/23/le-pen-calls-out-meloni-demands-italian-pm-disclose-if-she-will-support-eu-chief-von-der-leyen/> (data obrashhenija: 08.11.2024).

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Научная статья

УДК 94.410+94.47+32.019.5+726.82.025

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-94

EDN: HRJKMS

Организация ухода за британскими воинскими некрополями периода Крымской войны в Севастополе (1854–1884 гг.)

Екатерина Сергеевна Малиновская

Заведующий отделом «История Крымской войны 1853–1856 гг.», Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя, г. Севастополь
ekaterina.m-15@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0631-1086>

Аннотация. В рамках исследования, основанного на материалах британских источников и историографии, прослеживаются основные этапы ухода за воинскими кладбищами, оформления системы управления кладбищами и контроля их состояния. Рассматривается взаимодействие правительственных ведомств Великобритании: Министерства иностранных дел, Военного министерства, Управления строительства, Казны и Парламента (Палаты общин и Палаты лордов) по вопросу сохранения воинских кладбищ под Севастополем.

Склонность британского правительства к бездействию, минимальному вложению средств при формальном порицании ситуации была противоположна стремлению общества оказать должное внимание могилам павших за интересы нации. Решение проблемы благоустройства воинских захоронений павших под Севастополем другими странами-участницами конфликта – Россией, Францией, Италией – обостряло чувство национального стыда всех представителей британской общественности: туристов – очевидцев упадка кладбищ в Севастополе; чиновников, присланных с ревизиями и предлагающих реальные меры решения проблемы; наследника престола со свитой; читателя заметок о состоянии кладбищ, которым мог стать любой грамотный житель империи даже в отдаленных ее частях и доминионах; безутешной матери, вдовы или ребенка, лишенных возможности посетить далекую могилу родственника.

Проблема сохранности и ухода за кладбищами, нерешаемая полумерами правительства, была решена общественным органом – Комитетом Принца Уэльского, от лица которого, фактически руководя работами, действовал ветеран Крымской войны – последний Главнокомандующий британской армии в Крыму генерал Кодрингтон.

Объединение кладбищ, произведенное на средства, собранные Комитетом в виде добровольных пожертвований, содействовало упрощению механизма государствен-

ного ухода за памятниками павшим воинам, формированию восприятия военных кладбищ, как национальных мест памяти, появлению особого порядка коммеморации жертв войн, практикуемого в Великобритании и в настоящее время.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 гг.; воинские захоронения; кладбища; мемориализация; места памяти; увековечивание памяти; Каткартов холм

Для цитирования: Малиновская Е. С. Организация ухода за британскими воинскими некрополями периода Крымской войны в Севастополе (1854–1884 гг.) // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 94–110. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-94>. <https://elibrary.ru/HRJKMS>.

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Original article

Organisation of care for british military cemeteries from the Crimean war in Sevastopol (1854–1884)

Ekaterina S. Malinovskaya

Head of department “History of the Crimean War of 1853-1856”, Museum-reserve of the heroic defense and liberation of Sevastopol, Sevastopol
ekaterina.m-15@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0631-1086>

Abstract. Within the study, based on british primary and secondary sources, without the description of the history of the Crimean War british military cemeteries in the vicinities of Sevastopol, there are traced the main stages of the care of military cemeteries, the design of the cemetery management system, and the control of their state. The interaction of the British Government departments: the Foreign Office, the War Office, the Office of Works, the Treasury, and the Parliament (both the House of Commons and the House of Lords) on the issue of preserving military cemeteries near Sevastopol is considered.

The British Government's tendency to inaction and minimization of the investment while formally condemning the situation was the opposite of the desire of the Society to pay proper attention to the graves of those who fell for the interests of the Nation. Solvation of the problem of preserving the military graves near Sevastopol by other countries that participated in the conflict (Russia, France, Italy) exacerbated the sense of national shame of all kinds of British public: tourists who had witnessed the decline of cemeteries in Sevastopol; officials who were sent with audits and proposed real solutions to the problem; the Heir of the Throne with an entourage, a newspaper notes reader, who was any literate inhabitant of the Empire, living even in the remote part or dominion that read on the state of cemeteries; a grieving mother, widow, or child who is unable to visit a distant relative's grave.

The problem of the preservation and care of cemeteries unsolved by the Government's half-measures was solved by a Public body, the Prince of Wales Committee, ruled by the Crimean War veteran, the last Commander-in-Chief of the British Army in Crimea, General Codrington.

The unification of cemeteries carried out with funds raised by the Prince of Wales Committee as voluntary donations, simplified the mechanism of government-paid care

for monuments to fallen soldiers, helped to form the perception of military cemeteries as national places of remembrance, and created a special order for Commemoration of War dead, which is still practiced in the UK today.

Key words: Crimean War 1853–1856; military graves; cemeteries; memorialization; places of remembrance; perpetuation of memory; Cathcart's Hill

For citation: Malinovskaya E. S. Organisation of care for british military cemeteries from the Crimean War in Sevastopol (1854–1884). *Social and political researches*. 2025;2(27): 94–110. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-94>. <https://elibrary.ru/HRJKMS>.

Введение

Воинские захоронения Первой мировой войны в Британской империи приобрели статус мест памяти, стали частью национального достояния, индикатором патриотических настроений общества. Эта веха в трансформации общественного восприятия воинских захоронений наиболее широко рассматривается исследователями. В поиске истоков подходов, выработанных во время и после Великой войны, авторы обращаются к опыту XIX столетия, преимущественно, к практикам воинских захоронений эпохи Наполеоновских войн.

Оставляя за рамками исследованный период Крымской войны и организацию системы воинских захоронений союзников под Севастополем, недостаточно глубоко исследуя подходы, выработанные правительствами стран бывшего Альянса в 1860–1880-х гг., исследователи теряют логику и последовательность повествования, упускают значительный этап эволюции общественного мнения по вопросу воинских захоронений, соответствующий второй половине XIX в.

Постановка проблемы

Крымская война стала единственной, имевшей общеевропейский характер между Версальским миром и выстрелом в Сараево. Мнение общества о жертвах войны формировали средства массовой информации, а ускорение темпов ее передачи сделали сопричастными к войне не только военнослужащих, находившихся на театре военных действий, но и всех, кто мог получать об этом информацию со страниц газет.

Генералы и политики, ранее имевшие первенство в формировании представлений о войне в обществе, были вынуждены потесниться: голос «снизу», усиливаемый газетами, становился все громче. Рост грамотности дал возможность высказаться простым офицерам и солдатам, которые посредством писем близким, публикаций заметок и мемуаров посвящали массы в будни войны [Berridge, 2015].

Значительное место в повседневности 349-дневной осады и траншейной войны на близких расстояниях составляла смерть. О масштабе смертности свидетельствуют потери, понесенные в ходе

войны на Крымском полуострове (до 309 тысяч человек), и наличие после отбытия союзников в окрестностях Севастополя 168 кладбищ бывших противников. На землях Севастопольского военного порта располагались 112 иностранных кладбищ, 52 кладбища находились на землях Балаклавского греческого батальона, остальные захоронения оказались на территориях частных земельных владений. Подавляющее большинство – 130 кладбищ – составили места захоронений британских военнослужащих [Орлов, 2002, с. 113].

Без определения цели проследить историю английских воинских захоронений периода Крымской войны в Севастополе, автор рассматривает процесс институционализации ухода за кладбищами от момента их появления до объединения в единый мемориальный комплекс на Каткартовом холме в 1884 г.

Фокус исследования направлен на процесс трансформации организации ухода за британскими воинскими захоронениями в Севастополе во второй половине 1850-х – первой половине 1880-х гг. в зависимости от решений правительства и реакции общества на неразрешенность проблемы охраны и содержания кладбищ.

Актуальность исследования обоснована тем, что после разрушения британского воинского кладбища в годы Великой Отечественной войны, последовали неудачные попытки возобновления мемориального комплекса в 1990-х–2000-х гг. Своего

кладбища воинов, павших в Крыму в 1854–1856 гг., Великобритания в Севастополе не имеет. Город непрерывно растет, занимая территории, где располагались лагеря союзников и их захоронения. В окрестностях и в городской черте Севастополя во время строительных, археологических и поисковых работ регулярно обнаруживаются захоронения периода Крымской войны. Если Франция, Италия и Россия перенесли большинство останков павших с многочисленных кладбищ на территории единых некрополей во второй половине XIX в., а мемориальные комплексы этих стран существуют и могут быть использованы для перезахоронения костных останков, то перезахоронения британских воинов произведены не были. Существующий мемориальный комплекс у пос. Дергачи носит символический характер: не имеет захоронений (современный обелиск, два перенесенных фрагментированных надгробных камня), удален от территории исторического некрополя и не позволяет перезахоранивать вновь обнаруженные останки британских военнослужащих.

В Великобритании в 2013 г. инициативной группой историков и военных были собраны средства для возобновления и благоустройства некрополя, но реализация проекта была остановлена наложением санкций на регион после воссоединения Крыма с Россией. Единый британский воинский некрополь на Каткартовом холме, оформив-

шийся в 1884 г., успешно просуществовал до Великой Отечественной войны как место памяти для Великобритании и ее граждан, как важный объект историко-культурного ландшафта Севастополя и часть туристической и рекреационной зоны города, которая была одинаково привлекательна и для гостей, и для местного населения. Изучение опыта организации подобного мемориального объекта важно для понимания путей решения проблемы в случае улучшения политической ситуации. Накопленный опыт может быть использован при решении проблемы русских и советских воинских захоронений XX в. на территориях стран Восточной Европы и бывших республик СССР, где в последние десятилетия, на фоне политических противоречий, индивидуальные и братские могилы и кладбища целенаправленно разрушаются и подвергаются систематическому надругательству.

Методы исследования

При постановке и разрешении частных проблем, связанных с эволюцией подходов к уходу за воинскими захоронениями Великобритании в Севастополе в указанный период, применялись методы идеографического (описание индивидуальных особенностей единичных исторических фактов и событий) и номологического (описание общих законов функционирования изучаемых объектов) описания. При формулировке актуальности исследования применен метод актуализации. Ключевыми

в рамках исследования являются методы качественного анализа источников и историографии: индуктивный, дедуктивный, метод рационального объяснения. Историко-сравнительный метод используется в виде адресного обращения к мемориальным практикам других государств, примененным по отношению к захоронениям Крымской войны в окрестностях Севастополя. При подведении промежуточных и общих результатов исследования применен метод логического синтеза. В части определения установок, норм, познавательных средств и процедур, общей оценки результатов работы применялся метод рефлексии.

Результаты исследования

По мере затягивания военных действий происходила эволюция подходов к погребению. Первые захоронения павших в Альминском сражении были сделаны на поле боя в братских могилах – классический подход британской армии эпохи Наполеоновских войн.

Осознание невозможности быстрой победы и затяжная осада позволили приблизить погребальные практики к мирной жизни, где нормы христианской морали внушали проявить заботу о ближнем, даже если он уже мертв. Понимание, что каждый сражающийся достоин места, где, выполнив долг, он сможет упокоиться с миром, стимулировало сослуживцев организовывать погребения и благоустраивать индивидуальные и братские могилы, устанавливать памятники

отдельным подразделениям с упоминанием, в том числе и тех, кто пропал без вести. В реализации этой инициативы были впервые уравнены все воины, памятников на могилах удостоивались и генералы, и рядовые, хотя ряд различий в упокоении все еще сохранился [Berridge, 2015].

В период осады (25 сентября 1854 – 8 сентября 1855 гг.) администрацию экспедиционного корпуса воинские кладбища беспокоили только в связи с санитарными проблемами. Озабоченность захоронением останков людей, скота и нечистот на территории, занятой британским контингентом, высказывалась Санитарной комиссией и отдельными врачами. В числе «погребальных» проблем упоминались: захоронения рядом с источниками воды и в местах, где предстоит разместить контингент; санитарные кладбища рядом с госпиталями, повышавшие риски реинфицирования. Решением стал контроль глубины могил и засыпание их известью и торфяным углем, без перезахоронения [Report to the Right Hon. Lord Panmure, 1857, p. XV, 95]. Выявить документы медицинской службы либо приказы Главнокомандующего, которые регламентировали порядок создания воинских захоронений, в настоящее время не удалось.

Картографический и иконографический материал свидетельствует о хаотичном расположении кладбищ. Британские статистиче-

ские источники подтверждают их неоднородность (от нескольких могил на малых кладбищах, до нескольких сотен на крупных, от установки деревянных крестов и кустарных памятников из местного известняка до мраморных мемориалов работы английских архитекторов, выполненных в Англии). Это говорит о произвольном появлении кладбищ по принципу удобства захоронения и оформлении некрополей в соответствии с возможностями сослуживцев и родственников.

Системное благоустройство могил началось по заключению перемирия 14 марта 1856 г. Генерал Сэр Вильям Кондрингтон, командующий Британской армией на Востоке, поручил экспедиционному корпусу оформление кладбищ, а группе инженеров – составление инвентаризационной описи захоронений на момент отбытия из Крыма с нанесением расположений кладбищ на карту, копия которой была передана Российской стороне вместе с территорией в июле 1856 г. [Colborne, Brine, 1857, p. V–VI].

Сохранение могил британцев в Крыму стало предметом беспокойства депутатов Британского парламента на этапе окончания войны. Получение от российской стороны гарантий сохранения захоронений обсуждалось на заседании Палаты общин 7 марта 1856 г. Участник осады Севастополя генерал де Лейси Эванс, депутат от Вестминстера, предложил разработать комплекс мер и закрепить их договором

с российской стороны. По мнению генерала, «часть территории должна быть выделена для места захоронения наших солдат, погибших в Крыму, российское правительство должно получать арендную плату, а территория должна хорошо охраняться» [The Graves of the soldiers in the Crimea, 1856]. Предложения де Лейси Эванса были приняты к сведению, но не реализованы. Дебаты побудили британских дипломатов законодательно закрепить сохранение могил при подписании Парижского мирного договора, но механизм обеспечения сохранности и обязанности сторон законодательно оформлены не были. Это стало одной из главных причин того, что следующие 27 лет британские кладбища медленно разрушались и частично исчезли.

Во исполнение обязательства, данного при заключении Парижского мира, императором Александром II был выпущен указ «О сохранении памятников и могил иностранных воинов, павших под Севастополем и в других местах России во время Восточной войны». По нему предписанием губернского правления земские суды и городские полицмейстеры должны были принимать безотлагательные меры к сохранению в целостности памятников и могил в местах, где погребены тела иностранных воинов. С 17 мая (н. с.) 1856 г. подобное предписание действовало на территории Таврической губернии [ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6643. Л.1].

Генерал-адъютант граф Александр Григорьевич Строганов, Новороссийский генерал-губернатор, предлагал в 1858 г. назначить «особый присмотр из 36 человек вольнонаемных <...> обнести кладбища глубокими рвами и живою изгородью, для чего <...> назначить рабочих из обывателей <...> потребуются расхода: постоянного до 3456 р. в год и единовременного до 2000 р. серебром» [Орлов, 2002, с. 116].

Меры, предложенные Строгановым, после нескольких лет бесполезных попыток возложения охраны на полицмейстеров, чинов Балаклавского греческого пехотного батальона, чиновников Севастопольского порта и частных землевладельцев, могли предохранить кладбища от разрушений и дать работу части населения, обреченного на мародерства из-за отсутствия средств к существованию. «Поля битв во всех частях света усыпаны гробницами павших, но нигде местная правительственная власть не взяла на себя обязанность сохранять их на все времена. При большом же протяжении, на котором в Крымском полуострове рассеяны ныне гробницы, таковая с нашей стороны взятая обязанность соответствовала бы мирному завладению сих земель иностранцами», – писал в 1858 г. граф Иван Матвеевич Толстой, управляющий делами МИДа, отвергая предложения Строганова [Орлов, 2002, с. 122].

Отсутствие активного противодействия разрушению кладбищ и

формальность в соблюдении обязательств российской стороной можно объяснить нежеланием задействовать значительные средства и ресурсы на могилы бывших противников, но многолетнее бездействие и недостаточность предпринятых мер со стороны Великобритании – объяснить сложно.

Отличительными чертами ухода и сохранения британских захоронений до 1884 г. в Крыму выступили: порицание бездействия со стороны общественного мнения как фактор актуализации проблемы, скупость в выделении средств правительственными органами Великобритании, контроль состояния кладбищ через систему консульских учреждений на Юге России, категорическое отрицание по религиозным соображениям эксгумации тел для создания оссуария или перезахоронения останков на одной охраняемой территории.

Разрушение Севастополя и закрытие коммерческого порта минимизировали британское дипломатическое присутствие в городе. В отсутствие консула в Севастополе функцию контроля за состоянием кладбищ осуществляли вице-консул в Керчи, либо консул в Феодосии под общим руководством генерального консула в Одессе, который получал инструкции и средства на уход за кладбищами от Министерства иностранных дел.

В период с 1857 по 1866 г. в Севастополе находился американский инженер Джон Эмери Гоуэн, зани-

мавшийся расчисткой Севастопольской бухты. Подполковник Гоуэн и его супруга, глубоко верующие христиане, были равнодушны к состоянию кладбищ. Они добровольно, на собственные средства в свободное время производили реставрационно-ремонтные и ревизионные работы, сопровождали родственников усопших и туристов при посещении кладбищ союзников. Гоуэн не был официально смотрителем кладбищ, так как не соответствовал требованиям английского правительства, видящего на этой должности англичанина, но его деятельность содействовала пониманию круга обязанностей и требований к лицу, на которое данная работа будет возложена официально, а также позволяла британскому правительству долгое время не расходовать средства на смотрителя [The Illustrated London News, 1861, p. 3, 7].

Должность смотрителя кладбищ оформлялась поэтапно. Протесты правительству России в связи с разрушениями, многотомная переписка, инспекции чиновников, аресты виновных не приносили результатов. Расследовав причины мародерства, генеральный консул в Одессе Юстейс Клеар Гренвилл-Мюррей в донесении правительству указал, что только наличие ответственного лица может повлиять на ситуацию [Keating, 2011, p. 89]. Лишь после этого было решено выделять из казны по линии МИДа 100 фунтов в год для оплаты услуг по уходу за могилами. Мюррей предполагал, что эту

работу примут на себя монахи Свято-Георгиевского монастыря в Балаклаве, но настоятель отказался, сославшись на то, что «почитание могил есть обязанность каждого христианина, а уход за могилами – удел мирян» [Keating, 2011, p. 90].

Постоянного смотрителя кладбищ с окладом в 100 фунтов в год найти не удалось, кандидаты либо не справлялись, либо отвергались правительством на этапе отбора [The Graves In The Crimea, 1860]. Английский вице-консул в Керчи Джордж Джексон Элридж с 1861 по 1863 гг. участвовал в уходе за кладбищами в рамках консульских обязанностей. Кроме отчетов о состоянии захоронений, составление которых на него возлагалось как на консула, он провел реинвентаризацию некрополей и памятников, отремонтировал ограды кладбищ на сумму 3 000 фунтов (по сведениям министра иностранных дел Дж. Рассела – 3 800 фунтов) [The Graves At Sebastopol, 1861].

Сменивший Элриджа вице-консул в Керчи Роберт Чарльз (Карл) Клиппертон продолжил исполнение этих обязанностей (с 8 декабря 1862 г. до 8 марта 1866 г.) [British Graves In The Crimea, 1869; The Foreign Office List ... , 1895, p. 85]. Их присмотр вместе с деятельностью Дж. Гоуэна позволил почти все 1860-е гг., требуя сохранения могил от России, прикладывать минимум британских средств и усилий для ухода за кладбищами.

Важным событием стал визит в Россию Принца Уэльского (будущего короля Эдуарда VII) в ходе заграничной поездки на Восток. Целью посещения Севастополя 13–14 апреля 1869 г. стала ревизия состояния кладбищ Крымской войны. Посетив захоронения английских, французских и русских воинов, делегаты сопоставили подходы государств к вопросам по уходу и организации некрополей. Принц Эдуард счел наилучшим решением объединение кладбищ в один некрополь, которое к этому времени успешно осуществили французы, но пресса его не поддержала [Public opinion, 1869, p. 656]. Продолжая настаивать на неприкосновенности могил и нежелательности перезахоронений, газеты в мае писали: «Первое и самое святое чувство, связанное с каждой могилой, где бы она ни находилась, – это то, что она считается «последним домом» ее обитателя. <...> каждый, кто искренне оплакивает близкого и дорогого родственника или друга, ныне спящего в Крыму, предпочел бы, чтобы его кости покоились нетронутыми, и чтобы ему было разрешено продолжать спать в могиле, куда его положил британец. <...> Пусть Палата общин назначит, если сочтет нужным, какого-нибудь нового чиновника для проживания в Крыму и поддержания в порядке стен, которые окружают британские кладбища» [The Sydney Morning Herald, 1869, p. 6].

После оглашения в Парламенте доклада посла Эндрю Бьюкенена, участвовавшего с наследником в ревизии кладбищ в Севастополе, начались новые дебаты о мерах, необходимых для сохранения могил. Обсуждения вновь не привели к действиям, но усилили звучание в обществе мысли об объединении кладбищ.

Весной 1872 г. после очередной разгромной статьи «Таймс» депутаты вернулись к дебатам. Казна денег не выделяла, присмотра консулов и небольших ремонтных работ было явно недостаточно. Патриотический фонд на содержание могил офицеров и рядовых британской армии, павших в Крыму, юридически деньги выделять не мог [The Russian War. British Graves In The Crimea, 22 April 1872]. «Военное министерство намерено, с согласия Министерства иностранных дел и Казначейства, направить двух британских офицеров в Крым, чтобы они посетили кладбище и могилы, и доложили об их нынешнем состоянии и наилучших средствах для их сохранения», – сообщал в Палате общин Сер Виконт Энфилд 2 мая 1872 г. [The Russian War. British Graves In The Crimea, 2 May 1872].

В период с 29 августа по 9 сентября в Севастополе и окрестностях работали бригадир королевской артиллерии Джон Миллер Эдай (Abye) и инженер-полковник Чарльз Джордж Гордон. Из 130 кладбищ при самом тщательном обследовании местности они не смогли выявить

11 некрополей, на которых располагались к этому времени виноградники и лесопосадки. Основными причинами разрушений, указанными в декабрьском докладе, являлись не вандалы и недостаток охраны, а время, погодные условия и бесконтрольно бродячий скот, который, минуя низкие и полуразрушенные ограды некрополей, беспрепятственно проникал на территории, заваливал и ломал надгробия. Все выявленные кладбища и надгробия были тщательно описаны, отчет в устной форме прозвучал в парламенте и вышел отдельным печатным изданием, ставшим вторым по значимости статистическим источником для изучения захоронений британцев в Крыму.

В своих предложениях по сохранению кладбищ Эдай и Гордон указали: перезахоронение останков – нежелательно; назначение и содержание смотрителя и реставрация повреждений являются обязательными мерами для сохранения некрополей; объединение оставшихся надгробий в единый комплекс на базе кладбища офицеров 4-й пехотной дивизии на Каткартовом холме – желательно осуществить при наличии возможности. Для общего кладбища ими также предлагалось изготовить в Великобритании памятник, который бы увековечивал всех упокоенных в Крыму британцев – жертв войны 1854–1856 гг. [Abye, 1895, p. 273–282].

В ходе дебатов Палаты общин 9 мая 1873 г. отмечалось, что «пра-

вительство полностью осознает важность этой темы и интерес, который проявляет к ней нация, и особенно семьи тех, кто погиб в Крыму» [Russia. British Graves In The Crimea, 1873]. Доклад был тщательно рассмотрен – сначала Военным министерством, а затем Министерством финансов, а правительство должно было быстро принять по нему решение, но противоречивые предложения требовали дополнительного времени на рассмотрение вопроса. Министерство иностранных дел и российское правительство вели переписку, до завершения которой принятия решения посчитали преждевременным и обещали вскоре его объявить.

В августе 1874 г. обсуждения еще продолжались. Представители Военного министерства сообщили, что «один английский джентльмен, проживающий в Крыму, выразил готовность взять на себя надзор за кладбищами, если ему будет предоставлено соответствующее разрешение, российские власти дали на это согласие» [British Cemeteries In The Crimea, 1874].

С апреля – марта 1875 г. по август 1876 г. в Крыму работал лейтенант (к 1877 г. – инженер-капитан) Томас Генри Энсти, который занимался реставрацией кладбищ и строительством домика для сторожа. В выполнении поручений ему помогал капитан Сэмюэл Генри Харфорд, участник осады, офицер 75-го полка, который был с 1 марта 1875 г. внештатным вице-

консулом в Севастополе, а также нанятые каменщики, рабочие и местные власти [The Foreign Office List ... , 1895, p. 124; Pall Mall Budget. 1875, p. 33]. Когда работы были завершены, газета «Армии и флота» сообщила, что «Парламент в 1875 г. проголосовал за выделение 5000 фунтов, а в 1876 г. – еще 1400 фунтов для приведения на кладбищах реставрационных работ <...> То, как капитан Энсти распределил средства и выполнил обязанности, вызвало всеобщее одобрение» [The Army and Navy Gazette, 1877, p. 3].

Известно, что после огласки доклада Эдая и Гордона казна согласовала выделение средств на перенос отдельных надгробий на более крупные кладбища и покрытие могил на малых кладбищах дерном. Возможно, что Энсти выполнял и часть этих работ, поскольку кладбища были сокращены в количестве именно в 1875 г.

Выдержки из статей газеты «Таймс», приведенные исследователем Гленом Фишером, свидетельствуют о том, вице-консул в Севастополе Герберт Белазиз Моффат в заметке от 3 сентября 1878 г. сообщал о наличии всего 13 кладбищ (из 119 на 1872 г.). Кладбище на холме Каткарта «не напоминало городские кладбища в Англии, но уже походило на ухоженный сельский погост» – там появились деревья и кустарники, дорожки с цветами [Fisher, 2010, p. 43]. Определяемые для присмот-

ра за кладбищами средства Моффат находил недостаточными для полноценного озеленения территорий. Писал вице-консул и о других проблемах: стены кладбищ намеренно ломались татарскими пастухами для выпаса скота, что принуждало регулярно тратиться на их ремонт; территория, выделенная к этому времени российским правительством для расширения кладбища на Каткартовом холме, все еще не была огорожена. Заметка в «Таймс» от 5 ноября 1879 г., упоминаемая Г. Фишером, в числе прочего, приводила рассуждения анонимного автора о возможности компенсировать слабое финансирование из казны за счет сборов пожертвований среди родственников упокоенных и военнослужащих подразделений, чьи памятники имелись под Севастополем [Fisher, 2010, p. 43].

К началу 1880-х на содержание кладбища выделялось 80 фунтов ежегодно, из которых 30 фунтов шли на оплату услуг смотрителя, проживавшего в домике на Каткартовом холме [Commonwealth War Graves Commission Archive, 1916, p. 134].

Летом 1880 г. генерал Фрэнсис Джордж Хью Сеймур, 5-й маркиз Хартфорд, ушедший накануне с поста лорда-камергера двора, посетил Крым. Он отметил колоссальную работу по сохранению кладбищ, проделанную капитаном Хартфордом, вице-консулом в Севастополе, и дружеские усилия российских властей, которые были нивелированы очередными разрушениями [Yorkshire Post and Leeds

Intelligencer, 1881, p. 4]. Его заметки, участие и связи помогли созыву Совещания в Королевском институте объединенных вооруженных сил 10 марта 1883 г. На совещании присутствовал герцог Кембриджский, Главнокомандующий британской армией, ветераны Крымской кампании, а первую резолюцию вынес присутствовавший Принц Уэльский. Он высказался, что в ходе визита 1869 г. наиболее удачным нашел французский вариант перезахоронения останков в оссуарий; что он уважает нежелание потревожить могилы павших, но солидарен с генерал-губернатором Павлом Евстафьевичем Коцебу, который настаивал на том, что именно перезахоронение убережет от осквернения останки, а не только надмогильные памятники [Speeches and addresses of H. R. H. the Prince of Wales, 1889, p. 226–228]. Другие участники совещания в большинстве высказались за перенос памятников с оставшихся кладбищ на Каткартов холм без перезахоронений и за увеличение финансирования для найма работников, ухаживающих за могилами [Speeches and addresses of H. R. H. the Prince of Wales, 1889, P. 227]. Собрание инициировало сбор средств: принц даровал 50 фунтов, Главнокомандующий – 25 фунтов. Комитет по сбору средств был назван Комитетом Принца Уэльского, его возглавил последний Главнокомандующий британской армией в Крыму – генерал сэр В. Кодрингтон [Speeches and addresses of H. R. H.

the Prince of Wales, 1889, P. 228]. Комитет собрал на перемещение надгробий сумму в 1 400 фунтов [Commonwealth War Graves Commission Archive, 1916, p. 134].

24 июня 1883 г. Кодрингтон проинформировал посла Великобритании в Санкт-Петербурге, что российское правительство предоставило дополнительные 70 футов территории вокруг Каткартова холма, на которые будут собраны надгробия и мемориалы с других оставшихся кладбищ, а чтобы не потревожить останки упокоенных, могилы нужно сравнять с землей.

19 августа 1883 г. в Севастополь отправился ветеран войны полковник Джеймс Конолли, которому было вверено руководство перемещением памятников. С помощью вице-консула капитана Харфорда к 27 сентября 1883 г. работы завершились «в очень сжатые сроки». После значительного расширения кладбище оградил новой прочной и высокой стеной [Hinton, 2020, p. 72–73]. По завершению строительства 23 мая 1884 г. общее британское воинское кладбище освятил преподобный Чарльз Сэндфорд, епископ Гибралтарский. Церемонию посетили дипломатические представители Великобритании, Франции, Италии, Греции и Турции. Русскую делегацию возглавил городской голова Севастополя Федор Николаевич Еранцев, адмиралы Черноморского флота, генералы Севастопольского гарнизона. Торжественность мероприятия придала рота почетного карау-

ла, которая отдала воинские почести. «Тройной залп над могилами, отданный русскими моряками, завершил торжественную и живописную церемонию в знак того, что вражда осталась в прошлом <...> ничто не могло сравниться с вежливостью и услужливым дружелюбием российских властей, которые, услышав о предполагаемой церемонии, добровольно согласились оказать помощь и прислать почетный караул» [Warren, 1894, p. 42].

С момента объединения некрополя Управление строительства назначило ежегодное пособие из казны в размере 200 фунтов на содержание кладбища на Каткартовом холме. Поскольку кладбище находилось в ведении вице-консула Великобритании в Севастополе, то официально финансирование продолжало сохраняться по линии Министерства иностранных дел, территория кладбища являлась землей Британской империи [Commonwealth War Graves Commission Archive, 1916, p. 134].

Каткартов холм, имея некоторое количество захоронений, после объединения памятников приобрел большое символическое значение. Здесь появились новые памятники, установленные на средства военнослужащих, служивших в четвертой четверти XIX в. в тех родах войск и частях, которые участвовали в военных действиях в Крыму в 1854–1856 гг.

Особый интерес представляет табличка в память о генерале Ф. Сеймуре (маркизе Хартфорде) и

полковнике Дж. Конелли, установленная с внутренней стороны ограды мемориала, в благодарность за заслуги по объединению некрополей [Hinton, 2020, р. 74]. Появившись в конце 1880-х – начале 1890-х гг., она увековечила тех, кто помог сохранить память о британцах, упокоенных под Севастополем.

Заключение

Середина 1880-х гг. стала временем, когда историческая память о Крымской войне стала угасать, уходили ее носители – участники военных действий 1854–1856 гг. Мероприятия, связанные с объединением некрополей, обсуждения в прессе сохранности кладбищ, длившиеся почти четверть века, сборы средств на благоустройство привлекли к этим процессам молодые поколения, сделав их акторами

памяти о павших в Крымской войне, участниками ее сохранения и переосмысления.

В качестве подходов, примененных при организации ухода за Севастопольскими кладбищами; можно выделить: отказ от перезахоронений, оформление паркового ансамбля, использование сотрудников органов внешних сношений для общего контроля за кладбищами, учреждение должности смотрителя для работы на местах и прочее. Они были не только апробированы именно в Крыму, но и стали частью традиционных британских представлений об устройстве воинских кладбищ, использованных при увековечении памяти павших в годы мировых войн XX в. и применяемых Комиссией Содружества по воинским захоронениям до сих пор.

Библиографический список

1. Орлов А. А. Англо-российский «крымский» дипломатический конфликт 1856–1868 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 113–125.
2. О сохранении памятников и могил иностранных воинов, павших под Севастополем и в других местах России во время Восточной (Крымской) войны // ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6643. Л. 1.
3. Adye J. M. Recollections of a military life. Macmillan & co. NY, 1895. 440 p.
4. Berridge A. L. Off the chart: The Crimean war in british public consciousness. interdisciplinary studies in the long nineteenth century. 2015. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1856/mar/07/the-graves-of-the-soldiers-in-the-crimea#column_2040 (дата обращения: 09.04.2025).
5. British cemeteries in the Crimea // CL Debates. 1874. 6 August. Vol. 221. URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1874-08-06/debates/4d06966a-7d4b-4de5-b675-06356efa2d12/BritishCemeteriesInTheCrimea%E2%80%9494Question> (дата обращения: 09.04.2025).
6. British graves in the Crimea // HC Debates. 1869. 13 May. Vol. 196. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1869-05-13/debates/9eff8b56-73f6-4313-a976-6d662694d45f/Question> (дата обращения: 09.04.2025).

7. Colborne. J., Brine. F. The last of the brave; or resting places of our fallen heroes in the Crimea and at Scutari / J. Colborne and F. Brine. L.: Ackermann and Co, 1857. 66 p.
8. Commonwealth war graves commission archive. Prince Of Wales' National committee for the care of soldiers' graves. 250 p.
9. Fisher G. Resting places of our fallen heroes in the Crimea // The War Correspondent. 2010. Vol. 27. № 4. P. 36–48.
10. Hinton M. A sad end for a fine memorial: the Royal Engineers' monument erected on Cathcart's Hill commemorating those who died during the Crimean war // Royal Engineers Journal. Vol. 134. № 1. 2020. April. P. 69–74.
11. Keating A.P. The empire of the dead: British burial abroad and the formation of national identity. Berkeley, 2011. 143 p.¹
12. Pall Mall Budget. 1875. March 12.
13. Public opinion. 1869. May 22.
14. Report to the Right Hon. Lord Panmure, G. C. B., &c., minister at war, of the proceedings of the sanitary commission dispatched to the seat of war in the East, 1855–56. L.: Harrison, 1857. 302 p.
15. Russia. British graves in the Crimea // HC Debates. 1873. 9 May. Vol. 215. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1873/may/09/russia-british-graves-in-the-crimea> (дата обращения: 09.04.2025).
16. Speeches and addresses of H. R. H. the Prince of Wales: 1863–1888. L.: John Murray, 1889. 424 p.
17. The Army and Navy Gazette. 1877. January 6.
18. The english graves at Sebastopol // HC Debates. 1860. 27 April. Vol. 158. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1860-04-27/debates/8542c626-8049-48c0-a63a-91cf7fb9d150/TheEnglishGravesAtSebastopol%E2%80%9994> Question (дата обращения: 09.04.2025).
19. The Foreign Office list and diplomatic and consular year book. L., 1895. 536 p.
20. The graves at Sebastopol // HC Debates. 1861. 11 April. Vol. 162. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1861-04-11/debates/6227b990-9dd8-4c02-b9c0-6fc838cf4297/TheGravesAtSebastopol> (дата обращения: 09.04.2025).
21. The graves in the Crimea // HC Debates. 1860. 8 May. Vol. 158. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1860-05-08/debates/50470be7-232a-4e49-b7eb-d7efc5e48b47/TheGravesInTheCrimea> (дата обращения: 09.04.2025).
22. The graves of the soldiers in the Crimea // HC Debates. 1856. 07 March. Vol. 140. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1856/mar/07/the-graves-of-the-soldiers-in-the-crimea#column_2040 (дата обращения: 09.04.2025).
23. The Illustrated London News. 1861. January 5.
24. The russian war. British graves in the Crimea // HC Debates. 1872. 22 April. Vol. 210. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1872/apr/22/the-russian-war-british-graves-in-the> (дата обращения: 09.04.2025).
25. The russian war. British graves in the Crimea // HC Debates. 1872. 2 May. Vol. 211. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1872/apr/22/the-russian-war-british-graves-in-the> (дата обращения: 09.04.2025).
26. The Sydney Morning Herald. 1869. August 5. Thursday.

27. Yorkshire Post and Leeds Intelligencer. 1881. June 28. Tuesday.

28. Warren C.F.S. English monuments in Crimea. Notes and queries; A medium of intercommunication for literary men, general readers, Etc. Vol. 6, July–December, 1894. L., 1894. 551 p.

Примечания

¹Архивные сведения об уходе консулов за кладбищами Крымской войны под Севастополем, выявленные А. Китингом в делах Министерства иностранных дел в Национальном архиве Великобритании и опубликованные в рамках данной работы, частично приводятся Д. О. Немцовым в статье «Институционализация воинских захоронений Великобритании в XIX веке» (2023) на русском языке со ссылкой на ложные источники.

Reference list

1. Orlov A. A. Anglo-rossijskij «krymskij» diplomatičeskij konflikt 1856–1868 gg. = Anglo-Russian “Crimean” diplomatic conflict in 1856–1868 // *Novaja i novejšaja istorija*. 2002. № 3. S. 113–125.

2. O sohranении pamjatnikov i mogil inostrannyh voinov, pavshih pod Sevastopolem i v drugih mestah Rossii vo vremja Vostočnoj (Krymskoj) vojny = On preserving monuments and graves of foreign soldiers who died near Sevastopol and in other places of Russia during the Eastern (Crimean) war // *GARK*. F. 27. Op. 1. D. 6643. L. 1.

3. Adye J. M. Recollections of a military life. Macmillan & co. NY, 1895. 440 p.

4. Berridge A. L. Off the chart: The Crimean war in british public consciousness. interdisciplinary studies in the long nineteenth century. 2015. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1856/mar/07/the-graves-of-the-soldiers-in-the-crimea#column_2040 (data obrashhenija: 09.04.2025).

5. British cemeteries in the Crimea // *CL Debates*. 1874. 6 August. Vol. 221. URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1874-08-06/debates/4d06966a-7d4b-4de5-b675-06356efa2d12/BritishCemeteriesInTheCrimea%E2%80%9494Question> (data obrashhenija: 09.04.2025).

6. British graves in the Crimea // *HC Debates*. 1869. 13 May. Vol. 196. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1869-05-13/debates/9eff8b56-73f6-4313-a976-6d662694d45f/Question> (data obrashhenija: 09.04.2025).

7. Colborne. J., Brine. F. The last of the brave; or resting places of our fallen heroes in the Crimea and at Scutari / J. Colborne and F. Brine. L.: Ackermann and Co, 1857. 66 p.

8. Commonwealth war graves commission archive. Prince Of Wales' National committee for the care of soldiers' graves. 250 p.

9. Fisher G. Resting places of our fallen heroes in the Crimea // *The War Correspondent*. 2010. Vol. 27. № 4. P. 36–48.

10. Hinton M. A sad end for a fine memorial: the Royal Engineers' monument erected on Cathcart's Hill commemorating those who died during the Crimean war // *Royal Engineers Journal*. Vol. 134. № 1. 2020. April. P. 69–74.

11. Keating A.P. The empire of the dead: British burial abroad and the formation of national identity. Berkeley, 2011. 143 p.

12. Pall Mall Budget. 1875. March 12.

13. Public opinion. 1869. May 22.

14. Report to the Right Hon. Lord Panmure, G. C. B., &c., minister at war, of the proceedings of the sanitary commission dispatched to the seat of war in the East, 1855–56. L.: Harrison, 1857. 302 p.
15. Russia. British graves in the Crimea // HC Debates. 1873. 9 May. Vol. 215. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1873/may/09/russia-british-graves-in-the-crimea> (data obrashhenija: 09.04.2025).
16. Speeches and addresses of H. R. H. the Prince of Wales: 1863–1888. L.: John Murray, 1889. 424 p.
17. The Army and Navy Gazette. 1877. January 6.
18. The english graves at Sebastopol // HC Debates. 1860. 27 April. Vol. 158. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1860-04-27/debates/8542c626-8049-48c0-a63a-91cf7fb9d150/TheEnglishGravesAtSebastopol%E2%80%9494> Question (data obrashhenija: 09.04.2025).
19. The Foreign Office list and diplomatic and consular year book. L., 1895. 536 p.
20. The graves at Sebastopol // HC Debates. 1861. 11 April. Vol. 162. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1861-04-11/debates/6227b990-9dd8-4c02-b9c0-6fc838cf4297/TheGravesAtSebastopol> (data obrashhenija: 09.04.2025).
21. The graves in the Crimea // HC Debates. 1860. 8 May. Vol. 158. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1860-05-08/debates/50470be7-232a-4e49-b7eb-d7efc5e48b47/TheGravesInTheCrimea> (data obrashhenija: 09.04.2025).
22. The graves of the soldiers in the Crimea // HC Debates. 1856. 07 March. Vol. 140. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1856/mar/07/the-graves-of-the-soldiers-in-the-crimea#column_2040 (data obrashhenija: 09.04.2025).
23. The Illustrated London News. 1861. January 5.
24. The russian war. British graves in the Crimea // HC Debates. 1872. 22 April. Vol. 210. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1872/apr/22/the-russian-war-british-graves-in-the> (data obrashhenija: 09.04.2025).
25. The russian war. British graves in the Crimea // HC Debates. 1872. 2 May. Vol. 211. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1872/apr/22/the-russian-war-british-graves-in-the> (data obrashhenija: 09.04.2025).
26. The Sydney Morning Herald. 1869. August 5. Thursday.
27. Yorkshire Post and Leeds Intelligencer. 1881. June 28. Tuesday.
28. Warren C.F.S. English monuments in Crimea. Notes and queries; A medium of intercommunication for literary men, general readers, Etc. Vol. 6, July–December, 1894. L., 1894. 551 p.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-111

EDN: GMGGIN

**Развитие авиации и авиационной промышленности в
позднеимперской России: роль государства и проблема инноваций**

Лю Ясинь

Аспирант Института истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР

http://1326042872@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-0508-5638>

Аннотация. Авиация и авиационная промышленность в позднеимперской России не развивались естественным путем, а были результатом государственных усилий, направленных на преодоление геополитических угроз и внутренних кризисов. Используя военные заказы, бюрократические инструменты и идеологическую мобилизацию (пропаганда в прессе, авиационные праздники), государство форсировало внедрение авиационных технологий, однако столкнулось с системными противоречиями. Финансовые ограничения, зависимость от иностранных технологий (прежде всего в двигателестроении) и хроническая бюрократическая несогласованность (конфликты между ведомствами из-за дублирования полномочий) препятствовали формированию самостоятельной инновационной системы. Модель «сильное государство – слабое общество» привела к тому, что российская авиационная промышленность перед Первой мировой войной имела количественное превосходство, но страдала от структурных проблем: нехватки авиадвигателей, несогласованности между различными ведомствами и низкой эффективности производства. В годы войны эти проблемы стали критическими, выявив неспособность империи обеспечить устойчивое развитие авиационного сектора. Таким образом, опыт позднеимперской России показывает, что модернизация, основанная на директивном государственном вмешательстве, может обеспечить быстрый рост отрасли, но без устойчивых механизмов развития остается уязвимой перед кризисами. Эта модель, основанная на гиперцентрализации и игнорировании структурных реформ, стала историческим прологом советского ВПК. Несмотря на провал, имперский опыт заложил институциональные основы и идеологический шаблон для мобилизационной модернизации СССР. Исследование опирается на документальные материалы, исследования российских и зарубежных авторов, предлагая новый взгляд на взаимосвязь геополитики, технологий и институтов в контексте догоняющего развития.

Ключевые слова: Российская империя; модернизация; авиационная промышленность; история авиации; военно-воздушный флот; Первая мировая война

© Лю Ясинь, 2025

Развитие авиации и авиационной промышленности в позднеимперской России: роль государства и проблема инноваций 111

Для цитирования: Лю Ясинь Развитие авиации и авиационной промышленности в поздней имперской России: роль государства и проблема инноваций // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 111–125. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-111>. <https://elibrary.ru/GMGGIN>.

Original article

**The development of the aviation industry in late imperial Russia:
the role of the state and the problem of innovation**

Liu Yaxin

Post-graduate student at Institute of history and culture of the Central China normal university, Wuhan, PRC

1326042872@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-0508-5638>

Abstract. Aviation and the aviation industry in late imperial Russia did not develop naturally, but was the result of state efforts to overcome geopolitical threats and internal crises. Using military orders, bureaucratic tools, and ideological mobilization (propaganda in the press, aviation holidays), the state forced the introduction of aviation technologies, but faced systemic contradictions. Financial constraints, dependence on foreign technologies (primarily in engine construction) and chronic bureaucratic incoherence (conflicts between agencies due to overlapping powers) prevented the formation of an independent innovation system. The “strong state – weak society” model led to the fact that the Russian aviation industry before World War I was quantitatively superior, but suffered from structural problems: shortage of aircraft engines, inconsistency between different departments, and low production efficiency. During the war years, these problems became critical, revealing the empire's inability to ensure the sustainable development of the aviation sector. Thus, the experience of late imperial Russia shows that modernization based on directive state intervention can ensure rapid growth of the industry, but without sustainable development mechanisms it remains vulnerable to crises. This model, based on hypercentralization and ignoring structural reforms, was the historical prologue of the Soviet MIC. Despite its failure, the imperial experience laid the institutional foundations and ideological template for the mobilization modernization of the USSR. The study draws on archival materials, including the reports of the State Institute of Science and Technology and enterprise correspondence, offering a new perspective on the interrelationship of geopolitics, technology and institutions in the context of catching-up development.

Key words: Russian empire; modernization; aviation, history of aviation; air force; First world war

For citation: Liu Yaxin The development of the aviation industry in late imperial Russia: the role of the state and the problem of innovation. *Social and political researches*. 2025;2(27): 111–125. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-111>. <https://elibrary.ru/GMGGIN>.

Введение
Развитие авиационной промыш-

ленности в поздней Российской империи (1890–1914) стало символи-

ческой попыткой страны вписаться в волну модернизации. Этот процесс был связан не только с военно-техническими инновациями, но и отражал сложные противоречия, с которыми столкнулась традиционная империя в условиях геополитических кризисов, социальной трансформации и технологической революции.

Однако исследования авиационной промышленности этого периода явно недостаточны в общей историографии российской авиации. Исследователи в основном рассматривали авиацию через призму ее военного применения, а также анализировали организацию военно-воздушных сил для выполнения боевых задач. Большинство публикаций того времени носили обзорный и описательный характер и, как правило, печатались в журналах и газетах [Русский инвалид, 1908].

Советские и постсоветские исследователи в изучении данного периода изучали историю техники и военной истории, уделяя особое внимание развитию авиационных технологий и их применению на поле боя [Свечин, 1923; Крейсон, 1927; Меньчуков, 1927]. Типичным примером авиационно-технического подхода является труд П. Д. Дузя «История воздухоплавания и авиации в России», изданный в 1995 г. В своей работе автор детально рассматривает эволюцию авиационной техники в России с 1860-х гг. до 1914 г., анализируя как развитие летательных аппаратов, так и фор-

мирование авиационных теорий [Дузь, 1995].

В последние годы российские исследователи начали выходить за рамки традиционных подходов. Так, А. М. Попов в статье «Влияние внутриполитических проблем государства на развитие авиации и авиационной промышленности России в 1909–1914 гг.» [Попов, 2016] рассматривает развитие авиации в позднимператорский период в контексте общей политической ситуации, акцентируя внимание на роли государства в формировании российской авиационной отрасли. Этот подход открывает новые перспективы для изучения государственно-ориентированной модернизации, однако требует дальнейшего комплексного анализа с учетом геополитических факторов, институциональных изменений и механизмов культурной мобилизации.

В данной статье предпринята попытка показать как геополитическая озабоченность о безопасности и социальное давление в совокупности составили историческую движущую силу подъема российской авиационной промышленности, а также проанализировать, как государственный аппарат внедрял авиационные технологии с помощью политических и экономических средств в трех направлениях: институциональных гарантий, военных заказов и культурной мобилизации.

Результаты исследования

Рождение авиационной промышленности Российской империи

не было неизбежным результатом технологической эволюции, а являлось политической операцией по спасению империи. Накануне Первой мировой войны, если рассматривать только количественные показатели военной авиационной мощи, Российская империя, по видимому, входила в число ведущих европейских держав. По некоторым оценкам «в то время в русской армии было 244 самолета, 300 летчиков и 12 дирижаблей, в Германии – 232 самолета, во Франции – 138 самолетов, 200 летчиков и 6 дирижаблей, в Великобритании – 154 самолета, а в Австро-Венгерской империи – 56 самолетов» [Black, 2016, p. 17]. Однако за этой видимостью численного преимущества скрывался глубокий структурный кризис имперской авиационной промышленности.

12 июля 1904 г. впервые в истории русской армии был использован военный аэростат. По словам участников этой операции, которые поднимали аэростат для наблюдения за японскими позициями, были ясно видны передовые форпосты противника, две крепости и артиллерийские позиции, и общая ситуация была «совершенно иной, чем до подъема» [Дузь, 1995, с. 207]. Подъем аэростата дал ценную информацию русскому командованию, в отчете были точно указаны места расположения японских опорных пунктов, артиллерийских позиций, стрелковых окопов и каналов связи. Это заставило военное министерство осознать важность воздушных сил, и в отчете 1904 г.

было указано: «В инженерном отношении следует обратить внимание на медленное строительство крепостей и недостаток средств сообщения: полевых железных дорог, телеграфа, телефона и полевых воздушных сил» [Ганелин, 2004, с. 187]. Пока война продолжалась, Главное инженерное управление (*далее ГИУ*) подготовило «Руководство по использованию воздушных частей в полевых войсках» для дальневосточного театра военных действий. В документе подробно описывалось, как использовать преимущества воздушных шаров для разведки на поле боя [Попова, 1956].

Успешный опыт применения авиации в русско-японской войне побудил ГИУ рассмотреть вопрос об увеличении численности авиации. В 1906 г. ГИУ представило соответствующую «концепцию»: «... формирование 10 полевых авиационных батальонов, 13 новых крепостных рот и расширение существующих 6 крепостных отрядов в роты. Кроме того, предполагается оснастить войска 10 управляемыми аэростатами и расширить создание авиационных полигонов, в том числе увеличить число подвижных мест для обучаемых офицеров» [Всеподданнейший отчет ... , 1908, с. 43]. Однако эта «концепция» в конечном итоге не была реализована полностью из-за политических потрясений, нехватки финансовых средств и жесткой системы императорской бюрократии.

Будучи сухопутной державой, охватывающей Европу и Азию, Россия придерживалась глубокой оборонительной стратегии «обмена пространства на время». Стратегическая гибкость огромной территории и большая постоянная армия сыграли ключевую роль в войне с Наполеоном. Однако революционный прорыв в авиационных технологиях подорвал оборонительную ценность географических барьеров. Два знаковых события 1908–1909 гг. перевернули традиционное понимание безопасности России: в 1908 году Германия провела военные учения с дирижаблем «Цепелин» [Black, 2016]. В следующем 1909 г. француз Луи Блерио перелетел на самолете через Ла-Манш, что еще раз ознаменовало наступление эпохи господства авиации [Morrow, 2009].

Российскому обществу было трудно игнорировать тот факт, что мировая авиационная промышленность стремительно развивалась. После поражения в русско-японской войне великий князь Александр Михайлович возглавил Особый комитет по флоту, который восстанавливал флот за счет общественных пожертвований. В 1910 г. при подведении итогов работы Особого комитета у него оставалось 880 тыс. руб. [Лебедев, 2011]. Великий князь предложил направить эти средства на создание Военно-воздушных сил России, подчеркнув: «Все страны вступили в век авиации, и темпы ее развития

трудно поддаются оценке. Управляемые самолеты станут новым боевым средством в недалеком будущем... Авиапромышленность России только что началась, и нам надо ускорить темпы, чтобы не впасть снова в пассивность из-за недостаточного вооружения. В будущих войнах без авиации победить невозможно» [Россия в XVIII – XX веках ... , 2017, с. 28].

В то же время газеты и журналы также стали подчеркивать значение авиации для военных. Статья неизвестного автора под названием «Военное применение аэропланов» была опубликована в газете «Русский инвалид». В статье выдвигалась концепция «борьбы за господство в воздухе» и указывалось, что для достижения этой цели необходимо создание специальных истребителей. Автор статьи видел основу воздушного боя и указывал на его неизбежность. Либеральная газета «Речь» в своем обзоре военных событий за истекший год 1 января 1908 г. язвительно отозвалась: «На Западе везде летают на самолетах, а у нас только что придумали создать комитет...» [Цит. по: Higham, 2019, р. 47].

В условиях стремительного развития европейской авиации, с одной стороны, и революционного брожения внутри страны, с другой, царский режим пришел к заключению, что традиционное преимущество географической глубины исчезло, и каждая трещина в технологической отсталости может стать

причиной поражения империи. Это чувство срочности способствовало модернизации авиастроения, вопрос из технического стал основным для национальной безопасности, что в конечном итоге породило институциональный ответ авиационной промышленности в 1910 г. Это было необходимо не только для борьбы с новыми угрозами, но и являлось отчаянной попыткой восстановить старое достоинство.

Брожение общественного мнения в сочетании с тревогой предыдущих военных неудач и геополитическими кризисами безопасности привели царское правительство к началу принятия институциональных мер для разрешения вопроса. Создание официальных учреждений в военной авиации в поздней императорской России совпало с военными реформами 1910 г. Одной из первоначальных мер реформы стал план создания в России военного авиационного флота. Но план включал больше дирижаблей, а не самолетов. Только осенью 1910 г. военное министерство начало осознавать необходимость освоения авиационной техники, и директор ГИУ представил военному министру проект плана создания авиационных служб в качестве дополнения к вышеупомянутому плану [Павлович, 1999].

Создание военных авиационных сил неизбежно сопровождалось формированием бюрократических организаций – это означало, что развитие авиационной промышлен-

ности начало переходить от стихийного частного к государственному развитию. С 1910 по 1914 гг. официальное руководство военной авиационной промышленностью несколько раз менялось. В 1910 г. в ГИУ был создан авиационный отдел для «правильной организации и общего управления авиацией армии». [Россия в XVIII – XX веках ... , 2017, с. 32]. В 1911 г. Россия организовала военные учения с участием авиационных сил. Результаты учений подтвердили разведывательные возможности самолетов, что привело военное руководство к решению прекратить инвестиции в дирижабли и вместо этого инвестировать в самолеты, что было одобрено Николаем II. Основываясь на этом изменении, военное министерство посчитало, что авиационные дела должны быть переданы из ГИУ в главное управление Генерального штаба (*далее ГУГШ*). В докладе Николаю II отмечалось, что все вопросы, связанные с авиацией, в настоящее время находятся в ведении ГИУ, но такое положение дел уже не подходит для текущей ситуации [Елисеев, 2006]. Военное ведомство считало, что ГИУ ограничено по своей природе как технический отдел и будет выдвигать на первый план технические вопросы при создании авиационных сил. Однако целью создания авиационных сил в данный момент было обслуживание армии. Поэтому военное ведомство предложило, чтобы подготовка военных летчи-

ков и эксплуатация авиационных сил в армии управлялись одним и тем же центральным органом – ГУГШ. В ГУГШ создали Авиационный отдел, который был разделен на два отделения, отвечавших соответственно за подготовку летчиков и техническое снабжение авиационных сил.

Дальнейшее развитие русской военной авиации происходило параллельно с проведением военной реформы. В 1913 г. Николай II утвердил схему укрепления русской армии, которая включала в себя общий план содействия развитию авиации. Согласно этому плану, военное министерство реорганизовало ГИУ в Главное военнотехническое управление (далее ГВТУ) и планировало создать авиационный отдел, который отвечал бы за закупку и снабжение материалами авиационных частей. Кроме того, ГВТУ также создало технический комитет, который отвечал за ряд технических областей, включая развитие авиационной техники. Поэтому до Первой мировой войны официальными органами управления русской военной авиацией были в основном ГУГШ и ГВТУ при военном министерстве.

Эта институциональная реформа следовала традиционному пути русской бюрократии. Два официальных агентства отвечали за разные аспекты, но на практике они имели пересекающиеся полномочия и неясные обязанности. В 1913 г. военное министерство разделило

обязанности, оставив организационные функции ГУГШ и передав техническую и учебную работу ГВТУ. Частая передача и отсутствие сотрудничества между различными штабами повлияли на развитие авиационной техники. Отсутствие сотрудничества между ГУГШ и ГВТУ сделало невозможным создание хорошо спланированной системы управления авиацией. Например, разработанный в 1913 г. ГУГШ «План создания 63 авиационных отрядов» был отложен из-за неясности в распределении полномочий между ведомствами и был утвержден лишь в июне 1914 г., когда было уже слишком поздно.

Несмотря на это формирование официальных институтов обеспечило институциональную поддержку развития военной авиации. Столкнувшись с быстрым ростом воздушной мощи европейских держав, царскому правительству необходимо было завершить строительство авиационных сил в течение ограниченного периода. Это потребовало от государственного аппарата осуществления глубокого вмешательства посредством политического руководства и распределения ресурсов. Основное внимание в работе авиационного департамента уделялось завершению реформы военной авиации, проводимой с 1910 г., и созданию авиационных сил. Основные текущие задачи включали два аспекта: первый – создание полной системы

производства авиационного оборудования в России, а второй – подготовка достаточного количества профессиональных авиационно-технических кадров.

На основании анализа ряда документов можно утверждать, что если бы правительство не стало размещать заказы на авиационную технику внутри страны, то авиационная промышленность в Российской империи так и не получила бы своего развития [Попов, 2016].

Русско-Балтийский вагонный завод (*далее РБВЗ*) 19 июня 1910 г. подал заявку на включение в систему военных закупок. За ним последовало Первое российское товарищество воздухоплавания (*далее ПРТВ*), которое фактически было первым заводом в России по производству самолетов. 26 октября 1911 г. ПРТВ написало правительству, возражая против заказа на 12 самолетов «Блерио» иностранной компании, настаивая на том, что ПРТВ вполне способно производить их самостоятельно. 19 ноября правительство ответило компании, заявив, что самолет «Блерио» должен быть произведен французской компанией из-за его сложности, но выделило военные заказы ПРТВ: 6 самолетов «Фарман» и 2 самолета «Блерио».

Военное ведомство обосновывало свою позицию по вопросу авиационного производства следующим образом: «Военное ведомство принимает все меры к тому, чтобы по возможности все заказы по обеспечению боевой

готовности нашей армии производились в России, если только это явно не идет в ущерб качествам аппаратов, обеспечивающих эту готовность» [Ганелин, 2004, с. 395-396]. В июле 1912 г. правительство приняло окончательное решение о размещении крупного заказа на 155 самолетов «Ньюпор» у российских производителей: Первое российское товарищество воздухоплавания – 59 самолетов; Завод «Дукс» – 59 самолетов; Русско-Балтийский вагонный завод – 37 самолетов.

Однако объемы военных заказов постепенно снижались в 1913–1914 гг. В данный период количество русских самолетов в целом не сильно отличалось от показателей конца 1912 г. Это было связано с переоценкой Россией собственной авиационной мощи. В докладе от мая 1913 г. ГУГШ сравнил авиационную мощь России с авиацией других стран и пришел к выводу, что «за исключением Австрии, мы теперь даже сильнее Германии в авиации и занимаем второе место после Франции» [Попов, 2016, с. 223]. После вступления России в Первую мировую войну стало очевидно, что в этом докладе авиационную мощь России явно переоценивали.

Перед Первой мировой войной основные производственные мощности российской авиационной промышленности были сосредоточены на пяти предприятиях: Русско-Балтийский вагонный завод (РБВЗ), Первое российское товари-

щество воздухоплавания (ПРТВ), Московский завод «Дукс», завод «Анатра» и завод Щетинина. Из-за низкого уровня экономического развития России спрос на гражданскую авиацию практически отсутствовал, поэтому эти заводы почти полностью зависели от военных заказов.

Наиболее эффективно с заказом на самолеты от января 1912 г. справилось ПРТВ, сумевшее завершить работы на два месяца раньше срока. Остальные предприятия также выполнили контракты в срок. Однако ситуация с контрактом на самолеты «Ньюпор» была сложнее. Весной 1913 г. ПРТВ обратилось в ГУГШ с просьбой о переносе сроков выполнения заказа. В письме указывалось, что главной причиной задержки стал недостаток финансирования, что привело к почти годовой задержке исполнения контракта.

Проблемы, возникшие в ПРТВ, были широко распространены и на других заводах. Государство могло предоставлять военные заказы заводам, но заводы должны были иметь финансовые средства для их выполнения. Если взять в качестве примера ПРТВ, то эта компания очень хорошо справилась с заказами в январе 1912 г., но заказы в июле были задержаны на год. Главной причиной было то, что ПРТВ получила аванс от военного министерства по январскому контракту, которого было достаточно для начала работ, но ПРТВ не получила аванс по июльскому заказу.

Разница была в том, что аванс в январе составил всего 23 000 рублей, которые компания могла получить, заложив недвижимость и заводское имущество, но аванс в июле составил целых 330 000 рублей. Активов компании было недостаточно, чтобы гарантировать неустойку и размер аванса. Военное министерство отказало в кредитовании из-за ограничений Уложения о воинских уставах 1869 г. Эта законодательная жесткость вынудила предприятие обратиться к частному капиталу, что привело к резкому росту непроизводительных издержек. Аналогичные ситуации возникли на РБВЗ и заводе Щетинина, которые также работали без достаточного количества оборотных средств.

Недостаток оборотных средств был особенно напряженным в течение всего предвоенного периода, что часто приводило к задержкам в исполнении контрактов. Очевидно, что в то время авиационная промышленность России полностью зависела от инвестиций, ощущалась не только нехватка средств, но и отсутствовала законодательная база для выделения государственных ассигнований заводам, что увеличивало сроки производства и строительства, приводило к задержкам в исполнении контрактов и замедляло процесс модернизации армии.

Кроме того, отсутствие собственных технологий в области двигателестроения являлось постоянной проблемой для России как в

предвоенный период, так и во время войны. С самого начала развития авиационной промышленности Россия зависела от французских заводов в вопросах двигателестроения, вплоть до 1913 г., когда в Москве начал работу первый отечественный завод по производству авиадвигателей. Однако из-за нехватки квалифицированных инженеров и опытных рабочих, а также из-за того, что военное министерство фактически не уделяло должного внимания двигателестроению, Россия не смогла организовать серьезные исследовательские и конструкторские работы. Военное министерство всегда считало, что в вопросах двигателестроения можно полагаться на Францию, но с началом войны все грузы, направляемые из Франции в Россию, столкнулись с трудностями транспортировки. Из огромного количества авиадвигателей, заказанных Россией во Франции, до России доходила примерно треть.

Авиационная промышленность в поздней имперской России будто бы опиралась на «государственную поддержку», но на самом деле она была зажата во внутренних разногласиях бюрократии. Распределение военных заказов зависело от политических игр: военное министерство предпочитало комплексные предприятия (например, завод «Дукс», производивший велосипеды), в то время как ГУГШ выступал за поддержку профессиональных авиационных заводов. Права управления

неоднократно перераспределялись между ГИУ, ГУГШ и ГВТУ, что приводило к деловым разрывам отношений во внешней политике.

Второй задачей военного ведомства по развитию авиации являлась подготовка достаточного количества профессиональных авиационных специалистов [Попов, 2016]. Первым учебным заведением по подготовке летчиков стало временное авиационное отделение Офицерской аэронавигационной школы, которое было создано в 1910 г. «Особый комитет по усилению военного флота», существовавший с 1904 г., в 1910 г. по инициативе великого князя Александра Михайловича создал при комитете новое авиационное отделение. Целью авиационного отделения являлась «подготовка офицеров и другого личного состава к управлению тяжелыми самолетами и снабжение их полным оборудованием и снаряжением для снабжения воздушного флота» [Попов, 2016, с. 240]. Впоследствии в Севастополе была создана офицерская авиационная школа, которая образовала «государственно-частную дуальную» модель с официальной Гатчинской авиационной школой.

Дуальная система заполнила нехватку пилотов в краткосрочной перспективе, однако, глубоко укоренившиеся проблемы подготовки технических кадров так и не были решены. Хотя военное ведомство открыло курсы теории авиации в Санкт-Петербургском политехниче-

ском институте (1911) и Московском императорском техническом училище (1914), оно «... не смогло создать систему образования, которая связывала бы академические исследования, инженерное проектирование и практическую эксплуатацию» [Tkachuk, 2022, р. 403]. Это привело к *двум серьезным последствиям*: *во-первых*, авиационные инженеры в значительной степени полагались на французскую и немецкую техническую литературу для подражания и не имели независимых инновационных возможностей; *во-вторых*, низовые должности механиков и техников долгое время занимали рабочие, которые не проходили систематического обучения, что напрямую приводило к низкой эффективности обслуживания оборудования в военное время.

После выявления институциональных недостатков и технических трудностей необходимо было, чтобы правительство смогло воодушевить общественность для развития авиационной промышленности, используя авиационный национализм, идеологическую конструкцию, которая связывала бы авиацию с судьбой страны. Благодаря обсуждениям в СМИ, мобилизации элиты и участию общественности авиационная промышленность вышла за рамки технологий и стала символом возрождения империи.

Всероссийский авиационный праздник проходил в Санкт-Петербурге с 8 сентября по 1 октября 1910 г. В газете «Новости» в те-

чение всего периода проведения праздника ежедневно публиковались материалы, занимавшие от четверти до половины газетной полосы. Без сомнения, можно увидеть насколько серьезно правительство относилось к этому событию, оно осознавало значимость авиации в будущих войнах [Сафаев, 2017].

Еще более символична политизация правительством трагических событий. Во время авиационного праздника 7 октября 1910 г. погиб пилот Л. М. Мациевич. Правительство устроило похороны Мациевича, которые вышли далеко за рамки его статуса, и широко осветило подвиги пилота. Одна из газет заявила, что русский народ сплотила «общая скорбь страны», и отметила, что смерть Мациевича «объединила людей разного статуса и социального положения, заставив российское общество временно забыть о различиях, разделявших страну» [Scott, 1995, р. 215]. Эти похороны отразили взгляд правительства на авиацию как на средство для пробуждения патриотического энтузиазма и временного устранения этнических конфликтов и национальных разногласий. Сублимируя индивидуальные трагедии в эмоциональные связи «национального сообщества», правящая элита успешно превратила авиацию в символ межклассовой идентичности.

Траектория развития авиационной промышленности в поздней имперской России показывает, что государственно-ориентированная

модель имеет краткосрочные преимущества в концентрации ресурсов для инициирования индустриализации, но присущая ей институциональная инерция и дефекты управления в конечном итоге дают обратный эффект. Бюрократические внутренние трения нивелировали эффективность политики, финансовые оковы подавили корпоративную жизнеспособность, а технологическая зависимость создала скрытые опасности во время войны. Когда в 1914 г. началась война, все противоречия этой модели проявились – государство не смогло ни предоставить достаточное количество передовых истребителей, ни поддерживать устойчивость промышленной мобилизации.

Заключение

Развитие авиационной промышленности в поздней императорской России стало ключевым поворотным моментом в истории русской авиации. Это была как попытка модернизации под руководством государства, так и микрокосм столкновения старой системы и новых технологий. Императорская российская авиационная промышленность была не результатом естественной эволюции, а прямым продуктом геополитического кризиса безопасности. Применение аэропланов в русско-японской войне выявило недостатки традиционных методов разведки, побудив ГИУ выдвинуть идею расширения авиационных сил. Угроза немецкого

дирижабля «Цеппелин» в 1908 г. и подвиг французского «Блерио», перелетевшего через Ла-Манш в 1909 г., еще больше укрепили восприятие того, что господство в воздухе определяет будущие войны. Достижения авиации на Западе подтолкнули развитие авиационной промышленности от спонтанных гражданских инициатив к государственному военному проектированию. ГИУ (ГВТУ) и ГУГШ обеспечили институциональные гарантии для авиационной промышленности, хотя это было неэффективно из-за бюрократических внутренних трений.

Несмотря на непреодолимые институциональные недостатки, российская авиационная промышленность все же достигла относительно хороших результатов к началу Первой мировой войны, имея от 224 до 263 самолетов [Kilmarx, 1963].

Но это численное преимущество вскоре исчезло в ходе сражений, а недостаточные производственные мощности и технические проблемы отечественной авиационной промышленности России полностью проявились во время войны. Генерал-майор В. Г. Баранов, ведущая фигура в авиационном ведомстве, позднее указывал, что хотя показатель производства самолетов в 1916 г. составлял 1 769, за тот же период было выпущено всего около 666 двигателей [Цит. по: Higham, 2019]. В целом, российская авиационная промышленность была про-

сто не в состоянии обеспечить производство самолетов, двигателей и деталей, необходимых для поддер-

жания конкурентоспособности российских ВВС.

Библиографический список

1. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 год. Приложение 4. Отчет Главного инженерного управления. Санкт-Петербург : [Б. и.], 1908. 1250 с.
2. Ганелин Р. Ш. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900-1963: Док. и материалы. Т. 1. Военная промышленность России в начале XX века 1900-1917. Москва : Новый хронограф, 2004. 832 с.
3. Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. Москва : Наука, 1995. 496 с.
4. Елисеев С. П. Создание организационной структуры авиационной службы русской армии // Военно-исторический журнал. 2006. №6. С. 15–29.
5. Крейсон П. Из воспоминаний о боевой деятельности 23-го корпусного авиационного отряда в империалистическую войну // Вестник воздушного флота. 1927. № 8-9. С. 7–10.
6. Лебедев В. Д. Вклад великого князя Александра Михайловича в развитие военно-морского флота и авиации России // Вестник архивиста. 2011. №2. С. 226–247.
7. Меньчуков Е. Воздушный флот в начале мировой войны на русско-германском фронте // Вестник воздушного флота. 1927. № 6. С. 3–6.
8. Павлович Е. С. Развитие организационной структуры и системы управления русской военной авиации, 1910-1917 гг. Москва, 1999. 279 с.
9. Попов А. М. Влияние внутривластных проблем государства на развитие авиации и авиационной промышленности России в 1909-1914 гг. // Экономическая история: ежегодник. 2016. Том 2014-15. С. 211–250.
10. Попова В. А. Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. Москва : Государственное издательство оборонной промышленности, 1956. 952 с.
11. Россия в XVIII – XX веках. Историко-культурные аспекты: сборник научных трудов. Москва : ГУУ, 2017. 119 с.
12. Русский инвалид. 1908. № 244. С. 6.
13. Русский инвалид. 1908. № 246. С. 5–6.
14. Русский инвалид. 1908. № 247. С. 5–6.
15. Сафаев А. Е. Всероссийский праздник воздухоплавания 1910 г. По материалам российских газет. // Военная история России XIX–XX веков. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 270–287.
16. Свечин А. Об организации боевой авиации // Вестник воздушного флота. 1923. № 2. С. 13–15.
17. Higham R., Kipp J. W. Soviet aviation and air power: A historical view. New York: Routledge, 2019. 548 p.
18. Jeremy Black. Air power: a global history. Maryland: Rowman & Littlefield, 2016. 385 p.

19. Morrow J. H. The great war in the air: military aviation from 1909 to 1921. Alabama: University of Alabama Press, 2009. 519 p.
20. Robert A. Kilmarx. The russian imperial air forces of World war I // The Air Power Historian. 1963. P. 90–95.
21. Scott W. P. On wings of courage: public 'air-mindedness' and national identity in late imperial Russia // The Russian Review. 1995. P. 209–226.
22. Tkachuk P., Kharuk A., Soliar I. Russian aviation industry and First world war challenges // History of science and technology. 2022. 403 p.

Reference list

1. Vsepoddannejšiĭ otchet o dejstviih Voennogo ministerstva za 1906 god. Prilozhenie 4. Otchet Glavnogo inzhenerenogo upravlenija = He most comprehensive report on the actions of the Ministry of War for 1906. Appendix 4. General Engineering Office report. Sankt-Peterburg : [B. i.], 1908. 1250 s.
2. Ganelin R. Sh. Istorija sozdaniia i razvitiia oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii i SSSR. 1900–1963: Dok. i materialy. T. 1. Voennaja promyshlennost' Rossii v nachale XX veka 1900–1917 = The history on creating and development of the military-industrial complex of Russia and the USSR. 1900–1963: Doc. and materials. VOL. 1. Military industry of Russia at the beginning of the XX century 1900-1917. Moskva : Novyj hronograf, 2004. 832 s.
3. Duz' P. D. Istorija vozduhoplavanija i aviacii v Rossii = History of aeronautics and aviation in Russia Moskva : Nauka, 1995. 496 s.
4. Eliseev S. P. Sozdanie organizacionnoj struktury aviacionnoj sluzhby russkoj armii = Creating the organizational structure of the aviation service in the Russian army // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2006. №6. S. 15–29.
5. Kreĭson P. Iz vospominanii o boevoi dejatel'nosti 23-go korpusnogo aviacionnogo otrjada v imperialisticheskiju voĭnu = From memories of the combat activities of the 23rd corps aviation detachment in the imperialist war // Vestnik vozdushnogo flota. 1927. № 8–9. S. 7–10.
6. Lebedev V. D. Vklad velikogo knjazja Aleksandra Mihaĭlovicha v razvitie voenno-morskogo flota i aviacii Rossii = The contribution of Grand Duke Alexander Mikhailovich to the Russian Navy and aviation development // Vestnik arhivista. 2011. №2. S. 226–247.
7. Men'chukov E. Vozdushnyĭ flot v nachale mirovoi voĭny na russko-germanskom fronte = Air fleet at the beginning of the World War on the Russian-German front // Vestnik vozdushnogo flota. 1927. № 6. S. 3–6.
8. Pavlovich E. S. Razvitie organizacionnoj struktury i sistemy upravlenija russkoj voennoj aviacii, 1910-1917 gg. = Development of the organizational structure and management system of Russian military aviation, 1910–1917. Moskva, 1999. 279 c.
9. Popov A. M. Vlijanie vnutripoliticheskikh problem gosudarstva na razvitie aviacii i aviacionnoj promyshlennosti Rossii v 1909–1914 gg. = The influence of domestic political problems of the state on aviation and aviation industry development in Russia in 1909-1914 // Jekonomicheskaja istorija: ezhegodnik. 2016. Tom 2014–15. S. 211–250.
10. Popova V. A. Vozduhoplavanie i aviacija v Rossii do 1907 g. = Aeronautics and aviation in Russia until 1907 Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo oboronnoj promyshlennosti, 1956. 952 s.

11. Rossiya v XVIII – XX vekah. Istoriko-kul'turnye aspekty = Russia in the XVIII-XX centuries. Historical and cultural aspects: sbornik nauchnyh trudov. Moskva : GUU, 2017. 119 s.
12. Russkij invalid = Russian invalid. 1908. № 244. S. 6.
13. Russkij invalid = Russian invalid. 1908. № 246. S. 5–6.
14. Russkij invalid = Russian invalid. 1908. № 247. S. 5–6.
15. Safaev A. E. Vserossijskij prazdnik vozduhoplavanija 1910 g. Po materialam rossijskih gazet = All-Russian aeronautics festival 1910. Based on materials from Russian newspapers // Voennaja istorija Rossii XIX–XX vekov. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyshlennyh tehnologij i dizajna, 2017. S. 270–287.
16. Svechin A. Ob organizacii boevoj aviacii = On the organization of combat aviation // Vestnik vozdushnogo flota. 1923. № 2. S. 13–15.
17. Higham R., Kipp J. W. Soviet aviation and air power: A historical view. New York: Routledge, 2019. 548 p.
18. Jeremy Black. Air power: a global history. Maryland: Rowman & Littlefield, 2016. 385 p.
19. Morrow J. H. The great war in the air: military aviation from 1909 to 1921. Alabama: University of Alabama Press, 2009. 519 p.
20. Robert A. Kilmarx. The russian imperial air forces of World war I // The Air Power Historian. 1963. P. 90–95.
21. Scott W. P. On wings of courage: public 'air-mindedness' and national identity in late imperial Russia // The Russian Review. 1995. P. 209–226.
22. Tkachuk P., Kharuk A., Soliar I. Russian aviation industry and First world war challenges // History of science and technology. 2022. 403 p.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.
The article was submitted on 24.03.2025; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья
УДК 947(57.63)"199"
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-126
EDN: FEDWVB

**Проблема изменения конституционно-правового статуса
Приморского края и концепт «Республики Приморье»
в региональном политическом дискурсе начала 1990-х гг.**

Николай Степанович Воронцов

Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток
nsv91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2755-3804>

Аннотация. Статья посвящена проблеме изменения конституционно-правового статуса Приморского края в период политических трансформаций и разработки новой модели федеративного устройства России в начале 1990-х гг. Автором исследованы причины и предпосылки появления в регионе движения за повышение статуса Приморья как субъекта Российской Федерации и наделения региона правами республики в составе России. Выявлены основные акторы данного процесса в лице группы депутатов Приморского краевого Совета. Изучены идейные основания «республиканской» платформы, ключевые программные положения сторонников изменения статуса региона, которые легли в основу проекта Декларации о статусе Приморского края. Автором на основе архивных документов и материалов региональной периодической печати проанализирован ход дискуссии на сессии краевого Совета с участием исполнительной власти при рассмотрении в июле 1993 г. вопроса о принятии Декларации и возможных последствиях данной акции. Обозначенные процессы исследованы в контексте общероссийской дискуссии о достижении краями и областями равных прав с национальными республиками, участия регионов в работе Конституционной комиссии. Показано, что региональный фактор сыграл существенную роль в политической трансформации России и закреплении в новой Конституции равных прав всех субъектов Федерации. Проанализированы обстоятельства, помешавшие провозглашению Республики Приморье летом – осенью 1993 г. Автор приходит к заключению, что движение за изменение конституционно-правового статуса Приморья не носило сепаратистского характера и не добивалось отделения от России, представляя собой регионалистский проект. Главной целью нереализованного политического концепта Республики Приморье являлось приобретение дополнительных прав и полномочий, преодоление изъянов «асимметричной» федерации и привлечение внимания федерального центра к проблемам Приморья.

Ключевые слова: Приморский край; Дальний Восток; Конституционное совещание; субъекты Российской Федерации; политический кризис 1993 г.; федерализм; регионализм

Для цитирования: Воронцов Н. С. Проблема изменения конституционно-правового статуса Приморского края и концепт «Республики Приморье» в региональном политическом дискурсе начала 1990-х гг. // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 126–148. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-126>. <https://elibrary.ru/FEDWVB>.

Original article

The problem of changing the constitutional and legal status of Primorsky territory and the concept of the “Republic of Primorye” in the regional political discourse of the early 1990s

Nikolay S. Vorontsov

Candidate of historical sciences, researcher, department of socio-political research, Institute of history, archaeology and ethnology of the peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

nsv91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2755-3804>

Abstract. The article is devoted to the problem of changing the constitutional and legal status of Primorsky Territory during the period of political transformations and the development of a new model of the federal structure of Russia in the early 1990s. The author has studied the prerequisites for the emergence of a movement in the region to enhance the status of Primorye as a subject of the Russian Federation and grant it the rights of a republic. The main actors of this process are identified in the person of a group of deputies of the Council of Primorsky Territory. The ideological foundations of the pro-republican platform, the key program provisions of the supporters of changing the status of the region, which formed the basis of the draft Declaration on the status of Primorsky Territory, are studied. The author, using archival documents and regional periodicals, analyzed the course of the discussion in July 1993 at a session of the regional Council with the participation of the executive branch when considering the issue of adopting the Declaration and the possible consequences of this action. All these processes are studied in the context of the all-russian discussion on the achievement of equal rights by the territories and regions with the national republics, as well as the participation of the regions in the work of the Constitutional Commission. The author shows how the regional factor played a significant role in the political transformation of Russia and the consolidation of equal rights for all subjects of the Federation in the new Constitution. The circumstances that prevented the proclamation of the Republic of Primorye in the summer and fall of 1993 are analyzed. The author concludes that the movement to change the constitutional and legal status of Primorye was not separatist or secessionist and did not seek separation from Russia. It represented a regionalist project. The main goal of the unrealized political concept of the Republic of Primorye was the acquisition of additional rights and powers, overcoming the shortcomings of the “asymmetric” federation and attracting the attention of the federal center to the problems of the region.

Key words: Primorsky territory; Russian Far East; Constitutional Conference; Subjects of the Russian Federation; political crisis of 1993; federalism; regionalism

For citation: Vorontsov N. S. The problem of changing the constitutional and legal status of Primorsky territory and the concept of the “Republic of Primorye” in the regional political discourse of the early 1990s. *Social and political researches*. 2025;2(27): 126–148. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-126>. <https://elibrary.ru/FEDWVB>.

Введение

В новейшей истории России одной из актуальных и значимых проблем остается исследование эволюции региональной политики и развитие взаимоотношений между регионами и федеральным центром в первой половине 1990-х гг. Этот период оказался временем глубоких трансформационных процессов. Крушение советской национальной политики и пересмотр прежних форм управления территориями в годы перестройки обнажили глубокие противоречия внутри России, до этого в значительной степени скрытые под маской единой партийно-советской управленческой вертикали.

Возникшая необходимость выстраивания новых федеративных отношений в условиях политической нестабильности и неопределенности породила множество противоречий и конфликтов. Экономические, этнокультурные и исторические особенности отдельных регионов, ранее подчиненные общей идеологии, теперь приобрели огромное значение. Не только национальные республики и автономии России, но также многие края и области с русским этниче-

ским большинством, оказавшись в ситуации резкого экономического спада, обозначили свое стремление к большей самостоятельности.

Региональные органы власти, в первую очередь, областные и краевые Советы народных депутатов, искали способы защиты своих интересов от противоречивой и непродуманной, на их взгляд, политики федерального центра, стремясь получить дополнительные полномочия, экономические и налоговые преференции, возможность распоряжаться местными ресурсами. Если республики в составе России в начале 1990-х гг. добились соответствующих прав, то на края и области эти уступки не распространялись, что порождало феномен «асимметричной» федерации, создавало ощущение несправедливости и неравенства. В этих условиях характерной чертой регионального развития стала борьба за конституционное равноправие субъектов Российской Федерации, для достижения которого области и края России оказывали давление на федеральный центр [Осипов, 2019, с. 86]. Намерение повысить свой конституционно-правовой статус зачастую сопровождалось разра-

боткой собственных концепций регионального развития.

Не остался в стороне от идей регионализма и российский Дальний Восток. Будучи «окном» России в Тихий океан, обладая богатейшими природными ресурсами и уникальным геополитическим положением, он даже в более стабильные исторические периоды требовал особого внимания со стороны высшего руководства страны. Исторически этот макрорегион не имел устойчивых традиций собственной государственности. Исключение составил лишь краткий эпизод (1920–1922 гг.) существования Дальневосточной республики (ДВР) и нескольких антибольшевистских политических образований на заключительном этапе Гражданской войны. Тем не менее в годы перестройки, а также на начальном этапе формирования федеративных отношений в постсоветской России, в регионе возникло несколько проектов, в основе которых лежало стремление наделить Дальний Восток либо его часть политической субъектностью и большей самостоятельностью в составе федеративного государства.

Одним из них стала идея создания новой Дальневосточной республики в составе Российской Федерации – объединения всех либо большинства территорий Дальнего Востока от Арктики до границ с Китаем и Кореей [Воронцов, 2024а, с. 146]. Менее известным, но не менее значимым проявлением идей

регионализма являлась концепция Республики Приморье, возникшая в 1993 г. и предусматривавшая учреждение на территории Приморского края нового государственно-территориального образования, обладающего конституционно-правовым статусом республики в составе Российской Федерации.

Несмотря на интерес историков к анализу причин, побудивших часть региональной элиты обратиться к «республиканской» идее, движение за изменение конституционно-правового статуса Приморья ранее не рассматривалось как предмет специального исследования. Ограниченное внимание к вопросу генезиса приморского регионализма, его акторов и программных документов в историографическом контексте резко контрастирует с исследованием феномена Уральской республики, широко представленного в научной литературе [Камынин, 2022; Осипов, 2021]. Внимание исследователей, пусть и в меньшей степени, привлекали также иные регионы России, стремившиеся обрести статус республик [Витковская, 2021; Шашонков, 2021; Шевелев, 2021]. Стремление «неэтнических» регионов повысить свой статус рассматривалось в более широком контексте генезиса федерализма и регионализма в постсоветской России [Шевелев, 2023]. Так, И. К. Кирьянов и П. В. Панов, помимо исследования теоретических аспектов регионализма, провели анализ тра-

екторий его развития на примере трех областей: Архангельской, Калининградской и Свердловской [Кириянов, 2022; Панов, 2020]. В исследовании упоминался и Приморский край, которому для преобразования в республику, по мнению авторов, не хватило поддержки местного населения. Большинство историков-дальневосточников, специализирующихся на новейшей истории региона, либо обходили стороной данное явление, либо отмечали его как малозначительный эпизод, также констатируя, что концепт Республики Приморье не получил массовой поддержки со стороны жителей края [Буянов, 2001; Буянов, 2015; Ващук, 1996; Коваленко, 2021; Коняхина, 2008; Общество и власть ... , 2016; Троякова, 1996].

Таким образом, тему исследования можно охарактеризовать как малоизученную. Целью данного исследования является анализ обстоятельств возникновения «республиканских» настроений в Приморье, их генезиса с учетом как местной специфики, так и общероссийских процессов: заключения Федеративного договора и работы Конституционного совещания, борьбы за равноправие субъектов Федерации при разработке новой Конституции России, политических трансформаций конца 1993 г. Подлежат анализу и причины, обусловившие неудачу «республиканского» проекта в Приморье. Необходимо учитывать, что движение за

республику, не получив широкой поддержки, все же отражало стремление части региональной элиты и общества к самовыражению и самоорганизации. Важно также рассмотреть, какие уроки можно извлечь из этого опыта.

Методы исследования

В основу методологии исследования положены историко-генетический и сравнительный (контрастное и индивидуализирующее сравнение) методы с элементами историко-антропологического подхода. В статье на примере отдельного региона – Приморского края – рассматривается феномен регионализма в постсоветской России. Концептуально автор придерживается определения регионализма, данного И. К. Кирияновым и П. В. Пановым, и представляющего собой стремление к обретению регионом политической субъектности посредством продвижения проекта, в котором артикулировались и обосновывались основные требования: обретение автономного статуса, получение особых полномочий и возможности участвовать в принятии решений в одной из сфер политики, особенно чувствительной для данного региона.

Источниковая база исследования

Источниками по данной проблеме служат документы Государственного архива Приморского края: стенограммы сессий краевого Совета народных депутатов, протоколы заседаний малого Совета и

постоянных комиссий, политические заявления и публичные выступления представителей депутатского корпуса и администрации Приморского края. В этих документах отразились основные вехи общественной дискуссии о будущем Приморья, включая разработку и обсуждение Декларации о статусе Приморского края.

Другой важной группой источников являются материалы периодической печати Приморья, в первую очередь, публикации в многотиражных газетах «Утро России» и «Красное знамя», освещавших ход дискуссии. Меняющийся тон и содержание газетных статей в течение 1993 г. демонстрируют эволюцию общественных настроений и политической позиции важнейших участников процесса – депутатов краевого Совета, а также должностных лиц администрации Приморского края.

Результаты исследования

Подъем регионализма на прострaнстве РСФСР, наблюдавшийся еще до распада Советского Союза, стал активно проявляться в первые постсоветские годы, став в некоторых краях и областях России заметным политическим фактором. Регионализм обретал разнообразные формы, порой соперничавшие друг с другом. Одним из его векторов стало движение за создание крупных межрегиональных ассоциаций, объединявших соседние регионы [Шашонков, 2020, с. 48-49]. Эти ассоциации, возникшие в

1990–1991 гг., нередко рассматривались как фундаменты для формирования будущих республик в составе России (Дальневосточной, Сибирской, «большой» Уральской и т. д.), примерно соответствовавших по размерам экономическим районам РСФСР [Из истории создания Конституции ... , 2008, с. 351].

Примечательно, что подобные инициативы некоторое время поддерживались политиками общесоюзного и общероссийского масштаба. Еще летом 1989 г. в Политбюро ЦК КПСС обсуждались предложения по «разгрузке» РСФСР и созданию нескольких самоуправляемых экономических районов, наделенных равными с союзными республиками правами в хозяйственных вопросах. Апробацию новой модели предлагалось осуществить в Дальневосточном экономическом районе. Идея создания «семи русских республик» присутствовала и в некоторых редакциях политической программы Б. Н. Ельцина в 1989–1990 гг. [Воронцов, 2024а, с. 142–143].

Результатом данного вектора развития регионализма стало создание Дальневосточной ассоциации Советов народных депутатов 11 августа 1990 г., объединившей Якутскую АССР, Приморский и Хабаровский (включая Еврейскую автономную область) края, Амурскую, Камчатскую, Магаданскую (включая Чукотский автономный округ) и Сахалинскую области

(*Красное знамя. 1990. 16 августа. С. 1*). Именно на базе данного межрегионального объединения ряд политических лидеров дальневосточных регионов, в том числе председатель Приморского краевого Совета А. А. Волынцев, предлагали в будущем образовать Дальневосточную республику в составе РСФСР (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 49*).

Однако вскоре и союзные, и российские политики сделали ставку не на формирование новых республик на базе экономических районов, а на политический торг с национальными образованиями в составе РСФСР. Союзный центр завлекал автономии возможностью участвовать в заключении нового союзного договора, российский центр не препятствовал принятию ими собственных деклараций о суверенитете. Что же касается краев и областей России, то знаменитый призыв Б. Н. Ельцина брать столько суверенитета, «сколько сможете проглотить», на них не распространялся. Однако возможность самостоятельно распоряжаться ресурсами, недрами, налогами и пошлинами оказалась весьма привлекательной. В этих условиях на передний план вышел второй вектор развития регионализма – концепция суверенитета отдельных территорий России, включая края и области.

Идея предоставления Приморскому краю особого статуса, позволявшего выйти за рамки привычной модели управления, была озвучена

ещё в сентябре 1990 г. во время рассмотрения в краевом Совете концепции создания зоны свободного предпринимательства. Один из вариантов, предложенный заместителем председателя крайисполкома В. К. Лозовым и депутатом краевого Совета Ю. Г. Диденко, предполагал распространение режима свободной зоны на всю территорию края. Предложение выходило далеко за рамки экономических вопросов. Разработчики проекта желали наделить краевые органы власти и управления обширными полномочиями: принимать акты, имеющие на территории Приморья силу закона, самостоятельно определять структуру и численность правоохранительных органов и таможенной службы, устанавливать порядок взимания налогов и отчислений в республиканский и союзный бюджеты, открывать зарубежные представительства (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 28-29*). При обсуждении проекта положения о зоне свободного предпринимательства в краевом Совете 14 сентября 1990 г. депутат А. А. Исаев предложил дополнительно предоставить Совету право приостанавливать действие союзных и республиканских законов, если депутаты сочтут их противоречащими интересам Приморья и задачам развития свободного предпринимательства в регионе (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 35*). Хотя данная инициатива осталась нереализованной, она

наглядно иллюстрирует стремление краевых депутатов к поиску новых форм взаимодействия с центром.

В тот момент идея наделения особым статусом краев и областей не была поддержана руководством России. Более того, в 1991–1992 гг. были предприняты определенные шаги, направленные на ограничение их самостоятельности. Так, осенью 1991 г. произошло усиление исполнительной вертикали – вместо исполкомов, подотчетных Советам, были образованы администрации областей и краев, главы которых назначались Президентом России по представлению Советов [Воронцов, 2024б, с. 120]. На практике Б. Н. Ельцин мог «забыть» согласовать назначение с региональными депутатами. Так, первый глава администрации Приморского края В. С. Кузнецов был назначен на должность без предварительного обсуждения его кандидатуры в краевом Совете, что вызвало недовольство депутатов (*Красное знамя*. 1991. 20-22 декабря. С. 2).

В начале 1992 г. в регионах наблюдалось растущее недовольство политикой федерального центра [Мельник, 2023, с. 41]. Помимо критики экономической программы Правительства России, со стороны краев и областей стали раздаваться голоса в поддержку равных прав с национальными республиками. В Приморском крае стремление к изменению существующего статуса отчётливо проявилось на заседании малого Совета 11–12 марта 1992 г.,

когда председатель краевого Совета народных депутатов Д. Н. Григорович усомнился в способности российского руководства учитывать интересы региона и откровенно охарактеризовал политику федерального центра как колониальную. «Что изменилось? – рассуждал он, приходя к неутешительному выводу, – Был союзный центр, стал центр республиканский. Сегодня нам диктуется всё: диктуются цены, диктуются ставки, диктуются налоги, валютные курсы, диктуются цены, номенклатура товаров». Д. Н. Григорович озвучил основные требования краевого Совета: «Дать нам самостоятельность в двух позициях. Первое – это край как субъект федерации и второе – право на пользование природными ресурсами, которые у нас есть» (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1413. С. 50*).

В октябре 1992 г., когда в Приморье работала специальная комиссия Верховного Совета России во главе с заведующим отделом по вопросам социально-экономического развития Б. М. Исаевым, депутаты Приморского краевого Совета В. А. Бутаков, Ю. Г. Рыбалкин, Ю. Г. Морозов, А. Н. Новосёлов, В. П. Шкрабов и К. Л. Исакович предложили российским депутатам принять специальный закон «О статусе Приморского края» (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1440. Л. 31*). Они добивались равноправия субъектов, а также расширения полномочий края в регулировании таможенных пошлин

и добычи природных ресурсов, выдаче лицензий на экспорт, определении порядка въезда и проживания иностранных граждан и т. д. 23 марта 1993 г. краевой Совет вновь поднял вопрос о том, что для обеспечения равенства субъектов Федерации «ни Верховный Совет, ни Правительство, кроме обещаний, никаких мер не принимают» (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1440. Л. 32). Затягивание обсуждения законопроекта «О статусе Приморского края», необходимость ревизии Федеративного договора, а также продолжавшийся системный кризис, переходивший в открытое противостояние Президента и Съезда народных депутатов, подталкивали приморских депутатов к более решительным шагам.

В конце марта 1993 г. группа депутатов краевого Совета объявила о создании фракции «Республика Приморье». На момент своего основания фракция состояла из всего восьми депутатов и терялась на фоне общего состава Совета, превышавшего две сотни человек. (Красное знамя. 1993. 20 марта. С. 1). Однако, несмотря на свою малочисленность, фракция смогла объединить под своим крылом известных и энергичных деятелей, принадлежавших к демократическому лагерю, сформировавшемуся в период Перестройки.

Среди основателей фракции выделялись депутаты А. А. Заболотников, И. К. Гринченко и А. А. Исаев, каждый из которых внес заметный

вклад в политическую жизнь региона. А. А. Заболотников ранее возглавлял Дальневосточную республиканскую партию свободы, выступавшую за создание Дальневосточной республики (*Дальневосточный учёный. 1990. 26 сентября – 2 октября. С. 2*). В свою очередь, И. К. Гринченко, основатель приморского отделения Социал-демократической партии России (*Утро России. 1991. 20 марта. С. 2*), проявил себя в законотворчестве, став одним из разработчиков проекта Устава Приморского края и автором ключевых программных документов приморских регионалистов (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1424. Л. 20). Важно отметить, что члены фракции «Республика Приморье» не ставили перед собой задачу отделения Приморского края от Российской Федерации, изначально дистанцируясь от сепаратистских наклонностей. Их главной целью являлось обретение Приморьем статуса республики в составе России (*Красное знамя. 1993. 20 марта. С. 1*).

Весна и лето 1993 г. ознаменовались напряженной работой депутатов – членов фракции «Республика Приморье» над документом, который должен был формализовать стремление Приморского края к изменению статуса. Этот документ получил наименование «Декларация о статусе Приморского края». Стимулом, побудившим краевой Совет к разработке Декларации, стала развернувшаяся дискуссия в период подготовки и открытия Конститу-

ционного совещания [Осипов, 2019, с. 89]. Край и области, преимущественно русские этническому составу населения, стремились добиться реального равноправия с национальными республиками и закрепления данной нормы в Конституции России [Горохов, 2016, с. 66; Шевелев, 2021, с. 101].

Так, 25 апреля 1993 г., одновременно с проведением Всероссийского референдума, целый ряд регионов организовал опросы жителей (в Вологодской области – областной референдум) [Матлин, 2024, с. 187; Шашонков, 2021, с. 387]. Формулировка вопроса могла незначительно различаться: в Санкт-Петербурге: «Согласны ли Вы с тем, что Санкт-Петербург как субъект Российской Федерации должен иметь такие же полномочия, как республики в составе Российской Федерации?», в Вологодской области: «Считаете ли Вы, что край и области, в том числе Вологодская область должны иметь равные конституционные права с республиками, входящими в Российскую Федерацию?», в Свердловской области: «Согласны ли Вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?». Однако во всех случаях вопрос отражал стремление региона к приобретению равного статуса с республиками. При этом не было даже намека на возможную сецессию – своё будущее регионы видели

только в составе России. По итогам опросов жители массово поддержали инициативу: в Санкт-Петербурге «за» проголосовало 75 % избирателей из числа принявших участие в голосовании

(*Санкт-Петербургские ведомости. 1993. 28 апреля. С. 1*), в Вологодской области – 88 % (*Красный Север. 1993. 30 апреля. С. 1*), в Свердловской области – 83 % (*Областная газета. 1993. 30 апреля. С. 1*).

14 мая 1993 г. Вологодский областной Совет принял решение, официально закрепившее итоги голосования, установив, что область, оставаясь неотъемлемой частью Российской Федерации, обладает статусом государственно-территориального субъекта и наделена всеми правами, аналогичными правам республик в составе России (*Красный Север. 1993. 1 июня. С. 1*). 1 июля 1993 г. Свердловский областной Совет принял Декларацию об изменении статуса Свердловской области, объявив о намерении создать Уральскую республику (*Областная газета. 1993. 6 июля. С. 1*). Подобные акции ожидались и в других регионах: от Сибири и Дальнего Востока до Европейского Севера и Юга России [Горохов, 2016, с. 66]. Все это позволяет рассматривать движение за изменение статуса Приморского края как специфическую, но неразрывную часть общероссийского процесса.

Однако было бы преувеличением воспринимать стремление к большей самостоятельности При-

морья исключительно как подражание другим регионам, вставшим на путь «республиканизации». Разработчики проекта Декларации о статусе Приморского края не просто адаптировали опыт других краев и областей, но и стремились учесть специфические условия Приморья. 5 июля 1993 г. вопрос будущей Декларации обсуждался на заседании малого Совета Приморского краевого Совета народных депутатов. По итогам было решено вынести на обсуждение XI сессии краевого Совета, намеченной на 6–8 июля, два проекта.

Первый проект был опубликован по инициативе И. К. Гринченко 6 июля в газете «Красное знамя». Он состоял из преамбулы и 14 пунктов. В преамбуле провозглашалось создание на территории Приморского края Республики Приморье – государственного образования, наделённого конституционно-правовым статусом республики в составе Российской Федерации. В 14 пунктах определялись границы суверенных прав Приморья, провозглашались права на владение, пользование и распоряжение всеми природными ресурсами на территории региона, на ведение внешнеэкономической деятельности, на представительство в органах государственной власти Российской Федерации. Гражданство республики получали все граждане России, постоянно проживающие в Приморье (*Красное знамя. 1993. 6 июля. С. 1*). Второй проект, по характеристике заместителя председателя краевого

Совета В. А. Бутакова, «тоже весьма радикальный», отличался лаконичностью (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1446. Л. 93*). В нем присутствовали положения, отражённые в преамбуле первого проекта, однако не упоминались особенности будущего устройства Республики Приморье. Оба варианта предусматривали проведение общекраевого референдума для закрепления нового статуса региона.

Накануне открытия XI сессии краевого Совета в газете «Красное знамя» появилось обращение группы депутатов, принимавших участие в разработке проекта Декларации: И. К. Гринченко, А. А. Заболотников, В. М. Ксензука, Г. Л. Силантьева, В. П. Шкрабов под заголовком «Наш край – не задворки России». В нём содержался призыв к депутатам и жителям Приморья сделать выбор: либо заявить о себе как о равноправном субъекте России, либо влачить судьбу «колониальных задворков» Центральной России и ее национальных республик (*Красное знамя. 1993. 6 июля. С. 1*).

Основная дискуссия и голосование по проекту Декларации состоялись в заключительный день работы сессии – 8 июля 1993 г. Основной автор первого проекта, И. К. Гринченко, упорно отстаивал свой вариант документа. Он решительно отвергал обвинения в сепаратизме, подчеркивая, что его предложения были направлены на укрепление единства России (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1446*).

Л. 27, 31). Его поддержала небольшая, но активная группа депутатов. Наиболее запоминающимся оказалось выступление В. П. Шкрабова, который с присущей ему экспрессией убеждал депутатов «не рассусоливать» вопрос о республике и брать инициативу в свои руки (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 50, 51). Впрочем, его призыв «порвать с колониальной зависимостью», не заявляя при этом о разрыве с федеральным центром, был встречен большинством депутатов без энтузиазма. Краевой Совет явно демонстрировал желание избежать потенциально опасной риторики.

Влияние на ход дискуссии оказала и позиция исполнительной власти. Слово попросил глава администрации Приморского края Е. И. Наздратенко. Поднявшись на трибуну, он озвучил заявление, поступившее в ночь с 7 на 8 июля от В. В. Костикова, пресс-секретаря Президента Российской Федерации. В нем говорилось, что Б. Н. Ельцин не поддерживает инициативы Свердловского и Вологодского областных Советов по преобразованию областей в республики (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 57). Затем Е. И. Наздратенко заверил депутатов, что выступает за единую и неделимую Россию, но не возражает против обсуждения Декларации о статусе Приморского края, при этом призвав не «торпедировать» страну. Он предложил депутатам внести в решение формулировку,

которая бы подчеркнула не столько желание создать республику, сколько требование прав и полномочий по управлению экономикой региона (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 61-62).

В депутатском корпусе сложилось несколько точек зрения: некоторые народные избранники выступали против использования термина «республика» в названии субъекта, но при этом поддерживали идею равноправия краев и областей. Депутаты В. В. Горчаков и В. А. Гильгенберг высказали опасения, что провозглашение Республики Приморье может вызвать цепную реакцию, приведя к «параду автономий» внутри региона, подтолкнув к обособлению город Находку, коренные малочисленные народы в местах их компактного проживания на севере края, а также корейцев, планирующих вернуться в Хасанский район, где они и их предки проживали до депортации 1938 г (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 55, 70). Наблюдавшие за ходом дискуссии журналисты иронично обсуждали между собой идею выкупить остров Скребцова, более известный под народным названием «Коврижка» – необитаемую скалу в Амурском заливе вблизи Владивостока – и объявить его республикой (Красное знамя. 1993. 13 июля. С. 1).

По итогам обмена мнениями депутаты решили взять за основу более осторожный в формулировках проект Декларации о статусе При-

морского края, полностью исключив пункт о немедленном провозглашении Республики Приморье (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 78). Вместе с тем финальная редакция документа по-прежнему фиксировала стремление депутатов «учредить на территории Приморского края государственно-территориальное образование, имеющее конституционно-правовой статус республики в составе Российской Федерации» (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 184).

Решительный и даже несколько революционный тон, который был изначально присущ проекту Декларации, полностью исчез. Осталось лишь упоминание о возможности проведения краевого референдума по вопросу о статусе Приморья без установленных сроков. В то же время, некоторые положения из ранней редакции все же нашли отражение в другом документе – Обращении краевых депутатов к Съезду народных депутатов, Верховному Совету и Президенту Российской Федерации, также принятом краевым Советом 8 июля 1993 г. В нем депутаты подчеркнули свое стремление к равноправию субъектов, четкому разграничению полномочий, пересмотру существующих порядков налогообложения и формирования бюджетов всех уровней. Возможное отделение региона от России было решительно отринуто. В документе даже присутствовала просьба включить в текст Конституции положение, которое бы запрещало субъек-

там выход из состава Российской Федерации (*Красное знамя. 1993. 10 июня. С. 1*).

Четкой программы дальнейших действий ни в одном из принятых в тот день документов не содержалось. Первоначально депутаты краевого Совета даже не планировали давать какие-либо поручения исполнительной власти и лишь перед самым голосованием прислушались к предложению депутата Н. Л. Литвинова и поручили администрации края разработать «социально-экономическое обоснование возможного образования Республики Приморье» (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 91), а также провести консультации с регионами – членами Дальневосточной ассоциации экономического взаимодействия (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 100). Принятие Декларации и Обращения едва не сорвалось в связи с отсутствием в зале необходимого количества депутатов. Счетной комиссии краевого Совета приходилось несколько раз пересчитывать и перерегистрировать депутатов, а председателю Совета Д. Н. Григоровичу – повторно ставить вопрос на голосование (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 95).

Надежды приморских депутатов на поддержку со стороны соседних регионов, входящих в Дальневосточную ассоциацию, не оправдалась. В частности, когда в середине июля появились слухи о возможных намерениях властей Хабаровского края провозгласить свой регион

республикой, первый заместитель председателя Хабаровского краевого Совета В. А. Бодров быстро опроверг эти домыслы, подчеркнув, что Совет не собирается обсуждать подобные вопросы (*Красное знамя. 1993. 15 июля. С. 1*).

Дискуссии о республике порой ставили в тупик сторонних наблюдателей, не всегда различавших грань между полным отделением от России и приобретением регионом статуса республики в составе Российской Федерации. К примеру, посетивший Владивосток в июле 1993 г. корреспондент итальянской газеты “Corriere della Sera” Паоло Валентино постарался выяснить у своих дальневосточных коллег-журналистов, действительно ли Приморье стало отдельной республикой и как теперь намерено строить свои взаимоотношения с Россией? (*Утро России. 1993. 17 июля. С. 1*).

Летом 1993 г. вопрос о равных правах субъектов Федерации продолжал оставаться в центре внимания в ходе подготовки проекта Конституции России. Большую тревогу субъектов вызывало стремление национальных республик обеспечить себе повышенную норму представительства в Совете Федерации, которая обеспечила бы им половину мест в верхней палате нового федерального органа законодательной власти. Впрочем, Конституционное совещание сочло более целесообразным установить единую норму регионального представительства [Осипов, 2019, с. 91]. Примечатель-

но, что ряд журналистов и политических обозревателей в этот период рассматривали стремление краев и областей повысить свой статус как согласованную с федеральными властями акцию. «Не исключено, – рассуждал в августе 1993 г. обозреватель “Московских новостей” В. А. Орлов, – что “разумная суверенизация” областей негласно поощряется центром, желающим получить козырную карту в диалоге с республиками» (*Утро России. 1993. 10 августа. С. 3*).

Однако публичная риторика федерального центра не подтверждала подобную точку зрения. В сентябре 1993 г. во время своего визита в Забайкалье против преобразования краев и областей в республики высказался заместитель председателя Правительства Российской Федерации С. М. Шахрай. (*Утро России. 1993. 15 сентября. С. 1*). В диалоге с регионами центр также прибегал к внешнеэкономическим аргументам. Так, после прошедшего в августе 1993 г. ежегодного совещания министров иностранных дел Ассоциации государств Восточной Азии (АСЕАН) в средствах массовой информации было опубликовано сообщение неназванного члена российской делегации, предостерегавшего регионы от непродуманных действий. По его словам, стремление отдельных политиков и общественных деятелей Сибири и Дальнего Востока к обособлению напугало потенциальных инвесторов и заставило их заморозить своё

участие в нескольких совместных проектах (*Утро России. 1993. 3 августа. С. 3*).

Осень 1993 г. ознаменовалась резким спадом движения за Республику Приморье. «Республиканская» идея и прежде не отличалась ни количеством активных сторонников, ни административным ресурсом. После событий октября ее угасание стало стремительным и необратимым. Мысли о собственной республике теперь всё чаще отождествлялись федеральными властями с сепаратизмом, прямым противостоянием политике Президента России Б. Н. Ельцина и подрывом целостности российского государства.

В середине октября 1993 г. в атмосфере политической напряженности, последовавшей за событиями в Москве, редакция газеты «Утро России» – печатного органа Приморского краевого Совета – организовала круглый стол под красноречивым названием «Приморская республика: кому и для чего она нужна?», на котором присутствовали депутаты, в том числе председатель Приморского краевого Совета Д. Н. Григорович, а также представитель Президента Российской Федерации в Приморском крае В. П. Бутов. Фактически обсуждение проблемы превратилось в попытку откrestиться от какой-либо причастности к поддержке концепта Республики Приморье (*Утро России. 1993. 14 октября. С. 1; 19 октября. С. 3*).

Д. Н. Григорович сделал заявление, в котором попытался переложить ответственность за разработку Декларации о статусе Приморского края на чиновников краевой администрации. По его словам, именно они подталкивали его к объявлению Приморья республикой, обещая должность президента нового государственного образования (*Утро России. 1993. 19 октября. С. 3*). Представитель Президента Российской Федерации в Приморском крае В. П. Бутов утверждал, что движение за создание республики было вызвано жадой наживы «тех лиц, что почуяли в этом деле запах больших денег». Под «теми лицами» он подразумевал главу администрации края Е. И. Наздратенко и его заместителей А. В. Павлова и И. П. Лебединца. Эти обвинения не стали сюрпризом, так как и ранее В. П. Бутов пытался добиться отставки Е. И. Наздратенко и его команды, обвиняя их в коррупции, формировании незаконных бизнес-структур и уклонении от уплаты налогов (*Утро России. 1993. 14 октября. С. 1*). С осуждением республиканских настроений выступили депутаты краевого Совета Ю. Г. Рыбалкин и В. В. Соколов. Ранее симпатизировавший идее республики заведующий Дальневосточным бюро ВГТРК М. Б. Вознесенский радикально скорректировал свою точку зрения, заверив присутствующих, что не представляет себе раздел Тихоокеанского флота между Рос-

сией и Республикой Приморье.

Поскольку на круглом столе отсутствовали представители администрации края, единственным защитником исполнительной власти выступил заместитель редактора газеты «Красное Знамя» С. И. Новосёлов, в прошлом – автор обращения в поддержку республиканского статуса Приморья. Он отверг какие-либо обвинения в сепаратизме, подчеркнув, что политический концепт Республики Приморье никогда не предполагал существования региона в качестве независимого государства. Единственным же мотивом краевой администрации являлось получение Приморским краем равных прав с республиками в составе Российской Федерации и избавление от порочной практики разделения страны на «территории первого и второго сорта». По его оценке, в сравнении с весной – летом 1993 г. условия кардинальным образом изменились – завершилась подготовка новой Конституции России и Устава Приморского края, которые фактически уравнивали Приморье в правах с остальными субъектами Российской Федерации. Теперь, как утверждал С. И. Новосёлов: «Никакой республики создавать нельзя, и даже такое название следует забыть» (*Утро России. 1993. 19 октября. С. 3*).

Следует признать, что роль администрации Приморского края, а также ее руководителя Е. И. Наздратенко в истории проекта Республики Приморье до сих пор оценивается

весьма неоднозначно. В публикациях, особенно в СМИ, можно встретить утверждение о поддержке им идеи республиканского статуса Приморья, о согласованных действиях депутатов – «республиканцев» и главы администрации. Однако если обратиться к стенограммам сессий краевого Совета и к выступлениям самого Е.И. Наздратенко, можно заметить, что его публичная позиция была довольно осторожной и взвешенной. В начале июля 1993 г., политическая ситуация вынуждала Е. И. Наздратенко действовать с оглядкой на краевой Совет, который всего чуть больше месяца назад дал согласие на его назначение главой администрации края [Воронцов, 2024б, с. 124]. С другой стороны, чрезмерная поддержка инициатив радикальных депутатов могла лишить Е. И. Наздратенко поддержки Б. Н. Ельцина и его окружения. В этом контексте его выступление на сессии Совета 8 июля, в котором он озвучил заявление пресс-секретаря Президента России, можно рассматривать либо как заранее подготовленную акцию, либо как удачное стечение обстоятельств. В любом случае, это заявление позволило ему занять компромиссную позицию – обсуждать Декларацию, но не «торпедировать» страну, которая оказалась приемлема как для большинства депутатов краевого Совета, так и для окружения Президента.

Попытки политических противников выявить в высказываниях и

действиях главы администрации признаки сепаратизма не принесли желаемого результата. В его публичных выступлениях критики смогли обнаружить лишь фразу, произнесенную в радиоэфире 22 сентября 1993 г.: «...во всём этом безумии выход один – взять и отделиться всем Дальним Востоком», отражавшую скорее желание избежать эскалации конфликта, нежели реальные намерения отделить Приморье от России. Оппоненты также ссылались на размышления Е. И. Наздратенко в телепередаче «Вагон 03», о том, что он мог бы стать дальневосточным «генерал-губернатором». Впрочем, вспомнивший об этом эпизоде журналист газеты «Утро России» Д. З. Гайнутдинов признал, что данная идея принадлежала не Е. И. Наздратенко, а его предшественнику на посту главы администрации края В. С. Кузнецову (*Утро России. 1993. 19 октября. С. 3*). Сама же идея не подразумевала отделения региона, а скорее служила целью укрепления властной вертикали. Впрочем, вплоть до создания федеральных округов в 2000 г., никаких структур, даже отдаленно напоминавших генерал-губернаторство на Дальнем Востоке, не возникло. Политические оппоненты, стремясь подорвать авторитет Е. И. Наздратенко, в итоге лишь подтвердили отсутствие у него серьезных намерений отделить регион от России.

14 октября 1993 г. в газете «Красное знамя» было опубликовано заявление администрации Приморского края под заголовком «“Нет!” – спекуляциям о сепаратизме Е. Наздратенко». В нём глава администрации и члены его команды резко обрушились на своих оппонентов, уличив их в дискредитации исполнительной власти Приморья перед Президентом России. «На самом деле, – говорилось в заявлении, – администрация края никогда не была инициатором постановки вопроса о повышении краевого статуса Приморья до статуса республики в составе Российской Федерации: как известно эта инициатива на XI сессии Приморского краевого Совета исходила от большой группы депутатов». Завершалось заявление словами: «Приморский край всегда при всех обстоятельствах должен быть неотъемлемой частью Российского государства. Такой была принципиальная позиция администрации края с момента, когда её возглавил Е. Наздратенко, такой она и остаётся» (*Красное знамя. 1993. 14 октября. С. 1*).

Дальнейшее развитие событий показало, что сохранение доверия Б. Н. Ельцина стало значительным подспорьем в работе Е. И. Наздратенко на посту главы администрации и в его противостоянии с руководством краевого Совета осенью 1993 г. В отличие от главы администрации Свердловской области Э. Э. Росселя, оказавшегося заложником регионалистского проекта

Уральской республики, пытавшегося довести его до завершения вопреки желанию Президента и в итоге отстранённого от должности [Из истории создания Конституции ... , 2009, с. 434], Е. И. Наздратенко избежал подобной участи. Более того, благодаря поддержке федерального центра он вскоре сумел добиться отставки одного из своих главных недоброжелателей – представителя Президента России в Приморье В. П. Бутова [Воронцов, 2024б, с. 124].

Среди жителей Приморского края идея создания республики не смогла завоевать популярности. Общекраевой референдум, который был предусмотрен Декларацией о статусе Приморского края, так и не состоялся. Опросы населения и подборки писем, публиковавшиеся в газетах Владивостока, городов и районов края, не позволяют прийти к выводу о широком увлечении приморцев идеей суверенитета (*Приморец. 1993. 27 июля. С. 2*).

30 октября 1993 г. Общественная палата Конституционного совещания выступила с официальным осуждением стремления регионов к провозглашению собственной государственности [Из истории создания Конституции ... , 2009, с. 433]. Точку в создании новых «неэтнических» республик в составе России поставило устранение ключевых акторов регионалистского проекта на Урале. 9 ноября 1993 г. был распущен Свердловский областной Совет, а на следующий день глава

администрации Свердловской области и лидер уральских регионалистов Э. Э. Россель был отстранен от должности [Осипов, 2021, с. 222]. Хотя последний и сумел вскоре вернуться в губернаторское кресло по итогам выборов, от идеи провозглашения республики ему пришлось отказаться.

В свете этих событий, возможность реализации и тем более легитимации подобных проектов в краях и областях России теперь оказалась иллюзорной. Реакция федерального центра ясно показала, что отныне попытки одностороннего изменения статуса регионов будут пресекаться.

Заключение

Таким образом, возникновение идеи изменения конституционно-правового статуса Приморского края не было спровоцировано стремлением политической элиты региона отделить Приморье от Российской Федерации. Не являясь по своей природе сепаратистским, концепт Республики Приморье представлял собой один из векторов развития приморского регионализма. Основные причины, побудившие депутатов Приморского краевого Совета обратиться к вопросу о предоставлении Приморью статуса республики, были связаны как с внутренними особенностями развития региона, так и с общенациональной дискуссией, касавшейся новых принципов федеративного устройства России.

Движение за приобретение республиканского статуса развивалось на фоне Конституционного совещания, где вопрос о равноправии субъектов Федерации вызвал горячие споры и разногласия. Ощущение несправедливости и неравенства, вызванного «асимметрией» федеративной системы, подготовило почву для дискуссии о статусе краев и областей России, в том числе Приморья. Как первоначальный проект Декларации, так и его окончательная версия, принятая краевым Советом, отражали эти настроения.

Осенью 1993 г. в условиях стремительно меняющейся политической обстановки концепт Республики Приморье утратил поддержку как со стороны общественности, так и со стороны представителей власти. В новом восприятии, продиктованном федеральным центром, поддержка республиканской идеи стала своего рода маркером, указывающим на принадлежность к деструктивным силам – противникам президентского курса.

Говоря о причинах, способствовавших снижению интереса к идее республиканского статуса Приморского края, следует признать, что закрепление в новой Конституции России принципа равноправия субъектов Федерации стало важным шагом к достижению одной из основных целей, которую ставили перед собой сторонники Республики Приморье. Это означало, что противоречия «асимметричной федерации», по крайней мере, в юридическом плане, были преодолены. Вторым фактором стал разгон Советов, ослабивший позиции и без того небольшой группы региональных политиков, выступавших в поддержку республики. Далеко не все представители бывшей фракции «Республики Приморье» смогли вписаться в новую политическую структуру региона после событий осени 1993 гг. Возможности для продвижения своих инициатив и проектов оказались крайне ограниченными, что сделало дальнейшую борьбу за республиканский статус практически невозможной.

Библиографический список

1. Буянов Е. В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.). Благовещенск : Амурский государственный университет. 2001. 307 с.
2. Ващук А. С. Центр – регион // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 57–64.
3. Витковская Т. Б. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан / Т. Б. Витковская, М. В. Назукина // Мир России. 2021. Т. 30. № 1. С. 67–87.
4. Воронцов Н. С. Дальневосточная ассоциация или Дальневосточная республика? Проблема поиска модели межрегиональной интеграции в первой половине 1990-х гг. // Ветер Перестройки – 2023: сборник материалов III Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 04–08 октября 2023 года. Санкт-Петербург : [Б. и.], 2024. С. 140–151.

5. Воронцов Н. С. Трансформация органов исполнительной власти Приморского края в первой половине 1990-х гг. // Социально-политические исследования. 2024. № 3. С. 111–129.
6. Горохов И. В. Федеральный центр и сибирский регион: проблемы взаимоотношений. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2016. 144 с.
7. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 2 : 1991 год / под общ. ред. О. Г. Румянцева. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 1120 с.
8. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 4: 1993 год. Книга третья (июль – декабрь 1993 года) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.
9. Камынин В. Д. Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества / В. Д. Камынин, А. В. Лямзин // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 134–142.
10. Кирьянов И. К. Регионалистские проекты в неэтнических регионах России: акторы, легитимация, эффективность / И. К. Кирьянов, П. В. Панов // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 67–85.
11. Коваленко С. Г. Управленческая элита на Дальнем Востоке России в 1990-е гг.: лидеры регионов и вертикаль власти // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 33. С. 65–79.
12. Коняхина А. П. Власть и общественно-политические настроения дальневосточников в переходный период (вторая половина 1980 – начало 1990-х годов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 2. С. 133–138.
13. Матлин А. Д. Проведение Всероссийского референдума 25 апреля 1993 года в Санкт-Петербурге // Философия и культура информационного общества: Тезисы докладов Двенадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 года. Санкт-Петербург : ГУАП, 2024. С. 186–188.
14. Мельник А. Г. Образ федерального центра в информационном пространстве Сибири в период 1989-1993 гг. (на примере Томской и Кемеровской областей) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 35–42.
15. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. А. С. Вашук. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
16. Осипов И. В. Идея Уральской Республики в период государственной трансформации Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 217–226.
17. Осипов И. В. Равноправие субъектов Российской Федерации в дискуссиях конституционного совещания // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 74. С. 84–104.

18. Панов П. В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14? № 1. С. 102–115.
19. Троякова Т. Г. Формирование правящей группировки в Приморье // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 65–72.
20. Шашонков П. А. История возникновения и развития в России межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия в начале 1990-х гг. // Современные аспекты экономики. 2020. № 2. С. 47–54.
21. Шашонков П. А. Референдумы в российских регионах 25 апреля 1993 г. как первая ревизия Федеративного договора 1992 г. (по материалам периодической печати) // Гуманитарная наука в Политехническом университете: сборник статей конференции, Санкт-Петербург, 16 мая 2020 года. Санкт-Петербург : СППУ Петра Великого, 2021. С. 385–389.
22. Шевелев Д. Н. Взаимодействие Центра и регионов в период разработки Федеративного договора 1992 г. / Д. Н. Шевелев, А. Г. Мельник // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 95–104.
23. Шевелев Д. Н. Становление российского федерализма в 1990-е годы как историографическая проблема / Д. Н. Шевелев, А. Г. Мельник // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 161–169.

Reference list

1. Bujanov E. V. Organy gosudarstvennoj vlasti dal'nevostochnyh sub#ektov Rossijskoj Federacii: istorija i itogi reformirovanija (koniec 1980-h – 1990-e gg.) = State authorities of the Far Eastern constituent entities of the Russian Federation: history and results of reform (late 1980s – 1990s). Blagoveshensk : Amurskij gosudarstvennyj universitet. 2001. 307 s.
2. Vashhuk A. S. Centr – region = Center – Region // Rossiya i ATR. 1996. № 3. S. 57–64.
3. Vitkovskaja T. B. Traektorii razvitiya regionalizma v Rossii: opyt Sverdlovskoj oblasti i Respubliki Tatarstan = Trajectories of regionalism in Russia: the experience of the Sverdlovsk region and the Republic of Tatarstan / T. B. Vitkovskaja, M. V. Nazukina // Mir Rossii. 2021. Т. 30. № 1. S. 67–87.
4. Voroncov N. S. Dal'nevostochnaja asociacija ili Dal'nevostochnaja respublika? Problema poiska modeli mezhregional'noj integracii v pervoj polovine 1990-h gg. = Far Eastern Association or Far Eastern Republic? The problem of finding a model of interregional integration in the first half of the 1990s. // Veter Perestrojki – 2023: sbornik materialov III Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 04–08 oktjabrja 2023 goda. Sankt-Peterburg : [B. i.], 2024. S. 140–151.
5. Voroncov N. S. Transformacija organov ispolnitel'noj vlasti Primorskogo kraja v pervoj polovine 1990-h gg. = The transformation of the executive authorities of the Primorsky Territory in the first half of the 1990s. // Social'no-politicheskie issledovanija. 2024. № 3. S. 111–129.
6. Gorohov I. V. Federal'nyj centr i sibirskij region: problemy vzaimootnoshenij. Federal Center and Siberian Region: Relationship Problems. Krasnojarsk : KGPU im. V. P. Astaf'eva, 2016. 144 s.
7. Iz istorii sozdanija Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaja komissija: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.) : v 6 t. Т. 2 : 1991 god = From

the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990-1993): in 6 vols. Vol. 2:1991 / pod obshh. red. O. G. Rumjanceva. Moskva : Volters Kluver, 2008. 1120 s.

8. Iz istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaja komissija: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990-1993 gg.): v 6 t. T. 4: 1993 god. Kniga tret'ja (ijul' – dekabr' 1993 goda) = From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990-1993): in 6 vols. Vol. 4: 1993. Book Three (July – December 1993) / pod obshh. red. O. G. Rumjanceva. Moskva : Volters Kluver, 2009. 1120 s.

9. Kamynin V. D. Ural'skaja respublika 1993 g. v diskurse nauchnogo soobshhestva = Ural Republic 1993 in the discourse of the scientific community / V. D. Kamynin, A. V. Ljamzin // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 481. S. 134–142.

10. Kir'janov I. K. Regionalistskie proekty v nejetnicheskikh regionah Rossii: aktory, legitimacija, jeffektivnost' = Regionalist projects in non-ethnic regions of Russia: actors, legitimization, effectiveness / I. K. Kir'janov, P. V. Panov // Polis. Politicheskie issledovanija. 2022. № 1. S. 67–85.

11. Kovalenko S. G. Upravlenscheskaja jelita na Dal'nem Vostoke Rossii v 1990-e gg.: lidery regionov i vertikal' vlasti = Management elite in the Russian Far East in the 1990s: regional leaders and vertical power // Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN. 2021. T. 33. S. 65–79.

12. Konjahina A. P. Vlast' i obshhestvenno-politicheskie nastroenija dal'nevostochnikov v perehodnyj period (vtoraja polovina 1980 – nachalo 1990-h godov) = Power and socio-political moods of the Far East during the transition period (second half of 1980 – early 1990s) // Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2008. № 2. S. 133–138.

13. Matlin A. D. Provedenie Vserossijskogo referendum 25 aprelja 1993 goda v Sankt-Peterburge = Holding of the All-Russian referendum on April 25, 1993 in St. Petersburg // Filosofija i kul'tura informacionnogo obshhestva: Tezisy dokladov Dvenadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Sankt-Peterburg, 21–23 nojabrja 2024 goda. Sankt-Peterburg : GUAP, 2024. S. 186–188.

14. Mel'nik A. G. Obraz federal'nogo centra v informacionnom prostranstve Sibiri v period 1989-1993 gg. (na primere Tomskoj i Kemerovskoj oblastej) = The image of the federal center in the information space of Siberia in the period 1989–1993. (on the example of Tomsk and Kemerovo regions) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2023. № 81. S. 35–42.

15. Obshhestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istorija Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) = Society and power in the Russian Far East in 1960-1991 (History of the Russian Far East. VOL. 3. Book 5) / pod obshh. red. V. L. Larina; otv. red. A. S. Vashhuk. Vladivostok : IIAJe DVO RAN, 2016. 940 s.

16. Osipov I. V. Ideja Ural'skoj Respubliki v period gosudarstvennoj transformacii Rossijskoj Federacii = The idea of the Ural Republic during the state transformation of the Russian Federation // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2021. T. 26, № 3. S. 217–226.

17. Osipov I. V. Ravnopravie sub#ektov Rossijskoj Federacii v diskussijah konstitucionnogo soveshhanija = Equality of the constituent entities of the Russian Federation in the discussions of the constitutional meeting // Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik. 2019. № 74. S. 84–104.

18. Panov P. V. Mnogolikij regionalizm = Multi-face regionalism // Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija. 2020. T. 14. № 1. S. 102–115.

19. Trojakova T. G. Formirovanie pravjashhej gruppirovki v Primor'e = Formation of the ruling group in Primorye // Rossiya i ATR. 1996. № 3. S. 65–72.

20. Shashonkov P. A. Istorija vzniknovenija i razvitija v Rossii mezhregional'nyh asociacij jekonomicheskogo vzaimodejstvija v nachale 1990 h gg. = The history of the emergence and development in Russia of interregional associations of economic interaction in the early 1990s. // Sovremennye aspekty jekonomiki. 2020. № 2. S. 47–54.

21. Shashonkov P. A. Referendумы v rossijskih regionah 25 aprelja 1993 g. kak pervaja revizija Federativnogo dogovora 1992 g. (po materialam periodicheskoj pečati) = Referendums in Russian regions on April 25, 1993 as the first revision of the 1992 Federal Treaty (based on periodicals) // Gumanitarnaja nauka v Politehnicheskom universitete: sbornik statej konferencii, Sankt-Peterburg, 16 maja 2020 goda. Sankt-Peterburg : SPPU Petra Velikogo, 2021. S. 385–389.

22. Shevelev D. N. Vzaimodejstvie Centra i regionov v period razrabotki Federativnogo dogovora 1992 g. = Interaction between the Center and the regions during the development of the 1992 Federal Treaty / D. N. Shevelev, A. G. Mel'nik // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 23, № 1. S. 95–104.

23. Shevelev D. N. Stanovlenie rossijskogo federalizma v 1990-e gody kak istoriograficheskaja problema = The formation of Russian federalism in the 1990s as a historiographic problem / D. N. Shevelev, A. G. Mel'nik // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2023. № 86. S. 161–169.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

**ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Научная статья
УДК 373; 374 94(470)
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-149
EDN: SQFGJO

**Осмысление русскими интеллектуалами значения
домашнего и гимназического образования в пореформенной России**

Елена Леонидовна Сараева

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Аннотация. В статье представлены результаты анализа воспоминаний российских интеллектуалов В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, И. И. Янжула о влиянии домашнего и гимназического образования на формирование личности ребенка в пореформенный период истории России. В исторической литературе реконструирована система образования в Российской империи, однако недостаточно исследована практика обучения в гимназиях. Новизна работы заключается в изучении мнений выпускников российских гимназий о качестве семейного и школьного образования в пореформенный период. Личностное измерение исторического процесса важно для понимания ценностных ориентиров людей, живших в изучаемую эпоху и осмысливавших ее возможности самореализации индивида. Круг источников по теме представлен воспоминаниями В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, И. И. Янжула, имевших в российском обществе репутацию гуманистов-интеллектуалов. Их личностный взгляд на традиции домашнего и гимназического образования в пореформенной России интересен определением достоинств и недостатков. Теоретические подходы к исследованию – культурно-исторический, новый биографический – позволили выявить влияние макросистемы, социокультурной среды на становление личности ребенка. Доказывается, что российское дворянство использовало возможности образовательной системы для воспитания своих детей. Дан анализ представлений Маклакова, Милюкова, Янжула о достоинствах домашнего обучения: индивидуальный подход, более внимательный контроль за успехами ребенка, выбор учителей в соответствии с культурными запросами родителей и их материальными возможностями, поощрение самообразования. Недостатком домашнего образования они называли ограниче-

© Сараева Е. Л., 2025

ние круга общения ребенка. Наиболее значимыми результатами гимназического образования мемуаристы называли погружение ребенка в реальную жизнь за стенами родительского дома, знакомство со многими ее сторонами, формирование представлений о товариществе, освоение социокультурных норм разных мини-групп.

Ключевые слова: гимназии в Российской империи; дворянская интеллигенция; домашнее образование; П. Н. Милюков; В. А. Маклаков; И. И. Янжул; гимназический устав 1871 г.; «Великие реформы»

Для цитирования: Сараева Е. Л. Осмысление русскими интеллектуалами значения домашнего и гимназического образования в пореформенной России // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 149–161. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-149>. <https://elibrary.ru/SQFGJO>.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Understanding by russian intellectuals the importance of home and gymnasium education in post-reform Russia

Elena L. Saraeva

Doctor of historical sciences, professor at department of russian history,
Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Abstract. The article presents the results of the analysis of Russian intellectuals V. A. Maklakov, P. N. Milyukov, I. I. Yanzhul's memoirs about the influence of home and gymnasium education on formation of the child's personality in the post-reform period of Russian history. In historical literature, the education system in the Russian Empire has been reconstructed, but the practice of teaching in gymnasiums has not been sufficiently studied. The novelty of the work is the study of the opinions of Russian gymnasiums graduates on the quality of family and school education in the post-reform period. The personal measuring of the historical process is important for understanding the value guidelines of people who lived in the studied era and comprehended its possibilities of self-realization of the individual. The range of sources on the topic is represented by the memoirs of V. A. Maklakov, P. N. Milyukov, I. I. Yanzhul, who had a reputation as humanist intellectuals in Russian society. Their personal view on the traditions of home and gymnasium education in post-reform Russia is interesting in determining their advantages and disadvantages. Theoretical approaches to research are cultural-historical, new biographical ones made it possible to identify the influence of the macro-system, socio-cultural environment on the formation of the child's personality. It is proved that the Russian nobility used the possibilities of the educational system to raise their children. The analysis of Maklakov, Milyukov, Yanzhul's views about the advantages of home schooling is given: an individual approach, more careful control over the child's success, the choice of teachers in accordance with the cultural needs of

parents and their material capabilities, the promotion of self-education. They considered the limitation of the child's social circle as a disadvantage of home education. The memoirists called the most significant results of gymnasium education the immersion of a child in real life outside the walls of the parental home, acquaintance with many of its aspects, the formation of ideas about partnership, the development of sociocultural norms of various mini-groups.

Key words: gymnasiums in the Russian Empire; noble intelligentsia; home education; P. N. Milyukov; V. A. Maklakov; I. I. Yanzhul; gymnasium charter 1871; “Great Reforms”

For citation: Saraeva E. L. Understanding by russian intellectuals the importance of home and gymnasium education in post-reform Russia. *Social and political researches*. 2025;2(27): 149–161. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-149>. <https://elibrary.ru/SQFGJO>.

Введение

Актуальность темы определяется дискуссией в современном обществе о значимости разных форм среднего образования. Осмысление этой проблемы началось еще во второй половине XIX – начале XX в. русскими педагогами и интеллектуалами. Вызывают интерес мнения интеллектуалов В.А. Маклакова, П. Н. Миллюкова, И. И. Янжула, получивших гимназическое, а потом университетское образование, о влиянии социокультурной среды на развитие их личности.

Отечественные специалисты собрали и систематизировали большой материал по истории гимназического образования в Российской империи, в научный оборот введена информация об уставах учебных учреждений, количестве школ и учеников, программе преподавания в разные эпохи [Алешинцев, 2021; Емельянова, 2021; Ломова, 2022; Новиков, Перфилова, 2013; Соломашина, 2019а, 2019б; Очерки истории ... , 2002; Сушко, 2022; Фро-

лова, 2018; Шкарубо, 2018]. Информацию о домашнем образовании детей в богатых дворянских семьях первой половины XIX в. привела в своей работе В. М. Бокова [Бокова, 2013]. Е. В. Кирилус и Е. Л. Сараева подняли тему качества преподавания древних языков в гимназиях в пореформенный период [Кирилус, 2015]. В литературе недостаточно изучено восприятие учениками качества обучения в российских школах в 1860–1880-е гг.

Специалисты по истории педагогики анализируют эволюцию семейного воспитания и школьного образования в Российской империи [Богуславский, Богуславская, Марков, 2019; Гасанова, 2018]. Изучается процесс восприятия культурными людьми в XIX в. лучших педагогических идей своего времени, в частности, в семье Шереметевых [Мазалова, 2020а; Мазалова, 2020б]. Полагаем, что исследование практик воспитания и образования детей в разных социальных группах россий-

ского общества второй половины XIX в. необходимо продолжить.

Источниковую базу исследования составили мемуары Ивана Ивановича Янжула (1846–1914), Павла Николаевича Милюкова (1859–1943), Василия Алексеевича Маклакова (1869–1957). Янжул, из мелкопоместных дворян, раннее детство провел в небольшом имении матери в Коломенском уезде Московской губернии, два года учился в местном уездном училище, а затем в статусе казеннокоштного ученика сначала в пансионе, а затем в Рязанской гимназии до 1864 г.; в 1864–1867 гг. был студентом юридического факультета Московского университета. Он стал преподавателем, ученым. Милюков, из дворян, родился в семье московского архитектора, закончил 1-ю московскую гимназию в 1878 г., историко-филологический факультет Московского университета в 1882 г., талантливый ученый, политик. Маклаков, из дворян, закончил 5-ю московскую гимназию в 1887 г., юридический факультет Московского университета, адвокат, член кадетской партии. Мемуаристы, чьи тексты анализируются в данной работе, были просвещенными людьми, интеллектуалами, профессионалами в сферах своей деятельности. Они рассказали о своих родственниках, семейных отношениях, друзьях, домашнем обучении, системе гимназического образования, обстоятельствах, которые повлияли на формирование их личности.

Предмет исследования – представления российских интеллектуалов В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, И. И. Янжула о домашнем и гимназическом образовании в пореформенной России.

Новизна исследования заключается в сравнительном анализе мнений В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, И. И. Янжула о влиянии домашнего и гимназического образования на развитие личности ребенка в пореформенной России.

Методология исследования

Работа выполнена в контексте культурно-исторического подхода, обязывающего характеризовать социальную среду как источник развития личности, акцентировать исследование на человеке в обществе. Применение историко-сравнительного метода дает возможность сопоставить мнения российских интеллектуалов о домашнем и гимназическом образовании в пореформенный период.

Результаты исследования

Оценка русскими интеллектуалами значения домашнего образования

Русские интеллектуалы второй половины XIX – начала XX в. осмыслили условия формирования личности ребенка в широком историческом контексте: давали оценку законодательных основ и практики обучения в России, характеризовали систему образования. «Великие реформы» Александра II, проведенные на основе идеи свободы человека, определили серьезные

социальные трансформации. Из дворянско-помещичьей среды выделялась интеллигенция, существовавшая за счет своего умственного труда, а не благодаря имениям. Она выработала свои социокультурные представления: личность имеет право на саморазвитие, уважение ее достоинства, она может содействовать развитию общества. Маклаков, определяя, в какой среде он рос, писал: «Кругом, в котором я рос, были знакомые и друзья отца, вообще интеллигенты» [Маклаков, 2011, с. 28]. Маклаков с детства воспитывался в уважении к человеку. Схожей были обстоятельства и в семье Милюковых: главой семьи был московский архитектор; дети не знали практики крепостничества. В доме родителей Янжула не культивировались традиционные дворянские ценности: владение крепостными душами, высокие чины как высшее достижение в жизни [Янжул, 1903а].

Маклаков воспроизвел основные мировоззренческие установки отца и его друзей, интеллигентов: отсутствие высокомерия, неприязненного отношения к простым людям. «К этому чужому миру они относились без признаков высокомерия, не считали его “быдлом”, обреченным оставаться внизу; себя не считали “белою костью”...» [Маклаков, 2011, с. 29]. Маклакову важно было отметить, что в 1860-е гг. сформировалось поколение интеллигентов-гуманистов, которые вос-

питывали своих детей в уважении к личности.

Янжул получил сначала домашнее образование. «Лет с 7-ми я пристрастился к чтению, немедленно, как только выучился читать; <...> я ... читал все, что было возможно» [Янжул, 1903а, с. 42–43]. Отец убеждал сына хорошо учиться, чтобы стать «образованным человеком», «который всегда будет иметь силу и влияние перед всеми другими», «все окружающие будут ... больше ценить» [Янжул, 1903а, с. 52)]. Родители считали, что образованный молодой человек имеет более высокий авторитет в обществе. Сын запомнил наставления отца и старался учиться.

Милюкову начальные знания дали мать и домашний учитель [Милюков, 1990]. Учитель Блонштейн учил письму, чтению, математике, немецкому языку. Полученных знаний оказалось достаточно, чтобы успешно сдать вступительный экзамен в гимназию. «Вступительный экзамен мы выдержали легко и даже оказались хорошо подготовленными!» [Милюков, 1990, с. 58]. У отца Милюкова была хорошая домашняя библиотека [Милюков, 1990, с. 51].

Родители Маклакова сознавали цель воспитания и образования своих детей: высокая образованность, гуманистическая нравственная культура личности [Маклаков, 2011]. Мать, Елизавета Васильевна, была сторонницей обучения детей в семье, чтобы оградить ребенка от

грубых внешних влияний. С ее точки зрения, дети должны жить в культурной среде. Круг предметов, по которым обучали мальчика дома, был широким: грамматика, арифметика, история, география, французский, немецкий языки, музыка [Маклаков, 2011, с. 31–32]. Родители Маклакова собрали «детскую библиотеку», состоявшую из художественных и познавательных книг. Дети с увлечением читали книги. Домашнее образование Василия Маклакова способствовало развитию памяти, речи, навыков обучения, интереса к чтению. Родители осознанно формировали тип гуманно развитого молодого человека.

Какие преимущества и недостатки домашнего образования выделяли мемуаристы? Преимуществом домашнего образования Маклаков считал возможность обеспечить ребенку высокий уровень интеллектуального развития [Маклаков, 2011]. Однако обучение дома ограничивало познание жизни, так как родители контролировали круг общения их детей. «Домашнее воспитание замыкает ребенка в определенном кругу... Для ребенка надолго закрыты другие впечатления жизни» [Маклаков, 2011, с. 33]. Ограничение родителями круга общения их детей Маклаков назвал «искусственной односторонностью», «железным занавесом» [Маклаков, 2011, с. 33]. Отец возражал против длительного домашнего образования, которое называл «тепличным» [Маклаков, 2011, с. 31].

Милюков и Янжул главными преимуществами жизни в семье в ранние годы считали относительную свободу ребенка, когда родители жестко не регламентировали занятия и их времяпровождение. Огромную роль в их саморазвитии сыграли книги. Милюков родительскую семью охарактеризовал как «замкнутую среду», недостаточную для развития ребенка. Он был уверен, что на жизнь ребенка должна влиять не только семья, возможности которой могут быть ограниченными.

Русские интеллектуалы в целом положительно оценивали результаты их дошкольного образования. Они были благодарны родителям и приглашенным учителям за то, что дома получили необходимые начальные знания, что у них в раннем детстве проявился интерес к книгам.

Оценка русскими интеллектуалами значения гимназического образования

Русские интеллектуалы дали оценку качества преподавания в гимназиях, значения школы для познания жизни, развития товарищества, самообразования. Мемуаристы отмечали, что ученикам нужны были знания для поступления в университет и самореализации в жизни. «В гимназию идут, чтобы усваивать знания, которые в ней преподают» [Маклаков, 2011, с. 40]. Главной целью своего пребывания в гимназиях они видели в приобретении знаний, которые не

только позволяли со временем претендовать на место в университетах, но и стать образованными людьми.

Янжул учился в Рязанской гимназии в 1857–1864 гг., в годы когда руководство системой образования осуществляли просвещенные деятели. Милюков и Маклаков получали школьное образование после изменения Д. А. Толстым программы в 1871 г., когда было уменьшено число уроков по истории и литературе и вдвое увеличено количество часов на изучение только грамматики древних языков.

Янжул рос под благотворным влиянием нескольких молодых учителей. Отличительными чертами школы 1860-х гг. Янжул считал отсутствие мелочной регламентации, поощрение к чтению научной и художественной литературы, когда преподаватели могли принести в класс книги и предложить детям их прочитать [Янжул, 1903б]. В 60-е годы разрешалось свободно в сочинениях цитировать любые тексты, обсуждать с учителем на уроках книги, идеи ученых [Янжул, 1903б]. Янжул в гимназические годы прочитал много книг по истории, большую часть которых дал ему учитель Григорьев [Янжул, 1903б]. Янжул был благодарен учителям за «порядочное знакомство» с историей, литературой, естествознанием, географией, латинским языком, за чтение под их руководством научных книг [Янжул, 1903б, с. 76–78]. «Учителя Рязанской гим-

назии 1860-х годов помогли детям “созреть умственно”» [Янжул, 1903б, с. 78]. Янжул закончил гимназию с большим запасом знаний и огромной жаждой учиться дальше в университете.

Маклаков и Милюков утверждали, что гимназия после преобразований министра народного просвещения Д. А. Толстого в 1871 г. углубленных знаний по истории и литературе не давала, чтобы не развивать интерес к политике и общественной жизни. Милюков сожалел, что устав 1871 г., «центр преподавания» сосредоточил на латинском и греческом языках, «тогда как история и литература, новые языки отодвигались на второй план...» [Милюков, 1990, с. 75–76]. Маклаков утверждал, что преподавание истории свелось к изучению хронологии, ученикам не разъясняли смысл событий. «...предметы, относящиеся к гуманитарным знаниям, как литература, история, старались для учеников “обезвредить”» [Маклаков, 2011, с. 36]. Гимназисты считали, что «толстовская система» обязывала учителей пресекать развитие интереса к научным знаниям, прежде всего, по истории, философии. Маклаков отмечал, что некоторые учителя имели обширные знания, но они осознанно требовали от учеников только зубрежки текстов учебников. «Толстовская гимназия» после 1871 г. не могла сделать процесс обучения интересным [Маклаков, 2011].

Мемуаристы высоко оценивали роль гимназий в знакомстве школьников с действительностью во многих ее проявлениях [Маклаков, 2011, с. 34]. В школьные годы ребенок постигал многообразие жизни и типов личности, необходимость адаптироваться к заданным условиям и нормам социальных отношений. «Гимназическая система погружала юношей в реальные обстоятельства жизни», – писал Маклаков [Маклаков, 2011, с. 33]. По его мнению, важнейшим преимуществом гимназического образования, по сравнению с семейным, была возможность общаться со сверстниками: «Но у школы есть одно преимущество: школьные сверстники, постоянное общение с ними» [Маклаков, 2011, с. 33].

Мемуаристы высоко ценили гимназии за выработку и усвоение учениками норм товарищества. «В гимназии опорой и источником впечатлений были одноклассники из разных слоев общества» [Маклаков, 2011, с. 53]. В гимназии дети формировали представления о дружбе: понимание другого человека, поддержка, уважительное отношение к другу.

Огромное преимущество пребывания мальчиков в школе мемуаристы видели в расширении умственных интересов гимназистов благодаря взаимодействию одноклассников. Они рассказывали о своих увлечениях, создавали кружки по интересам, обсуждали прочитан-

ное. Янжул вспоминал, что рязанские старшеклассники создали литературный кружок, спорили «до раннего утра» [Янжул, 1903б, с. 65–66]. В классе, где учился Милуков, в последние годы обучения в гимназии сложился «кружок товарищей, объединенный более широкими и отдаленными общими стремлениями», его участники готовили доклады на выбранные ими темы и обсуждали [Милуков, 1990, с. 230]. Маклаков, благодаря друзьям, стал самостоятельно изучать зоологию, палеонтологию, химию.

В своих мемуарах Янжул, Милуков и Маклаков высоко оценивали возможность взаимодействовать с одноклассниками. Янжул отмечал, что товарищи, друзья, общаясь, помогали друг другу формировать «мировоззрение»: «...я всю жизнь вспоминаю с признательностью о своих рязанских товарищах и друзьях...» [Янжул, 1903б, с. 64]. Маклаков считал, что широкий круг общения дает ребенку возможность понимать другого человека, адаптироваться к разной социокультурной среде. «Близость со сверстниками естественная поправка к такому порядку вещей, и она тем нужнее, чем более узок и замкнут тот круг, в котором ребенок растет» [Маклаков, 2011, с. 33]. Если семья – замкнутая микросреда, то школа обязывала выстраивать отношения с более широким кругом людей. «Общение с товарищами меня до известной степени мирило с гимназией, и я был рад,

что ее проходил» [Маклаков, 2011, с. 35]. Достоинством школы того времени, утверждал Маклаков, было взаимодействие одноклассников без учета социального положения родителей.

Мемуаристы раскрыли свою мотивацию к успешному обучению: иметь репутацию лучших учеников в классе, потребность в самоуважении, желание поступить в университет без экзаменов, интерес к знаниям.

Заключение

Анализ текстов источников позволяет сделать вывод, что российские интеллектуалы пореформенного периода оценивали домашнее и гимназическое образование своего времени в контексте интересов умственного и нравственного развития личности ребенка. Сравнительный анализ текстов мемуаров показал, что в дворянских семьях пореформенного периода было принято давать мальчикам знания для поступления в гимназию и формирования образованной личности. Многие дворяне пореформенного периода осознавали роль образования в расширении возможности их детей выбрать профессию, самореализации в обществе, чтобы дети положительно оценивали систему образования в стране как ступени к профессиональной деятельности. Поскольку все проблемы воспитания и обучения были заботами матерей, которые в свое время получили домашнее образование, благодаря при-

глашенным учителям, то во многих дворянских семьях пореформенного периода сохранялись прежние традиции: матери могли сами дать начальные знания, а потом поручали подготовку к школе лицам по чей-то рекомендации. Забота о получении детьми знаний по широкой программе, создание детской библиотеки и ежедневное чтение книг были проявлением элитарного образования, свойственного представителям интеллигенции.

Российские интеллектуалы оставили разные оценки качества образования в гимназиях пореформенного периода, поскольку правящая элита меняла его цели. В 1860-е гг. учителя имели больше свободы преподавания, давали ученикам дополнительные знания, знакомили с научной и художественной литературой, публицистикой, приучали читать журналы, обсуждать прочитанное. Устав 1871 г. обязывал учителей заставлять детей выучивать тексты учебников, им было рекомендовано не расширять самостоятельно программу преподавания. Гимназия конца правления Александра II и времени царствования Александра III далеко не удовлетворяла запросам любознательных детей. Источники личного происхождения позволяют понять, как на практике решались задачи, поставленные перед школой в 1871 г.: гимназическая система с этого времени не была ориентирована на формирование самостоятельно мыслящих людей, развитие их познавательных интересов, приобрете-

ние ими более глубоких знаний. Таким образом, «Толстовская гимназия» решала задачу подчинения ребенка учителям и администрации.

Появление интереса к знаниям, книгам Маклаков, Милюков, Янжул связывали с домашним образованием, а позднее с интересным объяснением материала некоторыми учителями. Талантливые преподаватели в гимназиях развивали любознательность ребенка.

По мнению мемуаристов, гимназии превосходили домашнее образование, тем что круг общения учеников был разнообразнее. В жизни Янжула, Маклакова, Милюкова одноклассники сыграли позитивную роль, поскольку они уважительно относились к умным начитанным сверстникам, вместе вырабатывали нормы взаимодействия. Общение со сверстниками мемуаристы рассматривали как важнейший фактор

их личностного роста: они усваивали нормы товарищества, учились дружить, уважать человека за его индивидуальные качества, а не за социальное положение. Среда гимназистов развивала рефлексию учеников, систему ценностей, их способности к анализу событий в контексте значимых для них социокультурных норм. В гимназической среде у ребенка формировалась самооценка, мотивы к учебной деятельности. Развитие личностных качеств в коллективе одноклассников Маклаков, Милюков, Янжул считали важным преимуществом пребывания в гимназии, по сравнению с комфортной домашней обстановкой. Приобретенный в гимназии опыт общения позволил мемуаристам заключить, что школа играла большую роль в развитии личности ребенка.

Библиографический список

1. Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). Москва : Директ-Медиа, 2021. 366 с. Репринтное издание 1912 г.
2. Богуславский М. В. Вариативные научно-педагогические концепции содержания гимназического образования в России второй половины XIX – начала XX века / М. В. Богуславский, Т. Н. Богуславская, Н. С. Марков // Психолого-педагогический поиск. 2019. № 4 (52). С. 135–147.
3. Бокова В. М. «Отроку благочестие блюсти...Как наставляли дворянских детей». Москва : Ломоносов, 2013. 244 с.
4. Гасанова К. А. Проблемы педагогики семейного воспитания: генезис становления в истории педагогики // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 4 (46). С. 290–294.
5. Емельянова Н. Р. Воспитание в гимназиях России второй половины XIX – начала XX вв. в контексте современной школы // Современный ученый. 2021. № 4. С. 52–56.
6. Кириллос Е. В. Гимназическое образование в эпоху Александра III в рефлексии В. А. Маклакова / Е. В. Кириллос, Е. Л. Сараева // Вопросы

отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования. Ярославль : Изд-во ЯГПУ. 2015. С. 114–119.

7. Ломова М. В. Гимназическое образование в России // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого. Материалы международной научной конференции. В 3 томах. Санкт-Петербург : ФГБОУВО «СПбГУПТД». 2022. Т. III. С. 24–31.

8. Мазалова М. А. Этапы развития элитного семейного воспитания и образования в России в XVIII – начала XX в. // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2020. 3 (31). С. 151–164.

9. Мазалова М. А. Развитие традиций элитности в теории и практике семейного воспитания и домашнего образования в России в XIX веке // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 122–130.

10. Маклаков В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. Москва : Московская школа политических исследований, 2011. 384 с.

11. Милюков П. Н. Воспоминания: в 2 т. Москва : Современник, 1990. Т. 1. 446 с.

12. Новиков М. В. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 14. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 18–31.

13. Очерки истории российского образования. К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Москва : МГУП, 2002. Т. 1. 350 с.

14. Соломахина Е. Н. Развитие отечественного гимназического образования в XIX в.: учебное пособие / Е. Н. Соломахина, М. М. Серафимов. Чебоксары : ИД «Среда», 2019а. 56 с.

15. Соломахина Е. Н. Исследование развития гимназического образования в России во второй четверти XIX в. / Е. Н. Соломахина, М. М. Серафимов // Клио. 2019б. № 6 (150). С. 110–120.

16. Сушко А. В. Оценка образовательных реформ Александра II в 60 – 70-х гг. XIX века // Социально-гуманитарное образование и наука в XXI веке. Екатеринбург : Изд-во Уральский государственный аграрный университет, 2022. С. 153–158.

17. Фролова М. И. Реализация законодательства в области начального и гимназического образования в России середины XIX – начала XX в. (в отечественной историко-педагогической науке) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 1. № 5 (54). С. 87–95.

18. Шкарубо С. Н. Гимназическое образование в России: история и современность. Уфа : НИЦ АЭТЕРНА, 2018. 68 с.

19. Янжул И. И. Воспоминания о детской и школьной жизни // Вестник воспитания. Москва : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев, 1903а. № 1. С. 38–71.

20. Янжул И. И. Воспоминания о детской и школьной жизни // Вестник воспитания. Москва : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев, 1903б. № 2. С. 43–78.

Reference list

1. Aleshincev I. A. Istorija gimnazicheskogo obrazovanija v Rossii (XVIII i XIX vek) = The history of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX centuries). Moskva : Direkt-Media, 2021. 366 s. Reprintnoe izdanie 1912 g.
2. Boguslavskij M. V. Variativnye nauchno-pedagogicheskie koncepcii sodержani-ja gimnazicheskogo obrazovanija v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka = Variable scientific and pedagogical concepts of the content of gymnasium education in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries / M. V. Boguslavskij, T. N. Boguslavskaja, N. S. Markov // Psihologo-pedagogicheskij poisk. 2019. № 4 (52). S. 135–147.
3. Bokova V. M. «Otroku blagochestie bljusti...Kak nastavljali dvorjanskikh de-tej» = “To the youth piety to observe... As the noble children were instructed”. Mos-kva : Lomonosov, 2013. 244 s.
4. Gasanova K. A. Problemy pedagogiki semejnogo vospitanija: genezis stanovlen-ija v istorii pedagogiki = Problems of family education pedagogy: genesis of formation in the history of pedagogy // Izvestija Baltijskoj gosudarstvennoj akademii ry-bopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki. 2018. № 4 (46). S. 290–294.
5. Emel'janova N. R. Vospitanie v gimnazijah Rossii vtoroj poloviny XIX – nacha-la XX vv. v kontekste sovremennoj shkoly = Education in Russian gymnasiums of the second half of the XIX – early XX in the context of modern school // Sovremennij uchenyj. 2021. № 4. S. 52–56.
6. Kiriljus E. V. Gimnazicheskoe obrazovanie v jepohu Aleksandra III v refleksii V. A. Maklakova = Gymnasium education in the era of Alexander III in V. A. Mak-lakov's reflection / E. V. Kiriljus, E. L. Saraeva // Voprosy otechestvennoj i zarubezh-noj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovanija. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU. 2015. S. 114–119.
7. Lomova M. V. Gimnazicheskoe obrazovanie v Rossii = Gymnasium education in Russia // Perelomnye momenty istorii: ljudi, sobytija, issledovanija. K 350-letiju so dnja rozhdenija Petra Velikogo. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 3 tomah. Sankt-Peterburg : FGBOUVO «SPbGUPTD». 2022. T. III. S. 24–31.
8. Mazalova M. A. Jetapy razvitija jelitnogo semejnogo vospitanija i obrazovanija v Rossii v XVIII – nachala XX v. = Stages of development of elite family education and education in Russia in the XVIII – early XX centuries // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review. 2020. 3 (31). S. 151–164.
9. Mazalova M. A. Razvitie tradicij jelitnosti v teorii i praktike semejnogo vospit-anija i domashnego obrazovanija v Rossii v XIX veke = Development of elite tradi-tions in the theory and practice of family education and home education in Russia in the 19th century // Chelovecheskij kapital. 2020. № 11 (143). S. 122–130.
10. Maklakov V. A. Iz vospominanij. Uroki zhizni = From memories. Life lessons Moskva : Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2011. 384 s.
11. Miljukov P. N. Vospominanija = Memoirs: v 2 t. Moskva : Sovremennik, 1990. T. 1. 446 s.

12. Novikov M. V. Universitetskij ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravlenija = University Charter 1863: limits of academic self-government / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. № 14. T. 1. (Gumanitarnye nauki). S. 18–31.

13. Ocherki istorii rossijskogo obrazovanija. K 200-letiju Ministerstva obrazovanija Rossijskoj Federacii = Essays on the history of Russian education. To the 200th anniversary of the Ministry of Education of the Russian Federation Moskva : MGUP, 2002. T. 1. 350 s.

14. Solomahina E. N. Razvitie otechestvennogo gimnazicheskogo obrazovanija v XIX v. = The development of domestic gymnasium education in the XIX century : uchebnoe posobie / E. N. Solomahina, M. M. Serafimov. Cheboksary : ID «Sreda», 2019a. 56 s.

15. Solomahina E. N. Issledovanie razvitiya gimnazicheskogo obrazovanija v Rossii vo vtoroj chetverti XIX v. = Research on the development of gymnasium education in Russia in the second quarter of the XIX century. / E. N. Solomahina, M. M. Serafimov // Klio. 2019b. № 6 (150). S. 110–120.

16. Sushko A. V. Ocenka obrazovatel'nyh reform Aleksandra II v 60 – 70-h gg. XIX veka = Assessment of the educational reforms by Alexander II in the 60-70s of the XIX century // Social'no-gumanitarnoe obrazovanie i nauka v XXI veke. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2022. S. 153–158.

17. Frolova M. I. Realizacija zakonodatel'stva v oblasti nachal'nogo i gimnazicheskogo obrazovanija v Rossii serediny XIX – nachala XX v. (v otechestvennoj istoriko-pedagogicheskoj nauke) = Implementing legislation in the field of primary and gymnasium education in Russia in the mid-19th – early 20th centuries. (in Russian historical and pedagogical science) // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2018. T. 1. № 5 (54). S. 87–95.

18. Shkarubo S. N. Gimnazicheskoe obrazovanie v Rossii: istorija i sovremennost' = Gymnasium education in Russia: history and modernity Ufa : NIC AJeTERNA, 2018. 68 s.

19. Janzhul I. I. Vospominanija o detskoj i shkol'noj zhizni = Gymnasium education in Russia: history and modernity // Vestnik vospitanija. Moskva : Tipo-litografija Tovarishhestva I. N. Kushnerev, 1903a. № 1. S. 38–71.

20. Janzhul I. I. Vospominanija o detskoj i shkol'noj zhizni = Memories of childhood and school life // Vestnik vospitanija. Moskva : Tipo-litografija Tovarishhestva I. N. Kushnerev, 1903b. № 2. S. 43–78.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 21.03.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья
УДК 378.046.4
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-162
EDN: WAKSMT

**Подготовка педагога к сопровождению семьи,
воспитывающей ребенка с особыми потребностями**

Ульяна Владимировна Салимьянова

Старший преподаватель, Камчатский институт развития образования,
г. Петропавловск-Камчатский
ulyana.pavlenko.85@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5570-3868>

Аннотация. В данной статье акцентируется внимание на значимости профессиональной подготовки воспитателя, который взаимодействует с семьями, воспитывающими детей с особыми потребностями. Работа воспитателя представляет сложный и многогранный процесс, в котором требуется не только наличие определенных профессиональных навыков, но и высокая степень эмоциональной устойчивости. В статье подробно рассматриваются ключевые компоненты профессиональной готовности воспитателя, которые можно разделить на три основные группы: ценностно-мотивационный, когнитивно-информационный и деятельностно-практический. Каждый из этих компонентов играет важную роль в формировании целостной картины профессионального роста педагога. Ценностно-мотивационный компонент включает в себя внутренние установки и убеждения воспитателя, определяя его отношение к работе и к детям с особыми потребностями. Когнитивно-информационный компонент охватывает знания и информацию, необходимые для эффективного выполнения своих обязанностей, включая понимание особенностей развития детей с различными нарушениями. Деятельностно-практический компонент связан с умением применять теоретические знания на практике, содержащие навыки взаимодействия с семьями, а также использование различных методик и подходов в работе с детьми. Успешное сопровождение семьи, воспитывающей ребенка с особыми потребностями, возможно лишь при условии комплексного подхода, который включает в себя развитие всех перечисленных компонентов. Важно, чтобы воспитатель не только имел теоретические знания, но и умел применять их в реальной жизни, адаптируя свои действия к конкретной ситуации и потребностям семьи.

Ключевые слова: инклюзивная компетентность; дополнительное профессиональное образование; профессиональная подготовка воспитателя; самообразование; личностно-профессиональное саморазвитие; семья ребенка с особыми потребностями; готовность к профессиональной деятельности

Для цитирования: Салимьянова У. В. Подготовка педагога к сопровождению семьи, воспитывающей ребенка с особыми потребностями // Социально-

политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 162–175.
<http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-162>. <https://elibrary.ru/WAKSMT>.

Original article

Preparing a teacher to support a family raising a child with special needs

Ulyana V. Salimyanova

Senior lecturer, Kamchatka institute for education development, Petropavlovsk-Kamchatsky

ulyana.pavlenko.85@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5570-3868>

Abstract. This article focuses on the importance of professional training for educators who interact with families raising children with special needs. The work of a teacher is a complex and multifaceted process that requires not only the availability of certain professional skills, but also a high degree of emotional stability. The article examines in detail the key components of a teacher's professional readiness, which can be divided into three main groups: value-motivational, cognitive-informational, and activity-practical. Each of these components plays an important role in forming a holistic picture of a teacher's professional growth. The value-motivational component includes the inner attitudes and beliefs of the educator, determining his attitude to work and to children with special needs. The cognitive information component covers the knowledge and information necessary to effectively perform their duties, including understanding the developmental characteristics of children with various disabilities. The activity-practical component is related to the ability to apply theoretical knowledge in practice, which includes skills in interacting with families, as well as the use of various techniques and approaches in working with children. Successful support for a family raising a child with special needs is possible only if there is an integrated approach that includes the development of all these components. It is important that the educator not only has theoretical knowledge, but also knows how to apply it in real life, adapting his actions to the specific situation and needs of the family.

Key words: inclusive competence; additional professional education; professional training of a caregiver; self-education; personal and professional self-development; family of a child with special needs; readiness for professional activity

For citation: Salimyanova U. V. Preparing a teacher to support a family raising a child with special needs. *Social and political researches*. 2025;2(27): 162–175. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-162>. <https://elibrary.ru/WAKSMT>.

Введение

Современные изменения в социальной сфере и преобразование статуса людей с инвалидностью в обществе оказывают заметное влияние на систему образования и под-

готовку специалистов, особенно в сфере помогающих профессий. В условиях увеличивающейся конкуренции на рынке труда становится ясно, что старая модель, при которой воспитатель получал образова-

ние единожды на всю жизнь, уже не соответствует требованиям времени. Современные реалии настраивают специалистов на постоянные обновления знаний и навыков, что и отражает концепция непрерывного образования. Воспитатели в настоящее время сталкиваются с новыми вызовами, которые связаны с инклюзивным образованием, где необходимо учитывать потребности и особенности каждого ребенка, включая детей с ограниченными возможностями [Булуева, 2023]. В данном контексте, непрерывное образование становится неотъемлемой частью профессиональной жизни воспитателя, которое, в свою очередь, способствует более качественному образовательному процессу и улучшению условий для детей, включая тех, кто нуждается в особом внимании и поддержке.

Понятие «готовность» является важным объектом исследования в области психологии, особенно при подготовке человека к различным видам деятельности. В этом контексте многие ученые, такие как В. В. Сериков и А. А. Смирнов, обращали внимание на общую психологическую готовность индивида к труду. Их работы подчеркивают, что «готовность не является статичным состоянием, а представляет собой динамический процесс, который включает в себя внутренние и внешние факторы» [Бозаджиев, 2010, с. 98–99]. Другие исследователи, такие как П. К. Анохин, А. Э. Голубева, И. А. Крупнов и

А. Р. Лурия, акцентировали внимание на формировании готовности личности к конкретным видам деятельности. Они подчеркивают, что «готовность включает в себя не только знание и навыки, но и мотивацию, эмоциональную устойчивость и способность к самоорганизации. Это важно, поскольку успешное выполнение профессиональных задач требует не только технических навыков, но и психологической подготовки» [Анохин, 1978, с. 145].

Не менее важным аспектом является понимание профессиональной готовности воспитателя, которую В. Ш. Масленникова описывает как многоуровневую систему интегративных личностных образований. Данная система включает в себя несколько компонентов, взаимодействующих между собой:

- информационные образы, которые формируют представления воспитателя о том, как должен выглядеть процесс обучения и воспитания;
- диспозиционно-интенциональные характеристики, отражающие внутренние установки и мотивацию педагога;
- психологические черты и свойства специалиста, включающие в себя эмоциональную устойчивость, способность к эмпатии, креативность и умение устанавливать контакты с детьми и их родителями [Авсейкова, 2023].

В структуре профессиональной готовности воспитателя к сопровождению семьи особого ребенка в

инклюзивной среде дошкольной образовательной организации можно выделить *ценностно-мотивационный, когнитивно-информационный и деятельностно-практический* компоненты.

Ценностно-мотивационный компонент является важной составляющей профессиональной готовности воспитателя, который работает с детьми с ОВЗ. Этот компонент охватывает систему ценностей и мотивов, сформировавшихся у педагога в процессе его профессиональной деятельности. Воспитатель должен осознавать и интериоризировать ключевые ценности, такие как уважение к индивидуальности каждого ребенка, понимание его потребностей и стремление создать для него комфортную образовательную среду. Одним из основных аспектов ценностно-мотивационного компонента является отношение воспитателя к детям с ОВЗ и их семьям. Ключевым моментом является то, что педагог должен не только проявлять интерес к развитию и адаптации ребенка в инклюзивной образовательной среде, но и активно взаимодействовать с его семьей [Михайлов, 2015].

Когнитивно-информационный компонент в структуре готовности воспитателя сопровождать семью особого ребенка представляет собой важный аспект профессиональной подготовки. Он включает в себя *три ключевых вида знания: концептуальное, фактологическое и технологическое*.

Концептуальное знание представляет собой теоретическую базу, необходимую воспитателю для глубокого понимания специфики работы с детьми, имеющими особые потребности. Это знание охватывает различные модели и подходы к инклюзии, а также теории, касающиеся развития детей с ограниченными возможностями здоровья. *Фактологическое знание* включает в себя конкретные данные о различных формах и методах поддержки, которые могут быть предоставлены как детям, так и их семьям, включающие в себя сведения о законодательных инициативах, социальных службах, доступных ресурсах и программах, а также информацию о лучших практиках, применяемых в других образовательных учреждениях. *Технологическое знание* включает в себя практические навыки и умения, которые необходимы для применения теоретических и фактических знаний в повседневной жизни. Оно охватывает методы оценки и диагностики, а также техники работы как индивидуально, так и в группе [Бусыгина, 2020].

Деятельностно-практический компонент в коррекционно-педагогической работе представляет собой важный аспект, включающий в себя комплекс умений и навыков, необходимых для эффективного использования ресурсов семьи с использованием как материальных, так и нематериальных средств. Умение устанавливать и

поддерживать конструктивное сотрудничество с родителями, которое предполагает не только информирование их о процессе коррекции, но и вовлечение в активное участие, является одним из ключевых элементов. Кроме того, навыки сотрудничества со специалистами междисциплинарной команды (психологами, логопедами, педагогами и социальными работниками) играют важную роль в успешном сопровождении детей. Эффективная коммуникация и обмен информацией между специалистами позволяют выработать комплексный подход к решению проблем, с которыми сталкиваются дети и их семьи. Достижение положительных результатов в профессиональной сфере требует постоянного саморазвития и повышения квалификации [Глухов, 2025].

Таким образом, деятельностно-практический компонент в образовательном процессе играет ключевую роль, так как он неразрывно связан с ценностно-мотивационным и когнитивно-информационным компонентами. Чтобы информация, получаемая специалистом, могла стать основой для его успешной

профессиональной деятельности, она должна быть не только усвоена, но и оценена с точки зрения личных и профессиональных ценностей. Ценности формируют мотивацию, которая, в свою очередь, определяет, насколько активно специалист будет применять полученные знания на практике. Когнитивно-информационный компонент включает в себя не только накопление знаний, но и их осмысление, а это значит, что специалист должен уметь анализировать, сопоставлять и интегрировать новую информацию с уже имеющимися знаниями. Важно, чтобы этот процесс был направлен на развитие критического мышления и способности к самообучению [Лукьянова, 2017].

Методы исследования

Для решения практических задач исследования возникла потребность определить критерий и четко сформулировать соответствующие ему показатели, поскольку именно они позволяют выявить наличие или отсутствие у воспитателя готовности работать с семьей особого ребенка (см. табл. 1).

Таблица 1.

Критерии и показатели готовности воспитателя к сопровождению семьи, воспитывающей ребенка с особыми потребностями

Компонент	Показатели	Методики
Ценностно-мотивационный	Ценностное восприятие ребенка ОВЗ и его семьи, в которой он растет; стремление помочь особому ребенку адаптироваться к инклюзивной среде ДОУ; желание воспитателя сотрудничать с семьей такого ребенка	Тест «Способность педагога к эмпатии» И. М. Юсупова

Компонент	Показатели	Методики
Когнитивно-информационный	Сформированность концептуального, фактологического и технологического знания	Анкета «Изучение отношения педагогов к инклюзивному образованию»
Деятельностно-практический	Сформированность перцептивных, суггестивных способностей, способности к медиации, способности к регулированию своего эмоционального состояния	«Самоконтроль в общении», разработанный М. Снайдером

Исследование проводилось в период с сентября по ноябрь 2024 года в г. Петропавловск-Камчатский, в опросе приняли участие 392 респондента – воспитатели дошкольных образовательных организаций. В Телеграмм-канале была создана группа «Воспитатели ДОО», в которую вошли педагоги из Петропавловска-Камчатского городского округа, Елизовского и Соболевского муниципальных районов, Вилучинского городского округа, Мильковского, Быстринского, Усть-Камчатского муниципальных округов. В группе были представлены ссылки на методики и анкеты, созданные с помощью Google-формы, вся диагностика была анонимной.

Результаты исследования и их обсуждение

Применение методики «Способность педагога к эмпатии», разработанной И. М. Юсуповой, в проведенном исследовании показало, что лишь немногие педагоги демонстрируют выраженный уровень эмпатии. Это свидетельствует о том, что лишь незначительная часть воспитателей обладают исключительными способностями к

пониманию и сопереживанию чувствам других людей. Данное качество имеет первостепенное значение при работе с детьми с особыми потребностями, поскольку успешность коммуникации с их семьями напрямую зависит от степени эмпатии, проявляемой педагогами. Наряду с этим, исследование показало, что значительная часть педагогов демонстрирует средний уровень эмпатии. Это указывает на то, что большинство воспитателей в достаточной мере осознают нужды своих подопечных, хотя их эмпатические способности не достигают наивысшей точки. Вместе с тем важно отметить, что низкий уровень эмпатии оказался довольно распространенным среди воспитателей, что потенциально может создавать трудности в их взаимодействии с детьми и их родителями, подчеркивая необходимость развития эмпатии как важного профессионального качества педагога, позволяющего им более продуктивно решать задачи, возникающие в образовательной среде.

Результаты тестирования по методике «Способность педагога к

эмпатии», разработанной И. М. Юсуповой, наглядно представлены на рисунке 1.

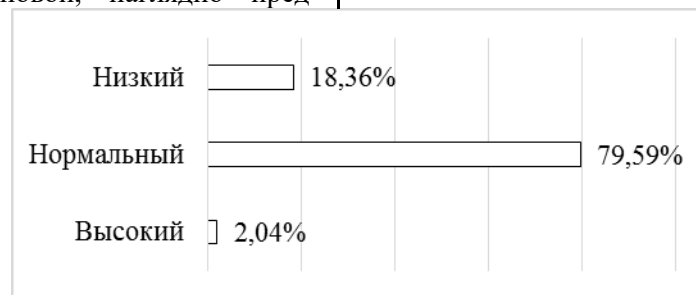

Рис. 1. Результаты исследования способности педагогов к эмпатии

В ходе проведения анкетирования, целью которого было изучение отношения педагогов к инклюзивному образованию, были получены интересные и значимые результаты. В первую очередь, стоит отметить, что подавляющее большинство респондентов, 61,47 %, уверенно заявили о том, что хорошо понимают основные особенности инклюзивного образования, осознают важность и необходимость инклюзии в образовательном процессе. Следует подчеркнуть, что 35,45 % опрошенных выразили мнение о том, что их знания в этой области недостаточны. Особенно актуально это в свете того, что 3,06% опрошенных педагогов признали, что не понимают основы и значимости инклюзивного подхода. Данная ситуация свидетельствует о необходимости активного распространения информации и углубленного осознания данного вопроса среди педагогов. Полученные ре-

зультаты подчеркивают важность дополнительного обучения и повышения квалификации специалистов, работающих в сфере инклюзивного образования.

В ответ на вопрос «Считаете ли вы себя профессионально готовым к работе с детьми с ОВЗ?» большая часть участников опроса отметила, что обладает определенными профессиональными навыками, но не считает их достаточными для эффективного взаимодействия с такими детьми. Лишь небольшая доля воспитателей признали, что у них отсутствуют необходимые компетенции для выполнения этой работы. Самую меньшую группу составили воспитатели, которые считают, что их профессиональная подготовка позволяет успешно работать с детьми с особыми потребностями и их семьями. Результаты обработки ответов на данный вопрос анкеты для воспитателей представлены на рисунке 2.

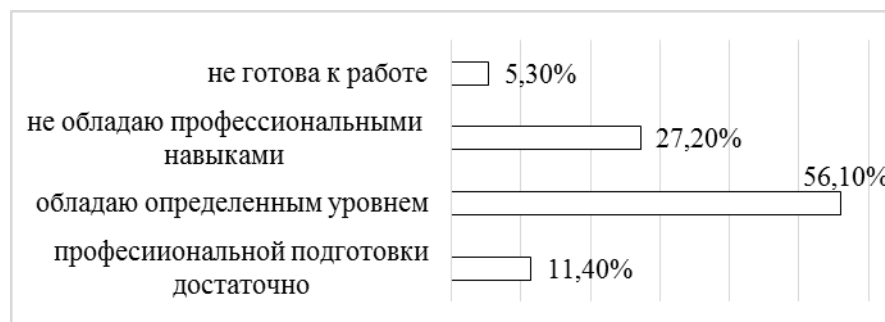

Рис. 2. Результаты обработки ответов на вопрос анкеты «Считаете ли вы себя профессионально готовым к работе с детьми с ОВЗ?»

На вопрос анкеты «Считаете ли Вы себя профессионально готовым к взаимодействию с семьей, воспитывающей особого ребенка?», получили следующие результаты: 69,6 % воспитателей уверены в своей полной готовности к сотрудничеству с родителями детей с ОВЗ. Такой высокий процент свидетельствует о достаточном уровне профессиональной уверенности среди педагогов. Однако, стоит отметить, что 21,7 % респондентов выразили неуверенность в своей способности эффективно взаимодействовать с семьями таких детей. Кроме того, 2,9 % воспитателей не видят необходимости в таком взаимодействии, что может указывать на недостаток понимания важности сотрудничества с родителями. Тем не менее 5,8 % участников не смогли дать четкий и однозначный ответ на заданный вопрос, что, в свою очередь, подчеркивает существующую неопределенность в рассматриваемой области. Это подчеркивает важность осознания того, что каждая семья является уникальной и обладает своими собственными ха-

рактеристиками, которые могут варьироваться в зависимости от множества факторов. Одной из возможных причин, по которой некоторые воспитатели могут не чувствовать себя готовыми к взаимодействию с родителями, является недостаток необходимых навыков и знаний. Педагоги должны стремиться к созданию атмосферы доверия и открытости, где родители могут свободно делиться своими переживаниями и ожиданиями. Осознание этого факта поможет воспитателям лучше понять, как удовлетворить потребности как детей, так и их семей, что будет способствовать более успешному процессу обучения и социализации.

Следует обратить внимание на результаты опроса, в котором участники делились мнением о необходимости повышения квалификации в области специальной педагогики и психологии для работы с детьми с ОВЗ. Из опроса выяснилось, что больше половины опрошенных педагогов выразили желание и необходимость в улучшении своих профессиональных

навыков именно в сферах специальной педагогики, психологии и инклюзивного образования, что свидетельствует о высоком интересе к получению новых знаний и умений, которые помогут им более эффективно работать с детьми с ОВЗ. Кроме того, вторая половина воспитателей отметили, что дополнительное образование в этих областях играет для них важную роль в профессиональной деятельности. Полученные данные подчеркивают значимость постоянного обучения

и развития для успешного выполнения их обязанностей. В то же время небольшая доля воспитателей не считает нужным повышать свою квалификацию в контексте инклюзивного образования, что говорит об отсутствии понимания у части специалистов важности данной темы и нежелании к самосовершенствованию. На рисунке 3 представлены результаты обработки ответов на данный вопрос анкеты для воспитателей.

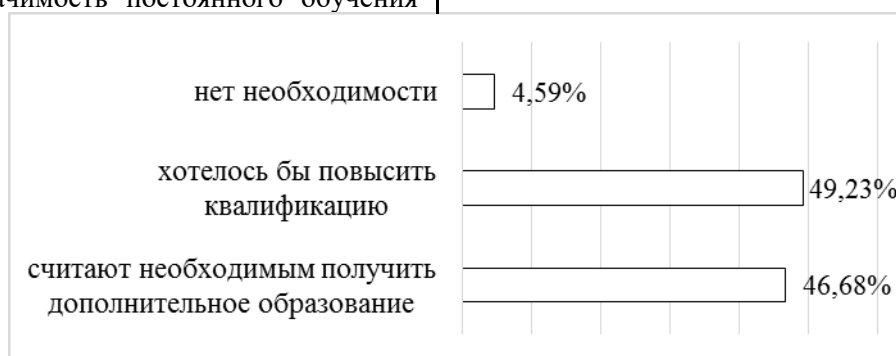

Рис. 3. Результаты обработки ответов на вопрос анкеты «Как вы считаете, необходимо ли Вам повышение квалификации в области специальной педагогики и психологии для работы с детьми с ОВЗ?»

Таким образом, результаты анкетирования показали, что отношение педагогов к инклюзивному образованию является многогранным и требует дальнейшего изучения. Эффективное взаимодействие требует не только профессиональных навыков, но и умения понимать и учитывать индивидуальные интересы и потребности каждой семьи. Для повышения качества работы с детьми с ОВЗ и их семьями важно развивать профессиональные компетенции воспитателей, а также

создавать условия для открытого и доверительного общения между педагогами и родителями.

В ходе исследования, проведенного с использованием методики «Самоконтроль в общении», разработанной М. Снайдером, получены весьма интересные результаты. При анализе данных было установлено, что большинство воспитателей демонстрируют средний уровень коммуникативного контроля. Педагоги способны в определенной степени управлять своим общением, однако

не всегда делают это эффективно, особенно когда речь заходит о взаимодействии с родителями детей, имеющих особые потребности. Кроме того, меньшая часть опрошенных воспитателей продемонстрировали высокий уровень коммуникативного контроля. Педагоги обладают способностью гибко реагировать на изменения в ситуации, что особенно важно в контексте общения с семьями детей с ОВЗ, хорошо понимают, какое впечатление производят на окружающих, и знают, как, где и с кем следует вести себя, успешно справляются с профессиональным общением и не испытывают затруднений в этом аспекте. С другой стороны, низкий уровень коммуникативного контроля был выявлен у не-

большого количества педагогов. Данную категорию педагогов можно характеризовать принципиальными и прямолинейными, они не считают нужным подстраиваться под кого-либо или что-либо, что делало бы их общение искренним и открытым. Однако, когда речь идет о взаимодействии с семьями, воспитывающими детей с особыми потребностями, такая прямолинейность может стать серьезным препятствием. В данном контексте их искренность может оттолкнуть от доверительной атмосферы, необходимой для эффективного взаимодействия. На рисунке 4 представлены результаты тестирования педагогов по методике «Самоконтроль в общении», разработанной М. Снайдером.

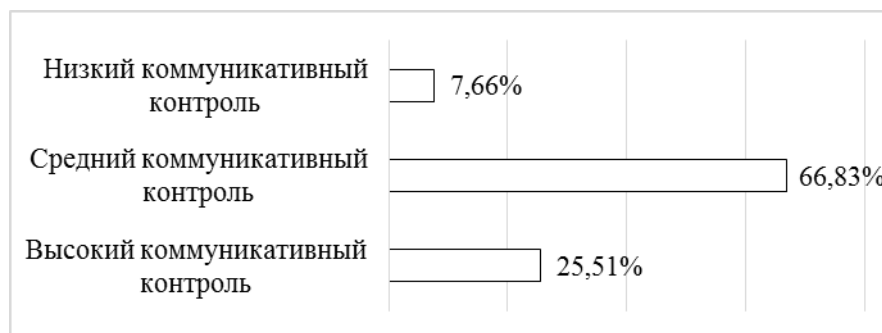

Рис. 4. Результаты исследования коммуникативных способностей педагогов

Результаты диагностики по методике «Самоконтроль в общении» подчеркивают разнообразие подходов и стилей общения среди воспитателей, работающих с детьми с особыми потребностями. Важно отметить, что для достижения наилучших результатов в работе с детьми с ОВЗ необходима гибкость и способность к саморефлексии,

что позволит воспитателям более эффективно адаптироваться к требованиям и ожиданиям родителей, а также создавать более благоприятные условия для развития детей.

Заключение

Готовность воспитателя к работе в инклюзивной образовательной среде представляет собой нечто большее, чем просто наличие тео-

ретических знаний, что также содержит развитие личных качеств и навыков, которые помогают создать комфортную и поддерживающую атмосферу для всех участников образовательного процесса. Воспитатель должен иметь ценностное восприятие ребенка с ОВЗ и его семьи, в которой он воспитывается, для того, чтобы стремиться помочь особому ребенку адаптироваться к условиям инклюзивного детского учреждения.

Сотрудничество между воспитателем и родителями позволяет не только лучше понять потребности ребенка, но и создать атмосферу до-

верия и взаимопомощи. Такая атмосфера является основой для успешной интеграции ребенка в инклюзивное образовательное пространство. Когда родители видят, что воспитатель заинтересован в благополучии их ребенка и готов поддерживать их в процессе адаптации, значительно повышается уровень доверия и сотрудничества. Кроме того, успешная профессиональная деятельность воспитателя в инклюзивном детском саду зависит от его способности интегрировать полученные знания и навыки в свою практику, а это требует постоянного саморазвития и готовности к обучению.

Библиографический список

1. Авсейкова Н. И. Модель профессиональных компетенций воспитателя дошкольного образования // Педагогическая перспектива. 2023. №3(11). С. 39–47. [https://doi.org/10.55523/27822559_2023_3\(11\)_39](https://doi.org/10.55523/27822559_2023_3(11)_39).
2. Анохин П. К. Избранные труды: философские аспекты теории функциональной системы. Москва : Наука, 1978. 400 с.
3. Бозаджиев В. Л. К вопросу о психологической готовности к профессиональной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. 2010. №7. С. 98–99.
4. Булуева Ш. И. Мотивационная готовность педагогов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья / Ш. И. Булуева, А. Х. Хачароева, А. С. Мейриева // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-3. С. 56–59.
5. Бусыгина Н. П. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы / Н. П. Бусыгина, Т. Г. Подушкина, В.В. Станилевский // Социальные науки и детство. 2020. Том 1, №1. С. 8–26.
6. Вялова Н.В. Модель психолого-педагогического сопровождения семей дошкольников с ограниченными возможностями здоровья на базе детского сада / Н. В. Вялова, Л. В. Красильникова // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PDMN622.pdf>.
7. Глухов В. П. Основы специальной педагогики и специальной психологии: учебник для среднего профессионального образования. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2025. 327 с.
8. Ерофеева Л. Н. Применение технологии развития критического мышления в лекционном преподавании математических дисциплин / Л. Н. Ерофеева, С. В. Лещева, С. В. Менькова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2013. №4. С. 87–101.

9. Жимаева Е. М. Социально-педагогическое сопровождение родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, в условиях дошкольной образовательной организации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 6–1. С. 32–39.
10. Лежнина О. Н. Педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья: сущность и специфика понятия / О. Н. Лежнина, Н. А. Соколова // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 4 (206). С. 219–223.
11. Лукьянова М. И. Теоретический анализ феномена готовности учителя к реализации личностно ориентированного подхода в понятийном поле категории «Профессионально-педагогическая компетентность» // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. №4. С. 110–123.
12. Михайлов Д. Е. Эффективность применения медиативных технологий в дошкольной образовательной организации // Современные проблемы образования в поликультурном регионе (Шестые Лозинские чтения) : материалы Международной научно-методической конференции. 2015. и 23-24 апреля. Часть I. Псков : ПГУ, 2015. С. 297–300.
13. Павленко У. В. Организация взаимодействия воспитателей с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья / У. В. Павленко, И. Р. Позднякова, Л. У. Курбанова // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 120–122.
14. Попов Л. М. Психологическая готовность к профессиональной деятельности и методы ее формирования / Л. М. Попов, И. М. Пучкова, П. Н. Устин // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. №4. Т. 157. С. 215–224.
15. Самкова И. Н. Повышение квалификации на основе исследования педагогической деятельности // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2023. №4(20). декабрь. С. 36–44.
16. Скалозуб Н. В. Теоретическая модель формирования готовности педагога к обеспечению социальной инклюзии ребенка с ОВЗ / Н. В. Скалозуб, Л. В. Блинов // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 4. С. 200–205.
17. Скрипкина Н. В. Управление профессиональным развитием педагогов с помощью построения индивидуальной образовательной траектории // Современное педагогическое образование. 2021. №11. С. 48–54.
18. Социально-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья: учебник для вузов / Л. В. Мардахаев [и др.] ; под ред. Л. В. Мардахаева, Е. А. Орловой. Москва : Юрайт, 2024. 343 с.
19. Тигров В. П. Технологическое образование как педагогическая система // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. №7. С. 206–214.
20. Шкутина Л. А. Содержательная структура профессиональной компетентности педагогов в условиях инклюзивного образования / Л. А. Шкутина, А. Р. Рымханова, Н. В. Мирза, Ж. А. Карманова // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. №3. С. 130–136.

Reference list

1. Avsejkova N. I. Model' professional'nyh kompetencij vospitatelja doshkol'nogo obrazovaniya = Model of a preschool educator's professional competencies // Pedagog-

icheskaia perspektiva. 2023. №3(11). S. 39–47.
[https://doi.org/10.55523/27822559_2023_3\(11\)_39](https://doi.org/10.55523/27822559_2023_3(11)_39).

2. Anohin P. K. Izbrannye trudy: filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy = Selected works: philosophical aspects of the theory of a functional system Moskva : Nauka, 1978. 400 s.

3. Bozadzhiev V. L. K voprosu o psihologicheskoy gotovnosti k professional'noj dejatel'nosti = On the question of psychological readiness for professional activities // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. 2010. №7. S. 98–99.

4. Bulueva Sh. I. Motivacionnaja gotovnost' pedagogov k rabote s det'mi s ograničennymi vozmozhnostjami zdorov'ja = Motivational readiness of teachers to work with children with disabilities / Sh. I. Bulueva, A. H. Hacharoeva, A. S. Mejrieva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2023. №79–3. S. 56–59.

5. Busygina N. P. Dokazatel'nyj podhod v social'noj sfere: osnovnye ponjatija i principy, istorija, perspektivy = Evidence-based approach in the social sphere: basic concepts and principles, history, prospects / N. P. Busygina, T. G. Podushkina, V. V. Stanilevskij // Social'nye nauki i detstvo. 2020. Tom 1. №1. S. 8–26.

6. Vjalova N. V. Model' psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdenija semej doshkol'nikov s ograničennymi vozmozhnostjami zdorov'ja na baze detskogo sada = Model of psychological and pedagogical support for families of preschoolers with disabilities based on kindergarten / N. V. Vjalova, L. V. Krasil'nikova // Mir nauki. Pedagogika i psihologija. 2022. T. 10. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PDMN622.pdf>.

7. Gluhov V. P. Osnovy special'noj pedagogiki i special'noj psihologii: uchebnik dlja srednego professional'nogo obrazovanija = Fundamentals of special pedagogy and special psychology: a textbook for secondary vocational education. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva : Jurajt, 2025. 327 s.

8. Erofeeva L. N. Primenenie tehnologii razvitija kriticheskogo myshlenija v lekcionnom prepodavanii matematicheskikh disciplin = Applying critical thinking development technology in lecture teaching of mathematical disciplines / L. N. Erofeeva, S. V. Leshheva, S. V. Men'kova // Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii. 2013. №4. S. 87–101.

9. Zhimaeva E. M. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie roditel'ej, vospityvajushhih detej s OVZ, v uslovijah doshkol'noj obrazovatel'noj organizacii = Social and pedagogical support of parents raising children with disabilities in a preschool educational organization // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2019. T. 11, № 6-1. S. 32–39.

10. Lezhnina O. N. Pedagogicheskoe soprovozhdenie semej, vospityvajushhih detej s ograničennymi vozmozhnostjami zdorov'ja: sushhnost' i specifika ponjatija = Pedagogical support for families raising children with disabilities: the essence and specifics of the concept / O. N. Lezhnina, N. A. Sokolova // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2022. № 4 (206). S. 219–223.

11. Luk'janova M. I. Teoreticheskij analiz fenomena gotovnosti uchitelja k realizacii lichnostno orientirovannogo podhoda v ponjatijnom pole kategorii «Professional'no-pedagogicheskaja kompetentnost'» = Theoretical analysis of the phenomenon of teacher's readiness to implement a personality-oriented approach in the conceptual field of the category “Professional and pedagogical competence” // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki. 2017. №4. S. 110–123.

12. Mihajlov D. E. Jefferktivnost' primenenija mediativnyh tehnologij v doskol'noj obrazovatel'noj organizacii = Effectiveness of the use of mediative technologies in a preschool educational organization // *Sovremennye problemy obrazovanija v polikul'turnom regione (Shestye Lozinskie chtenija) : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoi konferencii*. 2015. i 23-24 aprelja. Chast' I. Pskov : PGU, 2015. S. 297–300.
13. Pavlenko U. V. Organizacija vzaimodejstvija vospitatelej s sem'ej, vospityvajushhej rebenka s ogranichenymi vozmozhnostjami zdorov'ja = Organization of educators interaction with a family raising a child with disabilities / U. V. Pavlenko, I. R. Pozdnjakova, L. U. Kurbanova // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2022. № 4 (95). S. 120–122.
14. Popov L. M. Psihologicheskaja gotovnost' k professional'noj dejatel'nosti i metody ee formirovanija = Psychological readiness for professional activity and methods of its formation / L. M. Popov, I. M. Puchkova, P. N. Ustin // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*. 2015. №4. T.157. S. 215–224.
15. Samkova I. N. Povyshenie kvalifikacii na osnove issledovanija pedagogicheskoi dejatel'nosti = Professional development based on the study of pedagogical activity // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Kaliningradskij vestnik obrazovanija»*. 2023. №4(20). dekabr'. S. 36–44.
16. Skalozub N. V. Teoreticheskaja model' formirovanija gotovnosti pedagoga k obespecheniju social'noj inkluzii rebenka s OVZ = Theoretical model of teacher's readiness to ensure social inclusion of a child with disabilities / N. V. Skalozub, L. V. Blinov // *Sovremennye naukoemkie tehnologii*. 2023. № 4. S. 200–205.
17. Skripkina N. V. Upravlenie professional'nym razvitiem pedagogov s pomoshh'ju postroenija individual'noj obrazovatel'noj traektorii = Managing the professional development of teachers by building an individual educational trajectory // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2021. №11. S. 48–54.
18. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie detej s ogranichenymi vozmozhnostjami zdorov'ja: uchebnik dlja vuzov = Social and pedagogical support for children with disabilities: a textbook for universities / L. V. Mardahaev [i dr.] ; pod red. L. V. Mardahaeva, E. A. Orlovoj. Moskva : Jurajt, 2024. 343 s.
19. Tigrov V. P. Tehnologicheskoe obrazovanie kak pedagogicheskaja sistema = Technological education as a pedagogical system // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2007. №7. S. 206–214.
20. Shkutina L. A. Soderzhatel'naja struktura professional'noj kompetentnosti pedagogov v uslovijah inkluzivnogo obrazovanija = Content structure of teachers' professional competence in inclusive education / L. A. Shkutina, A. R. Rymhanova, N. V. Mirza, Zh. A. Karmanova // *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*. 2017. №3. S. 130–136.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 26.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 26.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья
УДК 378
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-176
EDN: WNXPAS

Перспективы эволюции модели высшего образования в контексте развития искусственного интеллекта

Галина Михайловна Сундукова

Кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и организации управления, Государственный университет управления, г. Москва
kafedra_tou@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9621-7308>

Аннотация. Высшее образование находится на пороге значительных трансформаций, вызванных цифровизацией, глобализацией, персонализацией обучающих программ и проникновением новых участников, включая искусственный интеллект, в образовательное пространство. В статье анализируются перспективы, которые открывает эра искусственного интеллекта для высшего образования, и рассматривается потенциальное влияние передовых технологий на модель образования. В настоящее время система высшей школы сталкивается с рядом проблем, включая несоответствие между учебными программами и требованиями рынка труда, а также необходимость их постоянного обновления в ответ на динамично развивающиеся технологии. Искусственный интеллект выступает как фактор, усугубляющий данные проблемы из-за влияния нейросети на трансформацию рабочих процессов, так и как средство для разработки эффективных решений. Приводятся примеры инструментов искусственного интеллекта, активно применяемых в образовательной сфере, проводится их комплексная оценка, исследуются возможности и выявляются положительные и отрицательные стороны использования искусственного интеллекта в системе высшего образования. Предпринимается анализ воздействия новейших технологий на сущность, цели и будущее образовательного процесса. Также представлены результаты опроса, в котором преподаватели и студенты выразили свое мнение по поводу интеграции искусственного интеллекта в образование. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости осознанного интегрирования технологий искусственного интеллекта в сферу образования, с учетом их потенциальных преимуществ и идентификации возможных рисков. Рекомендуются разработка и реализация пилотных проектов для апробации инновационных разработок на базе высших образовательных институтов.

Ключевые слова: образование; система высшего образования; революция в обучении; искусственный интеллект; интеграция искусственного интеллекта в образование; инструменты искусственного интеллекта; задачи трансформации образования; перспективы развития высшей школы

Для цитирования: Сундукова Г. М. Перспективы эволюции модели высшего образования в контексте развития искусственного интеллекта // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 176–191. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-176>. <https://elibrary.ru/WNXPAS>.

Original article

Prospects for the evolution of the higher education model in the context of artificial intelligence development

Galina M. Sundukova

Candidate of economical sciences, associate professor, department of management theory and organization, State university of management, Moscow
kafedra_tou@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9621-7308>

Abstract. Higher education is on the verge of significant transformations caused by digitalization, globalization, personalization of training programs and the penetration of new participants, including artificial intelligence, into the educational space. The paper analyzes the promise that the era of artificial intelligence brings to higher education and looks at the potential impact of advanced technology on the education model. Currently, the higher education system faces a number of challenges, including a mismatch between curricula and labor market requirements, and the need to constantly update them in response to dynamically developing technologies. Artificial intelligence acts as a factor exacerbating these problems due to the influence of artificial intelligence on the transformation of workflows, and as a means to develop effective solutions. Examples of artificial intelligence tools that are actively used in the educational field are given, their comprehensive assessment is carried out, the possibilities are investigated and the positive and negative aspects of the use of artificial intelligence in the higher education system are identified. The analysis of the impact of the latest technologies on the essence, goals and future of the educational process is being undertaken. Also are presented the results of a survey in which teachers and students expressed their views on the integration of artificial intelligence into education. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to consciously integrate artificial intelligence technologies into the field of education, taking into account their potential advantages and identification of possible risks. It is recommended to develop and implement pilot projects for testing innovative developments on the basis of higher educational institutions.

Key words: education; higher education system; a revolution in learning; artificial intelligence; integrating artificial intelligence into education; artificial intelligence tools; the challenges of transforming education; prospects for higher education development

For citation: Sundukova G. M. Prospects for the evolution of the higher education model in the context of artificial intelligence development. *Social and political researches*. 2025;2(27): 176–191. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-176>. <https://elibrary.ru/WNXPAS>.

Введение

В первой четверти XXI века мы наблюдаем бурное развитие техно-

логий, революционизирующих структуру общества, где искусственный интеллект (далее *ИИ*) иг-

*Перспективы эволюции модели высшего образования
в контексте развития искусственного интеллекта*

рает значительную роль, укрепляя свои позиции в разнообразных областях человеческой деятельности. Влияние ИИ на образовательную сферу, включая высшее образование, оказывается существенным. Представленный в статье обзор исследует потенциальные возможности, которые ИИ открывает для высшего образования, и пути, которыми он может трансформировать модель высшей школы в свете последних технологических инноваций [Бодрунов, 2017; Куренной, 2020].

Современная система высшего образования сталкивается с рядом проблем, включая дисбаланс между компетенциями, приобретаемыми студентами в университетах, и требованиями рынка труда, а также с необходимостью адаптации учебных программ к динамично меняющемуся технологическому ландшафту [Кузьмина, 2023]. С одной стороны, распространение ИИ усугубляет существующие сложности, модифицируя процессы труда, однако, с другой стороны, он предлагает средства для идентификации и реализации эффективных стратегий решения данных проблем. Прогресс в области ИИ и его всеобщее проникновение в различные сферы жизни индивида можно аналогично оценивать в контексте глобализации интернета [Тихомирова, 2023; Шихгафизов, 2023].

В настоящее время активное внедрение ИИ заметно в ряде отраслей, включая производственный

комплекс и аграрный сектор [Сундукова, 2024]. В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта до 2030 года, ключевыми показателями успешности являются увеличение объема инвестиций в сферу ИИ до 850 млрд рублей и достижение порога в 80 % кадров с компетенциями в области ИИ. В обновленной версии стратегии особое внимание уделяется значительной роли генеративных моделей ИИ, определены барьеры, препятствующие их внедрению, и выделены сектора, где развитие ИИ происходит не на достаточном уровне, включая сферу образования [Холмс, 2022].

Ведущие ИТ-организации России, такие как «Яндекс», «Ланит», «Наносемантика», Just AI, BSS, «Первый бит», прогнозируют удвоение роста индустрии искусственного интеллекта с 20 % до 40 % в течение ближайших двух лет. Этот прогноз подчеркивает риск устаревания системы образования, если она не сможет адаптироваться к темпам прогресса в других областях использования ИИ. Существует актуальная потребность в разработке стратегических инициатив для интеграции искусственного интеллекта в образовательную среду и оценки его потенциального влияния на образовательный процесс [Шарипов, 2024; Лоханова, 2023].

Материалы и методы

В рамках данного исследовательского проекта проводится

оценка влияния развития сферы искусственного интеллекта на образовательную систему и изучается, насколько готовы участники образовательного процесса принять новые технологии. Достижение целей осуществляется путем изучения внедрения искусственного интеллекта в систему высшего образования, а также проведения опроса среди преподавательского состава и студентов для выяснения их восприятия процесса интеграции ИИ в образовательную среду. Опрос осуществлялся среди преподавателей и студентов экономических направлений Государственного университета управления.

Результаты

Как пример использования ИИ можно привести мультифункциональный бот ChatGPT, запущенный в открытый доступ в конце 2022 года, который получил развитие в разнообразных областях. Данная искусственная нейронная сеть обладает способностью осуществлять диалоги, систематизировать данные, генерировать поэтические произведения, разрабатывать программный код и решать прочие задачи. Существуют также ИИ-сервисы, предназначенные для краткого изложения текстов, трансформации текстовой информации в табличные данные, создания профессиональных презентаций, генерации изображений для проектов и подготовки библиографических списков. Инструмент Chatpdf, в частности, преобразует

PDF-документы в чат-боты, способные отвечать на вопросы о содержимом документа, что сокращает время, затрачиваемое преподавателем на подготовку вопросов и ответов. Преподаватели имеют возможность использовать ИИ для автоматизации процессов создания и оценки тестов, а также для обнаружения заимствований в студенческих работах. Следовательно, внедрение ИИ в область образования может значительно упростить деятельность преподавателей и способствовать индивидуализации обучения и наставничеству, что по мнению экспертов является важнейшим преимуществом применения данных технологий.

Инструменты искусственного интеллекта могут выступать в роли личных наставников, тьюторов и модераторов групповых дискуссий, предоставлять персонализированные рекомендации и способствовать когнитивному развитию учащихся, что, в свою очередь, может усилить их вовлеченность, мотивацию и улучшить усвоение учебного материала. Более того, ИИ является основой для разработки моделей обучения, персонализированных под индивидуальные потребности, что критически важно для обучения специалистов узкой направленности или согласно спецификациям работодателей [Камнев, 2020; Козлова, 2019; Меренков, 2021].

Искусственный интеллект обогащает образовательный процесс за счет включения мультимодальных

подходов, расширяя его форматы и повышая тем самым уровень инклюзивности и доступности для различных методик обучения. Обозначенный механизм способствует возникновению потребности в междисциплинарном подходе, стимулируя мотивацию учащихся за счет возможности изучения многоаспектных контекстов, глубокого понимания изучаемых предметов, практического применения знаний и поиска интересующих их сфер знания.

Искусственный интеллект также нашел свое применение в разработке виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR), которые активно используются в профессиональном обучении, включая тренировку медицинских процедур и других практических навыков. Благодаря ИИ стало возможно создание реалистичного распознавания жестов, динамичных виртуальных сред, иммерсивного звукового сопровождения и индивидуализированных рекомендаций для развития навыков в VR. Следует также уделить внимание вопросам культурного и личностного развития, формированию основ этики цифровой реальности и развитию критического мышления при обучении использованию инструментов и технологий ИИ [Бурова, 2023].

Искусственный интеллект обладает возможностью обработки информации, собранной из интернет-ресурсов, однако критический анализ найденных данных и их последующее применение остаются в

ведении человека. Следовательно, приоритетной задачей современного образования является развитие у студентов навыков критического и творческого мышления для отбора необходимой и соответствующей контексту информации. В связи с этим, особую значимость приобретает социализация будущих специалистов. Современные образовательные системы по всему миру часто сосредоточены на достижении академических результатов, в то время как важность открытого общения, групповых взаимодействий и рефлексивных практик в обучении признается как полезная, благоприятная [Серкина, 2023]. В контексте внедрения искусственного интеллекта в область образования, задачи, поставленные перед этими технологиями, должны способствовать поддержанию и развитию таких образовательных систем. Система образования должна воспитывать у обучающихся стремление к постоянному самосовершенствованию, что приобретает особую актуальность на фоне развития научных достижений и технологий, в том числе углубленного применения инновационных методов. В то же время признание значимости развития искусственного интеллекта не должно умалять критическое восприятие возможных опасностей и трудностей, связанных с внедрением данных технологий в сферу образования [Байханов, 2023; Бермус, 2020].

Авторы монографии «Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения» У. Холмс, М. Бялик и Ч. Фей обращают внимание на зависимость персонализированного обучения от общих данных, подчеркивая, что ИИ пока не способен адаптировать обучение к индивидуальным достижениям студентов, что ведет к потенциальной несправедливости в составлении учебных планов [Холмс, 2022]. Ученые также обращают внимание на снижение уровня активности обучающихся в процессе получения образования из-за отсутствия их вовлеченности в формирование собственного образовательного маршрута, ведь они лишь следуют заранее определенным заданиям. В этом контексте, использование генеративных искусственных интеллектов, например, OpenAI ChatGPT, может облегчить процесс обмана среди студентов, что, в свою очередь, уменьшит их мотивацию к обучению из-за легкости доступа к уже подготовленным ответам. Более того, ИИ способен производить неверную информацию, что создает новые типы угроз в информационной безопасности, ранее не свойственные другим сферам информационных технологий. Серьезные препятствия также ожидаются при интеграции технологий искусственного интеллекта в структуру образовательных институтов. Во-первых, существуют проблемы, связанные с недостаточно-

стью вычислительных ресурсов, необходимостью приобретения высокоценного технического оснащения и дефицитом квалифицированных специалистов. Во-вторых, в Российской Федерации процесс обучения в высших учебных заведениях подвергается строгому управлению.

Нормативно-правовые акты, в числе которых Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании», федеральные стандарты в сфере образования и критерии для создания оценочных методик, а также критерии аккредитации образовательных программ, оказывают определенное влияние на гибкость интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс. Несмотря на это, инновационные решения, базирующиеся на искусственном интеллекте, уже находят применение в образовательной среде. Одним из примеров является инициатива Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, которая ввела использование виртуальной реальности для тренировки студентов в защите кейсов и научных работ. Студенты многократно осуществляли презентации перед виртуальной аудиторией, продолжительностью в среднем 60 минут, при этом каждый из них проходил от четырех до пяти таких тренировок. Система проводила оценку различных параметров выступления, включая установление зри-

тельного контакта, употребление слов-паразитов и умение распределять внимание зрителей. По завершении студенты получали аналитический отчет с критическим обзором своего выступления и предложениями по его улучшению.

Метавселенные, представляющие собой непрерывные виртуальные пространства для взаимодействия пользователей через аватары и технологии виртуальной реальности, раскрывают новые горизонты для образовательного процесса, исключая необходимость физического пребывания в аудитории. Эти инновационные подходы активно изучаются такими учебными заведениями, как Токийский университет и Гонконгский университет науки и технологий.

В 2022 году в России дебютировал НЕЙМАРК. MetaVerse, виртуальная образовательная платформа, позволяющая студентам из различных регионов посещать лекции, выполнять лабораторные работы и реализовывать проекты. Метаверситет способствует началу образовательной деятельности даже до завершения строительства реального кампуса, привлекая будущих студентов. Как утверждают разработчики, НЕЙМАРК обеспечивает обучение на высокотехнологичном оборудовании, развитие умений публичного выступления, организацию собраний и защиту проектов в цифровой среде. Анализ эффективности образовательных процедур в метавселенной и определение уров-

ня когнитивной нагрузки на студентов остаются предметом для дальнейших исследований.

Современные исследования поднимают вопрос утомляемости участников часто используемых видеоконференций. Наблюдения за физиологическим состоянием участников этих мероприятий выявили, что 50-минутные сессии влияют на функционирование нервной системы, что может свидетельствовать о признаках усталости. Данные свидетельствуют о том, что видеоконференции могут служить лишь в качестве дополнения к обычным формам взаимодействия и образовательному процессу, но не их полной альтернативой. Кроме того, у пользователей более сложных технологий, например очков виртуальной реальности, которые находят применение в метавселенных, при длительном применении могут возникать головокружение, тошнота и другие нежелательные физиологические эффекты.

В рамках исследования, целью которого было определить отношение участников образовательного процесса к внедрению ИИ в академическую среду, был проведен опрос среди преподавателей и студентов экономических направлений Государственного университета управления. Более двух третей преподавателей подчеркивают важность интеграции новейших технологических инструментов в образовательную систему и высказывают готовность к использованию генера-

тивных искусственных интеллектов для проведения практических занятий, разработки передовых учебных заданий и формирования кейс-стади. Следовательно, значительная доля академического сообщества осознает преимущества ИИ в автоматизации стандартных образовательных задач, что может внести свой вклад в эволюцию модели высшего образования. Тем не менее около одной трети опрошенных выражают неопределенность в своих взглядах, предполагая, что способности ИИ в образовательной сфере могут быть переоценены. Другие участники опроса выражают беспокойство о риске использования ИИ студентами в мошеннических целях и призывают к разработке регуляторной основы на уровне учебных заведений или в рамках федерального законодательства для регулирования использования таких технологий, как ChatGPT.

Опрос показывает, что большинство студентов (82 %) относятся к внедрению ИИ в образовательный процесс положительно. Исследователи предполагают, что инструменты ИИ могут способствовать обогащению информационных ресурсов и ускорению учебного процесса. В анализе данных опроса необходимо учитывать ограниченность и несовершенство информации об ИИ, которой владеют респонденты.

Обсуждение результатов

Мы становимся свидетелями и участниками процесса интеграции

ИИ в образовательную сферу. Искусственный интеллект уже начинает обновлять образовательную систему, обеспечивая разработку индивидуализированных и высокоэффективных учебных программ, а также содействуя оптимизации административных процессов в образовательных учреждениях.

Искусственный интеллект обладает возможностью кардинально изменить взгляд на персонализированное обучение, предоставляя учащимся уникальные образовательные пути (по мнению 57 % преподавателей). Алгоритмы способны оценивать учебные достижения студентов и адаптировать учебный контент таким образом, чтобы ликвидировать пробелы в знаниях и развивать их сильные стороны, что способствует более эффективному обучению и достижению образовательных результатов.

Искусственный интеллект способен взять на себя административные функции, выполняя стандартные задачи, такие как организация расписания, управление процессом приема и ведения студенческой базы данных. Такая автоматизация освобождает персонал образовательных учреждений от рутины, позволяя сосредоточить усилия на более значимых заданиях и обеспечивая при этом повышение точности и скорости выполнения стандартных операций (считают 48 % преподавателей).

Искусственный интеллект также уверенно включается в процесс создания образовательного контента.

Он может способствовать генерации более современного и изменчивого учебного материала, который будет оперативно отражать изменения в мире и на рынке труда.

Системы ИИ способны разрабатывать учебные материалы, которые будут воспроизводить (или, по крайней мере, обозначать) современные научные достижения и требования профессиональной среды. Например, курс лекций по информатике может автоматически обновляться, включая самые последние разработки в сфере программирования и микроэлектроники.

Объемные данные и их аналитика обеспечивают возможности для выявления слабых и сильных сторон образовательных программ и прогнозирования будущего спроса на определенные навыки. Использование ИИ для сбора и анализа такой информации помогает университетам опережать потребности рынка и подготавливать студентов к востребованным специализациям к моменту их выпуска.

Тема перспектив трудоустройства и развития навыков в контексте распространения искусственного интеллекта является предметом активных обсуждений. Искусственный интеллект оказывает значительное влияние на компетенции, которые требуется развивать у студентов для поддержания их конкурентоспособности на рынке труда [Кичерова, 2020; Гольяпина, 2023]. Искусственный интеллект вносит значимый вклад в обучение ключевым навыкам, приобретение

которых обусловлено его стремительным развитием. Это сподвигает специалистов осваивать новые знания и умения, среди которых выделяются умение эффективно взаимодействовать в междисциплинарных коллективах, понимание принципов наук о данных и их приложений. Высшие учебные заведения сталкиваются с задачей актуализации своих образовательных программ для адекватной подготовки кадров в данных реалиях.

Развитие искусственного интеллекта подчеркивает значимость постоянного профессионального развития (отмечают 63 % преподавателей). В условиях быстрых технологических изменений непрерывное образование становится необходимостью для профессионалов различных сфер. В этом аспекте ИИ может выступать в качестве эффективного средства для разработки индивидуализированных и результативных образовательных программ, которые удовлетворяют специфические потребности учащихся.

Применение искусственного интеллекта в международной образовательной сфере вызывает активные обсуждения. ИИ может способствовать углублению взаимодействия между вузами различных государств, позволяя студентам приобретать международный опыт без необходимости покидать родные страны.

Искусственный интеллект является ключом к глобализации обучения. С его помощью можно создавать международные образова-

тельные платформы, предоставляющие студентам доступ к широкому спектру учебных ресурсов, а также возможности для взаимодействия и сотрудничества со студентами и преподавателями из различных уголков мира.

Искусственный интеллект также способен обогащать учебные программы разных стран, внося в них лучшие практики и знания со всего мира, повышая тем самым качество и актуальность высшего образования и делая его поистине всемирным.

Искусственный интеллект проникает во многие сферы жизни человека, включая образование, раскрывая новые перспективы для преподавания и изучения, но также порождая серьезные вызовы и проблемы. Рассмотрим, как ИИ влияет на образовательный процесс, какие возможности он открывает и перед какими трудностями стоят образовательные институты при его интеграции. Применение ИИ обладает потенциалом кардинально преобразовать дидактику, представляя собой педагогическую инновацию в виде помощника для преподавателя. Платформы, интегрированные с ИИ, способны автоматизировать стандартные процедуры, такие как оценка тестов и домашних работ, освобождая время педагога для индивидуальных занятий с учащимися и их креативного развития.

Персонализированный подход в образовании является одной из ключевых функций, которые ИИ предлагает. С помощью алгоритмов, анализирующих учебный про-

цесс каждого студента, выявляются зоны для улучшения, и учебный контент модифицируется для оптимизации развития компетенций и знаний, обеспечивая уникальную образовательную программу, соответствующую потребностям каждого индивидуума.

Интерактивное обучение, подкрепленное ИИ, открывает новые перспективы. Использование элементов игры, интерактивных симуляций и виртуальных лабораторий, разработанных на базе искусственного интеллекта, может значительно повысить мотивацию учащихся и улучшить осмысление сложных академических понятий.

Роль систем ИИ в поддержке образовательных решений является значимым направлением для образовательных учреждений, ведь с помощью алгоритмов можно проанализировать объемные данные о студенческой активности и предлагать рекомендации для совершенствования образовательного процесса.

Описанные аспекты лишь немногие из многообразия возможностей, которые ИИ может предложить в сфере образования, но существуют значительные препятствия на пути его интеграции. Этические вопросы, связанные со сбором и обработкой личных данных студентов, стоят в числе наиболее актуальных проблем. Гарантирование конфиденциальности и безопасности данных критически важно, поскольку ИИ требует интенсивного сбора информации для эффективности обучающих систем.

Профессиональное развитие преподавателей также выступает неотъемлемой частью процесса внедрения и использования ИИ, включая понимание механизмов работы ИИ-инструментов, их интеграцию в учебный процесс и оценку влияния на образовательные результаты.

Кроме того, обеспечение равного доступа к образовательным технологиям остается сложной задачей, требующей решения. Диспаритет в доступе к ресурсам между образовательными учреждениями может способствовать углублению социальной несправедливости. Противодействие изменениям представляет собой человеческий аспект, значение которого не следует преуменьшать [Кротенко, 2024]. Преподаватели и студенты могут испытывать сопротивление к глубоким переформатированиям в образовательных подходах, связанным с внедрением интеллектуальных систем. Для того, чтобы полностью раскрыть возможности применения ИИ в сфере образования, требуется создание и реализация результативных технологий и стратегий. Интеграция традиционных и инновационных методик может облегчить учащимся и педагогам переход к новым технологиям, одновременно сохраняя доказательство эффективности устоявшихся образовательных практик [Дятлов, 2020; Кротенко, 2024].

Регулярное обновление образовательных программ с учетом возможностей ИИ является ключевым для

поддержания релевантности учебного процесса. Учебные планы должны отражать последние разработки в области ИИ и предоставлять студентам знания и умения, которые окажутся востребованными в будущем.

Заключение

Интеграция искусственного интеллекта в образовательную систему представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует тщательного анализа и взвешенного подхода. Рассмотрим ключевые аспекты, которые необходимо учитывать при внедрении ИИ в образование.

Достоинства интеграции ИИ в образование:

- персонализация обучения: ИИ может анализировать данные о студентах, их успеваемости и предпочтениях, что позволяет создавать индивидуализированные образовательные траектории. Это может повысить мотивацию и вовлеченность студентов;
- автоматизация рутинных задач: ИИ может взять на себя выполнение административных задач, таких как оценка тестов и управление расписанием, что освободит время преподавателей для более творческой и интерактивной работы с учащимися;
- доступ к образовательным ресурсам: ИИ может помочь в создании адаптивных образовательных платформ, которые предоставляют доступ к материалам в удобном формате и в нужное время, что особенно важно для студентов с ограниченными возможностями;

– анализ больших данных: ИИ способен обрабатывать и анализировать большие объемы данных, что позволяет выявлять тенденции и проблемы в образовательном процессе, а также предсказывать успехи студентов.

Потенциальные недочеты и риски:

– этические вопросы: использование ИИ в образовании поднимает вопросы конфиденциальности данных студентов и возможной дискриминации. Необходимо разработать четкие этические нормы и правила для защиты личной информации;

– зависимость от технологий: слишком сильная зависимость от ИИ может привести к снижению критического мышления и творческих способностей у студентов. Важно сохранять баланс между использованием технологий и традиционными методами обучения;

– неравный доступ: внедрение ИИ может усугубить существующие неравенства в доступе к образованию, особенно в регионах с ограниченными ресурсами. Необходимо обеспечить равный доступ к технологиям для всех студентов.

Рекомендованная стратегия внедрения ИИ:

– создание экспериментальной базы: рекомендуется разработать пилотные проекты в ведущих вузах, которые будут служить экспериментальными площадками для тестирования различных решений на основе ИИ. Это позволит выявить

лучшие практики и адаптировать их для более широкого применения;

– сотрудничество с заинтересованными сторонами: важно вовлекать в процесс внедрения ИИ всех заинтересованных лиц: преподавателей, студентов, администраторов и родителей. Их мнения и опыт помогут создать более эффективные и приемлемые решения;

– обучение и подготовка кадров: необходимо организовать курсы и тренинги для преподавателей и студентов, чтобы они могли эффективно использовать ИИ в образовательном процессе. Это поможет снизить страх перед новыми технологиями и повысить их приемлемость;

– мониторинг и оценка: важно установить механизмы мониторинга и оценки внедрения ИИ, чтобы своевременно выявлять проблемы и корректировать подходы. Это позволит обеспечить устойчивое развитие образовательной системы с учетом новых технологий.

Интеграция искусственного интеллекта в образовательную систему – это не просто технологический процесс, а комплексная задача, требующая внимательного подхода и учета множества факторов [Кузу, 2020].

Сосредоточение на достоинствах и потенциальных недочетах, а также разработка стратегий для их преодоления помогут максимизировать пользу от внедрения ИИ для студентов и образовательной сферы в целом.

Библиографический список

1. Байханов И. Б. Инновационные педагогические средства формирования электоральной культуры будущего педагога // Социально-политические исследования. 2023. № 4(21). С. 124–136. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_124.
2. Бермус А. Г. К проблеме исследования программирования в непрерывном образовании в полевом подходе // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 1. С. 2–19. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.5345>.
3. Бодрунов С. Д. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2(52). С. 17–21.
4. Бурова В. С. Цифровое сопровождение взаимодействия педагогов и родителей обучающихся начальной школы // Социально-политические исследования. 2023. № 4(21). С. 156–171. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_156.
5. Гольяпина И. Ю. Профессиональная квалификация и профессиональные компетенции как основа профессионального образования / И. Ю. Гольяпина, Н. Я. Гарафутдинова, В. М. Филиппов, С. Г. Корешева // Социально-политические исследования. 2023. № 2(19). С. 140–157. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_2_19_140.
6. Дятлов С. А. Цифровые блага в сервисно-цифровой экономике / С. А. Дятлов, К. В. Кудрявцева // Инновации. 2020. № 3(257). С. 60–65. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.0091>
7. Камнев В. М. О понятии медиаобразования // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 9–12. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-9-12>
8. Кичерова М. Н. Неформальное образование: международный опыт признания компетенций / М. Н. Кичерова, Е. В. Зюбан, Е. О. Муслимова // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 126–158. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-126-158>.
9. Козлова Т. А. Современная философия образования и современная философская антропология: совместные проблемы и пути взаимодействия // Непрерывное образование: XXI век. 2019. № 3. С. 18–27.
10. Кротенко Т. Ю. Анализ траекторий развития пространственных характеристик образовательной сферы, задающихся цифровыми и традиционными компонентами // Социально-политические исследования. 2024. № 3(24). С. 159–171. DOI 10.20323/2658-428X-2024-3-24-159.
11. Кротенко Т. Ю. Исследование новых пространственных параметров в сфере образования: анализ векторов развития, определяемых цифровыми и нецифровыми аспектами // E-Management. 2024. Т. 7, № 3. С. 52–60. DOI 10.26425/2658-3445-2024-7-3-52-60.
12. Кузу О. Х. Цифровизация в высшем образовании: тематическое исследование планов стратегического развития // Высшее образование в России. 2020. № 3. С. 9–23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-29-3-9-23>.
13. Кузьмина Е. Ю. Изменение компетенций сотрудников под запросы бизнеса // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 168–171. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-168-171>.

14. Куренной В.А. Философия либерального образования: принципы // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 8–39. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-8-39>.
15. Лоханова В. Н. Роль стандартизации в нормировании образовательного процесса высшей школы / В. Н. Лоханова, С. А. Антонов // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 4 (13). С. 1235–1252. <https://doi.org/10.18334/epp.13.4.117484>.
16. Меренков А. В. Практики организации подготовки инженерных кадров, востребованных индустрией 4.0 / А. В. Меренков, О. Я. Мельникова // Инженерное образование. 2021. № 29. С. 23–33. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_29_2.
17. Серкина Я. И. Риски цифровизации образовательного пространства как дигитальные демаркаторы корпоративной среды современного вуза / Я. И. Серкина, А. Э. Ушамировский, Г. А. Ельникова // Цифровая социология. 2023. № 3 (6). С. 34–44. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-34-44>.
18. Сундукова Г. М. Проблемы и перспективы цифровизации бизнес-процессов компании / Г. М. Сундукова, Л. Н. Деревягина, А. Н. Гелетий // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2(63). С. 128–132. DOI 10.47598/2078-9025-2024-2-63-128-132.
19. Тихомирова Л. Ф. Отношение студентов педагогического вуза к дистанционному обучению // Социально-политические исследования. 2023. № 3(20). С. 137–151. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_3_20_137.
20. Холмс У. Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения / У. Холмс, М. Бялик, Ч. Фейдел ; пер. с англ. Москва : Альпина ПРО, 2022. 301 с.
21. Шарипов Ф. Ф. Основные направления внедрения результатов исследований систем искусственного интеллекта в отечественное производство / Ф. Ф. Шарипов, М. А. Дьяконова // Вестник университета. 2024. № 2. С. 16–22. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-16-22>.
22. Шихгафизов П. Ш. Влияние цифровой грамотности на субъективное благополучие молодого населения региона / П. Ш. Шихгафизов, Е. В. Конищева, С. А. Котляров // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 4. С. 61–66. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>.

Reference list

1. Bajhanov I. B. Innovacionnye pedagogicheskie sredstva formirovanija jel-ektoral'noj kul'tury budushhego pedagoga = Innovative pedagogical means of forming the electoral culture of the future teacher // Social'no-politicheskie issledovanija. 2023. № 4(21). S. 124–136. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_124.
2. Bermus A. G. K probleme issledovanija programmirovaniya v nepreryvnom obrazovanii v polevom podhode = To the problem of research programming in continuing education in the field approach // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2020. № 1. S. 2–19. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.5345>.
3. Bodrunov S. D. Vozvrashhenie industrii - vozvrashhenie Gjelbrejta: ot NIO.2 k noosfernoj civilizacii = Return of industry - return of Galbraith: from NIO.2 to noospheric civilization // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2017. № 2(52). S. 17–21.

4. Burova V. S. Cifrovoe soprovozhdenie vzaimodejstvija pedagogov i roditel'ej obuchajushhihsja nachal'noj shkoly = Digital support for the interaction of teachers and parents of primary school students // *Social'no-politicheskie issledovanija*. 2023. № 4(21). S. 156–171. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_156.
5. Gol'tjapina I. Ju. Professional'naja kvalifikacija i professional'nye kompetencii kak osnova professional'nogo obrazovanija = Professional qualifications and professional competencies as the basis of vocational education / I. Ju. Gol'tjapina, N. Ja. Garafutdinova, V. M. Filippov, S. G. Koresheva // *Social'no-politicheskie issledovanija*. 2023. № 2(19). S. 140–157. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_2_19_140.
6. Djatlov S. A. Cifrovye blaga v servisno-cifrovoj jekonomike = Digital goods in the service-digital economy / S. A. Djatlov, K. V. Kudrjavceva // *Innovacii*. 2020. № 3(257). S. 60–65. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.0091>.
7. Kamnev V. M. O ponjatii mediaobrazovanija = On the concept of media education // *Voprosy filosofii*. 2020. № 3. S. 9–12. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-9-12>.
8. Kicherova M. N. Neformal'noe obrazovanie: mezhdunarodnyj opyt priznanija kompetencij = Non-formal education: international experience in competency recognition / M. N. Kicherova, E. V. Zjuban, E. O. Muslimova // *Voprosy obrazovanija*. 2020. № 1. S. 126–158. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-126-158>.
9. Kozlova T. A. Sovremennaja filosofija obrazovanija i sovremennaja filosofskaja antropologija: sovmestnye problemy i puti vzaimodejstvija = Modern philosophy of education and modern philosophical anthropology: joint problems and ways of interaction // *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 2019. № 3. S. 18–27.
10. Krotenko T. Ju. Analiz traektorij razvitija prostranstvennyh harakteristik obrazovatel'noj sfery, zadajushhihsja cifrovymi i tradicionnymi komponentami = Analysis of trajectories of development of educational sphere spatial characteristics, set by digital and traditional components // *Social'no-politicheskie issledovanija*. 2024. № 3(24). S. 159–171. DOI 10.20323/2658-428X-2024-3-24-159.
11. Krotenko T. Ju. Issledovanie novyh prostranstvennyh parametrov v sfere obrazovanija: analiz vektorov razvitija, opredeljaemyh cifrovymi i necifrovymi aspektami = Research of new spatial parameters in the field of education: analysis of development vectors determined by digital and non-digital aspects // *E-Management*. 2024. T. 7, № 3. S. 52–60. DOI 10.26425/2658-3445-2024-7-3-52-60.
12. Kuzu O. H. Cifrovizacija v vysshem obrazovanii: tematicheskoe issledovanie planov strategicheskogo razvitija = Digitalization in higher education: a thematic study of strategic development plans // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2020. № 3. S. 9–23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-29-3-9-23>.
13. Kuz'mina E. Ju. Izmenenie kompetencij sotrudnikov pod zaprosy biznesa = Changing the competencies of employees for business requests // *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij)*. 2023. № 4(61). S. 168–171. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-168-171>.
14. Kurennoj V. A. Filosofija liberal'nogo obrazovanija: principy = Philosophy of liberal education: principles // *Voprosy obrazovanija*. 2020. № 1. S. 8–39. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-8-39>.
15. Lohanova V. N. Rol' standartizacii v normirovanii obrazovatel'nogo processa vysshej shkoly = The role of standardization in rationing the educational process of

higher education / V. N. Lohanova, S. A. Antonov // *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2023. № 4 (13). S. 1235–1252. <https://doi.org/10.18334/epp.13.4.117484>.

16. Merenkov A. V. Praktiki organizacii podgotovki inzhenernyh kadrov, vostrebovannyh industriej 4.0 = Practices for organization of training of engineering personnel demanded by industry 4.0 / A. V. Merenkov, O. Ja. Mel'nikova // *Inzhenernoe obrazovanie*. 2021. № 29. S. 23–33. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_29_2.

17. Serkina Ja. I. Riski cifrovizacii obrazovatel'nogo prostranstva kak digital'nye demarkatory korporativnoj sredy sovremennogo vuza = Risks of digitalization of the educational space as digital demarcators of the corporate environment of a modern university / Ja. I. Serkina, A. Je. Ushamirskij, G. A. El'nikova // *Cifrovaja sociologija*. 2023. № 3 (6). S. 34–44. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-34-44>.

18. Sundukova G. M. Problemy i perspektivy cifrovizacii biznes-processov kompanii = Problems and prospects of digitalization of the company's business processes / G. M. Sundukova, L. N. Derevjagina, A. N. Geletij // *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij)*. 2024. № 2(63). S. 128–132. DOI 10.47598/2078-9025-2024-2-63-128-132.

19. Tihomirova L. F. Otnoshenie studentov pedagogicheskogo vuza k distancionnomu obucheniju = The attitude of students of a pedagogical university to distance learning // *Social'no-politicheskie issledovanija*. 2023. № 3(20). S. 137–151. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_3_20_137.

20. Holms U. Iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: perspektivy i problemy dlja prepodavaniya i obuchenija = Artificial intelligence in education: perspectives and challenges for teaching and learning / U. Holms, M. Bjalik, Ch. Fejdel ; per. s angl. Moskva : Al'pina PRO, 2022. 301 s.

21. Sharipov F. F. Osnovnye napravlenija vnedrenija rezul'tatov issledovanij sistem iskusstvennogo intellekta v otechestvennoe proizvodstvo = The main directions for implementing the results of research of artificial intelligence systems in domestic production / F. F. Sharipov, M. A. D'jakonova // *Vestnik universiteta*. 2024. № 2. S. 16–22. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-16-22>.

22. Shihgafizov P. Sh. Vlijanie cifrovoj gramotnosti na sub#ektivnoe blagopoluchie molodogo naselenija regiona = The impact of digital literacy on the subjective well-being of the region's young population / P. Sh. Shihgafizov, E. V. Konishheva, S. A. Kotljarov // *Cifrovaja sociologija*. 2023. T. 6, № 4. S. 61–66. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 23.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-192

EDN: XMGSHG

Роль экстренной психолого-педагогической помощи в профилактике суицидов населения Европейского Союза на примере Эстонии

Владимир Иосифович Авраменко

Психолог-педагог, руководитель проекта на русском языке MTÜ “Eluliin”

(«Линия жизни»), г. Таллинн, Эстония

vladimav@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3486-3504>

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема психолого-педагогической профилактики суицидов в странах Европейского Союза на примере Эстонии. Сделан обзор социально-экономической обстановки, сложившейся в Евросоюзе, и ее влияние на развитие жизненных стрессов среди населения. Автором изучены предпосылки, которые оказывают воздействие на психологическое состояние человека, способного впоследствии совершить попытку суицида. Подчеркивается, что к числу таких факторов можно отнести низкий уровень заработной платы в Эстонии (17 место в Евросоюзе), рост безработицы среди населения страны с 4,5 % в 2019 г. до 6,4 % в 2023 г., высокий уровень бедности среди пожилых людей (около 40 % старше 65 лет, 2 место в Евросоюзе), рост агрессии и русофобии, негативный новостной фон в связи с возможной войной на территории Прибалтики. В качестве профилактической меры снижения частоты суицидов автор рассматривает деятельность экстренной психолого-педагогической помощи на примере телефона доверия «Линия жизни» в г. Таллинн, Эстония. В статье описаны психолого-педагогические особенности деятельности волонтеров-консультантов телефонной психолого-педагогической помощи и специфика телефонного консультирования как особого вида психолого-педагогической деятельности. Обоснованы критерии отбора волонтеров для телефонного консультирования, уточнены принципы их работы, сделаны выводы о результативности деятельности телефона доверия «Линия жизни».

Ключевые слова: социально-экономическая ситуация; экономическая рецессия, психосоциальный дистресс; телефон доверия; волонтер; телефонная психолого-педагогическая помощь; профилактика суицидов

Для цитирования: Авраменко В. И. Роль экстренной психолого-педагогической помощи в профилактике суицидов населения Европейского Союза на примере Эстонии // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 192–203. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-192>. <https://elibrary.ru/XMGSHG>.

Original article

The role of emergency psychological and pedagogical assistance in suicide prevention in the European Union on the example of Estonia

Vladimir I. Avramenko

Psychologist-teacher, project manager in Russian MTÜ “Eluliin” (“Life Line”), Tallinn, Estonia

vladimav@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3486-3504>

Abstract. The presented article examines the problem of psychological and pedagogical suicide prevention in the countries of the European Union using the example of Estonia. An overview of the socio-economic situation in the European Union and its impact on the development of life stresses among the population is given. The author has studied the prerequisites that affect the psychological state of a person who is able to subsequently attempt suicide. It is emphasized that such prerequisites include low wages in Estonia (17th place in the European Union), an increase in unemployment among the country's population from 4,5 % in 2019 to 6,4 % in 2023, a high level of poverty among the elderly (about 40 % over 65, 2nd place in the European Union), The growth of aggression and russophobia, the negative news background is associated with a possible war in the Baltic States. As a preventive measure to reduce the frequency of suicides, the author considers the activities of the emergency telephone for psychological and pedagogical assistance using the example of the Lifeline helpline in Tallinn, Estonia. The article describes the psychological and pedagogical features of the activities of volunteer consultants of telephone psychological and pedagogical assistance and the specifics of telephone counseling as a special type of psychological and pedagogical activity. The criteria for selecting volunteers for telephone counseling are substantiated, the principles of their work are clarified, and conclusions are drawn about the effectiveness of the Lifeline helpline.

Key words: socio-economic situation; economic recession; psychosocial distress; helpline; volunteer; telephone psychological and pedagogical assistance; suicide prevention

For citation: Avramenko V. I. The role of emergency psychological and pedagogical assistance in suicide prevention in the European Union on the example of Estonia. *Social and political researches*. 2025;2(27): 192–203. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-192>. <https://elibrary.ru/XMGSHG>.

Введение

В настоящее время суициды и суицидальные попытки представляют собой серьезную социальную мировую проблему. На сегодняшний день самоубийства входят в десятку основных причин смерти среди населения различных стран,

при этом данная категория вышла на третье место в мире среди причин смерти молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет [Всемирная Организация ...]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что суициды носят глобальный характер и отражают величину психосо-

Роль экстренной психолого-педагогической помощи в профилактике суицидов 193 населения Европейского Союза на примере Эстонии

циального дистресса внутри общества. Самоубийства требуют пристального внимания и изучения причин, последствий и психолого-педагогической профилактики данного явления.

Примечательно, что связь между суицидом и психическими расстройствами (в частности, депрессией и расстройствами, связанными с употреблением алкоголя) и предыдущей попыткой суицида прослеживается, в первую очередь, в странах с высоким уровнем дохода [Barnett, 2016]. При этом многие суициды совершаются импульсивно в моменты кризиса, когда человек теряет способность справляться с жизненными стрессами, такими как финансовые проблемы, сложности в отношениях с близкими и хронические заболевания. Помимо этого, на вероятность суицида влияет переживание человеком конфликтов, насилия, стихийных бедствий, потеря близких и социальная изоляция. Уровень суицидов также высок среди уязвимых групп, которые подвергаются дискриминации, таких как беженцы и мигранты, коренные народы, лица нетрадиционной сексуальной ориентации, бисексуалы, трансгендеры и заключенные [Всемирная Организация ...].

В связи с тем, что существует большое количество факторов и причин, приводящих человека к суициду [Грачева, Баженова, 2016; Гроголева, 2018; Жихарева, 2017; Иванова, 2017; Салманова, 2017;

Селиванова, 2017; Евсеенкова, 2019], представляется актуальным изучение рисков составляющих суицидального поведения и определение мер, способных предотвратить их реализацию.

Методология и методы исследования

В качестве методологического принципа исследования был выбран системный подход к изучению причин суицидального поведения и предпосылок к его появлению среди взрослых людей. Были использованы методы анализа, обобщения и систематизации данных по теме исследования.

Результаты исследования

Согласно статистическим данным, опубликованным ежегодным сборником показателей здоровья Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире происходит более 726 тыс. суицидов, при этом на каждый суицид приходится до 20 предшествующих неудачных попыток [Всемирная Организация ...]. Причинами суицидов становятся различные факторы, которые на протяжении длительного времени исследуются учеными по степени воздействия: негативная социально-политическая обстановка в стране, уровень разводов, злоупотребление алкоголем, хронические заболевания, а также финансовая нестабильность населения. Согласно исследованиям, наибольшая доля самоубийств происходит в весенний период, что можно объ-

яснить изменением биологических биоритмов человека. «Максимальное количество суицидов происходит в мае, минимальное – в декабре» [Журавлева, 2021, с. 24].

Важным негативным фактором, влияющим на увеличение суицидов, являются экономические колебания, на что впервые в своих исследованиях указал Э. Дюркгейм [Дюркгейм, 2019]. Исследования, изучавшие связь между состоянием экономики и уровнем суицидов, показали, что, как правило, частота суицидов колеблется в соответствии с изменениями уровня экономической активности, увеличиваясь в периоды экономической рецессии. В качестве индикатора экономического кризиса обычно используется уровень безработицы [Clough, 2015]. Данный показатель является постоянным атрибутом кризиса и ассоциируется с психо-социальным дистрессом не только

в связи со снижением уровня доходов, но и под влиянием понижения социального статуса, социальной поддержки и самооценки человека, переживающего все эти явления.

Рассматривая статистику суицидов в европейских государствах, можно отметить тот факт, что многие из них входят в ТОП-20 стран с наибольшим количеством суицидов на душу населения, при этом основную долю государств составляют страны Восточной Европы и постсоветского пространства. Так, на седьмом месте данного антирейтинга находится Литва – 26,1 суицидов на 100 тыс. человек; 15-е место – Латвия с показателем 20,1 по частоте суицидов; 16-е место – Словения с показателем 19,8 [Мировая статистика ...]. Общая статистика суицидов в европейских государствах представлена на рисунке.

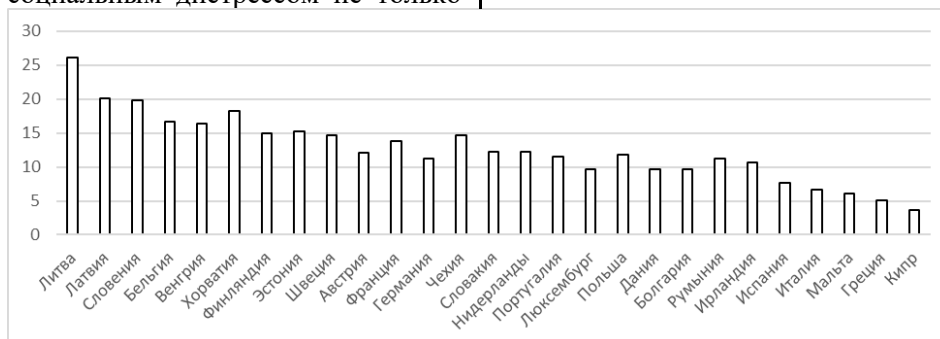

Рис. 1. Частота суицидов на 100 тыс. человек в странах Европы, 2024 г.

Источник: составлено на основе [Мировая статистика ...].

Исследования показывают, что существуют значительные гендерные различия в суицидах: Э. Дюркгейм указывал, что в среднем на

четыре мужских суицида приходится одно женское [Дюркгейм, 2019]. Данная гипотеза подкрепляется статистикой за 2024 г. в стра-

нах Евросоюза, где в среднем зафиксировано 19,8 суицидов среди мужского населения на 5,9 среди женского (в среднем на 100 тыс. человек) [Мировая статистика ...]. Худшие показатели в данном случае демонстрируют такие страны, как Литва, Латвия, Словения, Венгрия, Хорватия (рис. 2), то есть

страны бывшего социалистического блока, где за последние 30 лет существенно изменился общественный уклад жизни, наблюдались экономические колебания и безработица [Хелама, 2016]. Данные факторы, как было сказано выше, существенно влияют на частоту суицидов среди населения.

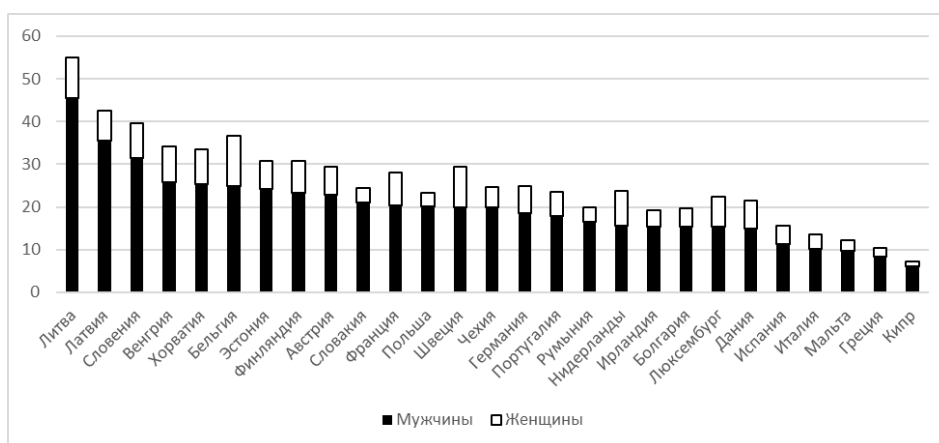

Рис. 2. Гендерные различия в суицидах в странах Евросоюза, 2024
Источник: составлено на основе [Мировая...].

По итогам 2024 г. Эстония занимает 27-е место в мире по количеству суицидов на 100 тысяч человек населения страны и 7-е среди стран Евросоюза. Ежегодно около 200 человек лишают себя жизни, что выше среднего показателя в Евросоюзе [Всемирная Организация ...]. Важно понимать, что удавшаяся попытка суицида оказывает негативные последствия для окружения человека, лишившего себя жизни, что также в перспективе может увеличивать статистику суицидов.

Рассматривая частоту суицидов с позиции влияния экономических факторов, следует отметить такие негативные факторы, как:

- низкий уровень заработной платы в стране. По итогам 2023 г. Эстония находилась на 17-м месте среди стран Евросоюза по уровню оплаты одного часа работы – 18,3 евро против среднего показателя по Евросоюзу 31,8 евро в час. При этом в странах-лидерах этот показатель значительно выше: Люксембург – 53,9 евро в час, Норвегия – 51,9 евро, Германия –

48,1 евро. Медианная заработная плата в Эстонии составляет 9,3 евро в час [Статистика Европейского ...].

– рост безработицы среди населения: за период с 2019 по 2023 гг. уровень безработицы возрос с 4,5 % до 6,4 % при среднем уровне в Евросоюзе 6,1 %. Такие страны, как Германия, Чехия, Польша, находящиеся в топе лучших стран по уровню безработицы, в 2023 году достигли показателя около 3 % [Data page ...].

– высокий уровень бедности среди пожилых людей. По итогам 2023-2024 гг. около 40% пожилых людей старше 65 лет в Эстонии подвержены риску бедности. По данному показателю Эстония занимает второе место среди стран Европейского Союза [Статистика Европейского ...].

Помимо этого, невозможно не отметить рост агрессии среди населения Эстонии, который усилил отрицательную динамику после начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине. Усиление русофобии в обществе, негативный новостной фон, нагнетающий информационную обстановку о возможности войны на территории Прибалтики, оказывают негативное влияние на

эмоциональное состояние населения [Акимова, 2023].

Очевидно, что в сложившихся условиях необходимы превентивные психолого-педагогические меры, которые будут способствовать снижению частоты суицидов в стране. Как показывает практика, одним из инструментов предотвращения суицидов стал телефон доверия [Data page ...]. В г. Таллин с 2002 г. действует телефон экстренной психолого-педагогической помощи «Линия жизни», где волонтеры помогают людям, находящимся в сложной жизненной ситуации. За годы работы «Линия жизни» стала известна не только в Таллине и Эстонии, но и за рубежом. Ежегодно количество обратившихся за психолого-педагогической помощью увеличивается (рис. 3), при этом за последние четыре года произошло резкое увеличение количества звонков на линию доверия. Это связано, в первую очередь, с мировой нестабильностью, которая сформировалась под влиянием ограничений, связанных с пандемией COVID-19, экономическими колебаниями, возникшими в связи с локдаунами, а также политической обстановкой [Ерицян, 2021].

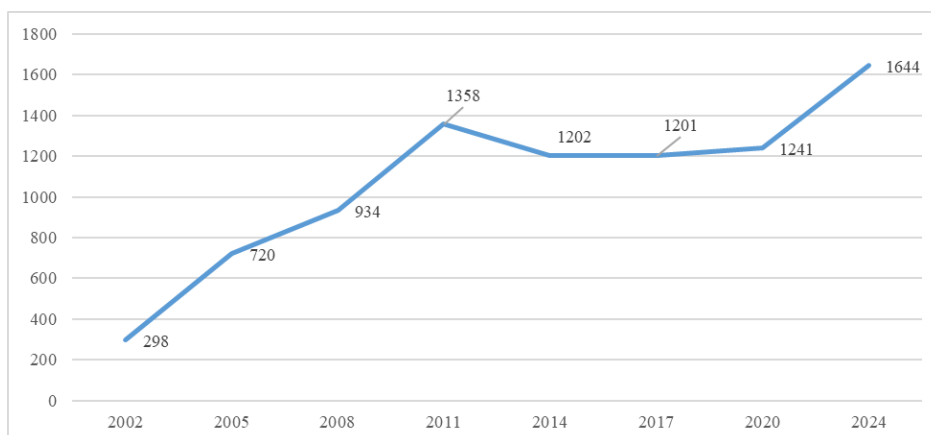

Рис. 3. Динамика звонков на телефон доверия «Линия жизни», 2002-2024 гг.
Источник: внутренние данные организации «Линия жизни».

Тематика обращений последние пять лет неизменна: основными поводами для обращений на «Линию жизни» за последние годы стали такие причины, как потеря работы и средств к существованию; семейные проблемы между супругами; смерть близкого человека; пережитое насилие и потеря смысла жизни.

«Линия жизни» осуществляет деятельность на основе международных стандартов телефонной психолого-педагогической помощи, введенных IFOTES – Международной федерацией служб неотложной телефонной помощи, соблюдая принципы анонимности, конфиденциальности и надежности [Международная федерация ...]. Психолого-педагогическую помощь и поддержку на «Линии жизни» оказывают волонтеры, которые проходят тщательный отбор на основе анкетирования: в ходе письменного опроса выявляются личностные ценности волонтера, его готовность помогать

людям, личная мотивация в осуществлении психолого-педагогической помощи. Также оценивается собственный опыт волонтера в преодолении жизненных трудностей и его общие ожидания от работы в телефоне доверия.

Особенностью телефонного консультирования и оказания психолого-педагогической помощи является наличие только слухового канала поступления информации, что затрудняет понимание психоэмоционального состояния обратившегося [Chan, 2018]. При очной консультации волонтер может обращать внимание на мимику, жесты, позу клиента, при телефонной консультации он может полагаться только на речевую составляющую и информацию, которую обратившийся готов донести. Поэтому для телефонного консультанта, в качестве которого и выступают волонтеры «Линии жизни», крайне важно развить чувствительность к речевой артикуляции, тембру

голоса, а также необходима способность к пониманию и анализу психоэмоционального состояния звонящего, которое можно определить по грамотности и связности речи, расстановке логических ударений, быстроте произношения слов. Фоновая обстановка и звуки также имеют значение для понимания ситуации, в которой находится обратившийся.

Особую категорию обращающихся на телефон доверия составляют так называемые «постоянные клиенты», которые звонят с определенной периодичностью в связи с чувством одиночества, наличием психического расстройства и другими причинами. В таких случаях консультанты должны проявлять особый подход, основанный на принципе конфиденциальности, не показывая обратившемуся, что его узнали. По течению беседы консультант отслеживает состояние позвонившего по сравнению с предыдущим звонком и определяет вероятность риска наступления суицидальной попытки.

В ходе телефонного разговора консультант должен применять технику активного слушания, давать возможность собеседнику высказаться, не перебивать и не давать оценку его суждениям [Barnett, 2016]. Основной задачей консультанта «Линии жизни» является снижение уровня психоэмоционального стресса собеседника, что позволяет выгадать время и отложить наступление напряженного периода, в течение которого обратившийся может совершить суицидальную попытку. Важнейшим качеством консультанта для осуществления телефонной пси-

холого-педагогической помощи является способность к установлению эмпатического контакта, что предполагает понимание и разделение мыслей и чувств обратившегося. Эмпатический контакт предполагает безоценочное слушание и получение от звонящего значимой информации. Консультант делает все возможное, чтобы дать человеку выжить и информирует о всех формах необходимой помощи.

В ходе беседы градус внутреннего напряжения обратившегося снижается, меняется его картина мира, в которой он способен разглядеть светлые моменты своей жизни, способные создать привязку к желанию жить. Эффективная работа консультанта и его бескорыстная помощь помогают сохранить жизни и способствуют тому, что обратившийся не чувствует себя одиноким.

Следует отметить, что консультанту при оказании психолого-педагогической помощи необходимо избегать сложных ситуаций, которые могут быть негативно восприняты обратившимся. Среди таких ситуаций можно выделить:

- нарушение принципа анонимности, встречи с обратившимся, распространение информации о нем;
- «неприсутствие» в беседе – отвлеченность внимания, проявление безразличия к ситуации и состоянию обратившегося;
- реализация собственных потребностей и личных проекций;
- проявление зависимости, незрелости в ходе беседы.

В ходе осуществления своей деятельности консультант должен оста-

ваться психологически независимой личностью, не привязываясь эмоционально к людям, обращающимся за консультацией и помощью. При этом консультанту необходимо демонстрировать и проявлять высокий уровень эмпатии, уважать ценности другой личности и быть готовым понять и принять психоэмоциональное состояние человека.

Таким образом, служба экстренной психолого-педагогической помощи «Линия жизни» является социально значимым проектом, позволяющим оказывать эмоциональную, моральную и духовную поддержку людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию.

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено, что суициды на сегодняшний день являются значительной проблемой психологического здоровья населения. Суициды становятся одной из основных причин смерти среди молодых людей, количественно возрастая каждый год. Наиболее характерны случаи суицидов для стран с высоким уровнем дохода и образования среди населения;

самоубийство провоцируется душевными страданиями. Одновременно с этим исследователями доказано, что на частоту суицидов влияет нестабильная экономическая обстановка в стране, которая приводит к снижению уровня жизни, изменению социального окружения и другим факторам, приводящим к суицидальным мыслям.

Изучение уровня суицидов в Европейском Союзе на примере Эстонии показало, что негативные экономические и политические колебания, связанные с локдаунами, ростом безработицы и невысоким уровнем дохода, оказывают влияние на частоту суицидов среди населения страны.

В статье рассмотрено, что одним из способов профилактики суицидов является работа телефона психолого-педагогического консультирования и помощи «Линия жизни» в Эстонии. Исследование показало, что деятельность консультанта по телефону доверия имеет специфические особенности и требует от него наличия особых навыков, которые способствуют эффективному взаимодействию с обратившимся.

Библиографический список

1. Акимова А. О. Страны Прибалтики и СВО // Постсоветский материк. 2023. №3 (39). С. 37–42.
2. Всемирная Организация Здравоохранения. URL: https://www.who.int/health-topics/suicide#tab=tab_1 (дата обращения: 26.01.2025).
3. Грачева А. В. Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте / А. В. Грачева, А. А. Бажинова // Территория науки. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-suitsidalnogo-povedeniya-v-podrostkovom-vozraste/viewer> (дата обращения: 26.01.2025).
4. Гроголева Ю. А. Ошибки родительского воспитания как предикторы суицидального риска в подростковом возрасте // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2018. №3. С. 41–53.

5. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. Москва : Юрайт. Антология мысли, 2019. 316 с.
6. Евсеенкова Е. В. Факторы риска аутодеструктивного поведения у старших подростков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21(1). С. 74–86.
7. Ерицян К.Ю. Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии / К. Ю. Ерицян, М. М. Русакова, А. А. Александрова, Н. М. Усачева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3 (163). С. 250–270.
8. Жихарева Л. В. Виртуальные группы смерти: методология исследования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. №1. Т. 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-gruppy-smerti-metodologiya-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 26.01.2025).
9. Журавлева Т. В. Роль социально-демографических и психологических факторов в детерминации суицидального поведения у лиц с незавершенными попытками самоубийства / Т. В. Журавлева, С. Н. Ениколопов // Международно-научный исследовательский журнал. 2021. №8(110). Ч. 2. С. 164–170.
10. Иванова Е. И. Проведение диагностических и психокоррекционных мероприятий с детьми и подростками, совершившими суицидальную попытку // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2017. №1(16). Т. 3. С. 20–23.
11. Международная федерация служб неотложной телефонной помощи. URL: <https://www.ifotes.org/en/about> (дата обращения: 23.01.2025).
12. Мировая статистика в реальном времени. URL: <https://countrycassette.com/suicide-rates-by-country/> (дата обращения: 26.01.2025).
13. Салманова Н. Э. Суицидальные и кризисные состояния подростков как следствие конфликтов в их коллективе // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. №1. С. 114–119.
14. Селиванова Е. А. Профилактика суицида у подростков: как уберечь ребенка от игр со смертью // Метеор-сити. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-suitsida-u-podrostkov-kak-uberech-rebenka-ot-igr-so-smertyu/viewer> (дата обращения: 26.01.2025).
15. Статистика Европейского союза – Евростат. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lc_lci_lev/default/table?lang=en (дата обращения: 23.01.2025).
16. Хелама С. Суициды в Европе и постсоветских государствах: долгосрочные тенденции и закономерности изменений / С. Хелама, Я. Холопаинен, Т. Партонен // Социальная и клиническая психиатрия. 2016. №2. С. 23–25.
17. Barnett J.E., Kolmes K. The practice of tele-mental health: Ethical, legal, and clinical issues for practitioners // Practice Innovations. 2016. Vol. 1(1). P. 53–66.
18. Chan C.H., Wong H.K., Yip P.S. Exploring the use of telephone helpline pertaining to older adult suicide prevention: a Hong Kong experience // Affect Disord. 2018. Vol. 236. P. 75–79.
19. Clough B.A., Casey L.M. The smart therapist: A look to the future of smart-phones and mHealth technologies in psychotherapy // Professional Psychology: Research and Practice. 2015. Vol. 46(3). P. 147–153.

20. Data page: Human capital index. Our world in data (2024). Data adapted from World Bank. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/human-capital-index-in-2018> (дата обращения: 31.10.2024).

Reference list

1. Akimova A. O. Strany Pribaltiki i SVO = Baltic States and SMO // Postsovetiskij materik. 2023. №3 (39). S. 37–42.
2. Vsemirnaja Organizacija Zdravoohranenija = World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/suicide#tab=tab_1 (data obrashhenija: 26.01.2025).
3. Gracheva A. V. Osobennosti suicidal'nogo povedeniya v podrostkovom vozraste = Features of suicidal behavior in adolescence / A. V. Gracheva, A. A. Bazhinova // Territorija nauki. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-suicidalnogo-povedeniya-v-podrostkovom-vozraste/viewer> (data obrashhenija: 26.01.2025).
4. Grogoleva Ju. A. Oshibki roditel'skogo vospitaniya kak prediktory suicidal'nogo riska v podrostkovom vozraste = Parenting errors as predictors of suicidal risk in adolescence // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psihologija». 2018. №3. S. 41–53.
5. Djurkgejm Je. Samoubijstvo: sociologicheskij jetjud = Suicide: a sociological study. Moskva : Jurajt. Antologija mysli, 2019. 316 s.
6. Evseenkova E. V. Faktory riska autodestruktivnogo povedeniya u starshih podrostkov = Risk factors for autodestructive behavior in older adolescents // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 21(1). S. 74–86.
7. Ericjan K. Ju. Perezhit' lokdaun: izmeneniya v zanjatosti i psihologicheskoe blagopoluchie naseleniya v jepohu pandemii = Survive lockdown: changes in employment and psychological well-being of the population in the era of a pandemic / K. Ju. Ericjan, M. M. Rusakova, A. A. Aleksandrova, N. M. Usacheva // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2021. № 3 (163). S. 250–270.
8. Zhihareva L. V. Virtual'nye gruppy smerti: metodologija issledovaniya = Virtual death groups: research methodology // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija. 2017. №1. T. 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-gruppy-smerti-metodologiya-issledovaniya/viewer> (data obrashhenija: 26.01.2025).
9. Zhuravleva T. V. Rol' social'no-demograficheskikh i psihologicheskikh faktorov v determinacii suicidal'nogo povedeniya u lic s nezavershennymi popytkami samoubijstva = Role of sociodemographic and psychological factors in determining suicidal behavior in individuals with incomplete suicide attempts / T. V. Zhuravleva, S. N. Enikolopov // Mezhdunarodno-nauchnyj issledovatel'skij zhurnal. 2021. №8(110). Ch. 2. S. 164–170.
10. Ivanova E. I. Provedenie diagnosticheskikh i psihokorrekcionnyh meroprijatij s det'mi i podrostkami, sovershivshimi suicidal'nuju popytku = Conducting diagnostic and psycho-corrective measures with children and adolescents who have committed a suicidal attempt // Vestnik Soveta molodyh uchjonyh i specialistov Cheljabinskoj oblasti. 2017. №1(16). T. 3. S. 20–23.
11. Mezhdunarodnaja federacija sluzhb neotlozhnoj telefonnoj pomoshhi = International Federation of Emergency Telephone Services. URL: <https://www.ifotes.org/en/about> (data obrashhenija: 23.01.2025).
12. Mirovaja statistika v real'nom vremeni = Real-time world statistics. URL: <https://countrycassette.com/suicide-rates-by-country/> (data obrashhenija: 26.01.2025).

13. Salmanova N. Je. Suicidal'nye i krizisnye sostojanija podrostkov kak sledstvie konfliktov v ih kollektive = Suicidal and crisis states of adolescents as a result of conflicts in their team // Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chehova. 2017. №1. S. 114–119.

14. Selivanova E. A. Profilaktika suicida u podrostkov: kak uberech' rebenka ot igr so smert'ju = Suicide prevention in adolescents: how to protect a child from playing with death // Meteor-siti. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-suicida-u-podrostkov-kak-uberech-rebenka-ot-igr-so-smertyu/viewer> (data obrashhenija: 26.01.2025).

15. Statistika Evropejskogo sojuza – Evrostat = European Union Statistics - Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lc_lci_lev/default/table?lang=en (data obrashhenija: 23.01.2025).

16. Helama S. Suicidy v Evrope i postsovetских gosudarstvah: dolgosrochnye tendencii i zakonomernosti izmenenij = Suicides in Europe and post-Soviet states: long-term trends and patterns of change / S. Helama, Ja. Holopainen, T. Partonen // Social'naja i klinicheskaja psihiatrija. 2016. №2. S. 23–25.

17. Barnett J. E., Kolmes K. The practice of tele-mental health: Ethical, legal, and clinical issues for practitioners // Practice Innovations. 2016. Vol. 1(1). P. 53–66.

18. Chan C. H., Wong H. K., Yip P. S. Exploring the use of telephone helpline pertaining to older adult suicide prevention: a Hong Kong experience // Affect Disord. 2018. Vol. 236. P. 75–79.

19. Clough B. A., Casey L. M. The smart therapist: A look to the future of smart-phones and mHealth technologies in psychotherapy // Professional Psychology: Research and Practice. 2015. Vol. 46(3). P. 147–153.

20. Data page: Human capital index. Our world in data (2024). Data adapted from World Bank. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/human-capital-index-in-2018> (data obrashhenija: 31.10.2024).

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

2025 – № 2 (27)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 25,5 п. л., 13,36 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 68. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 17.07.2025

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150066, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150066, г. Ярославль, Которосльная наб., 44